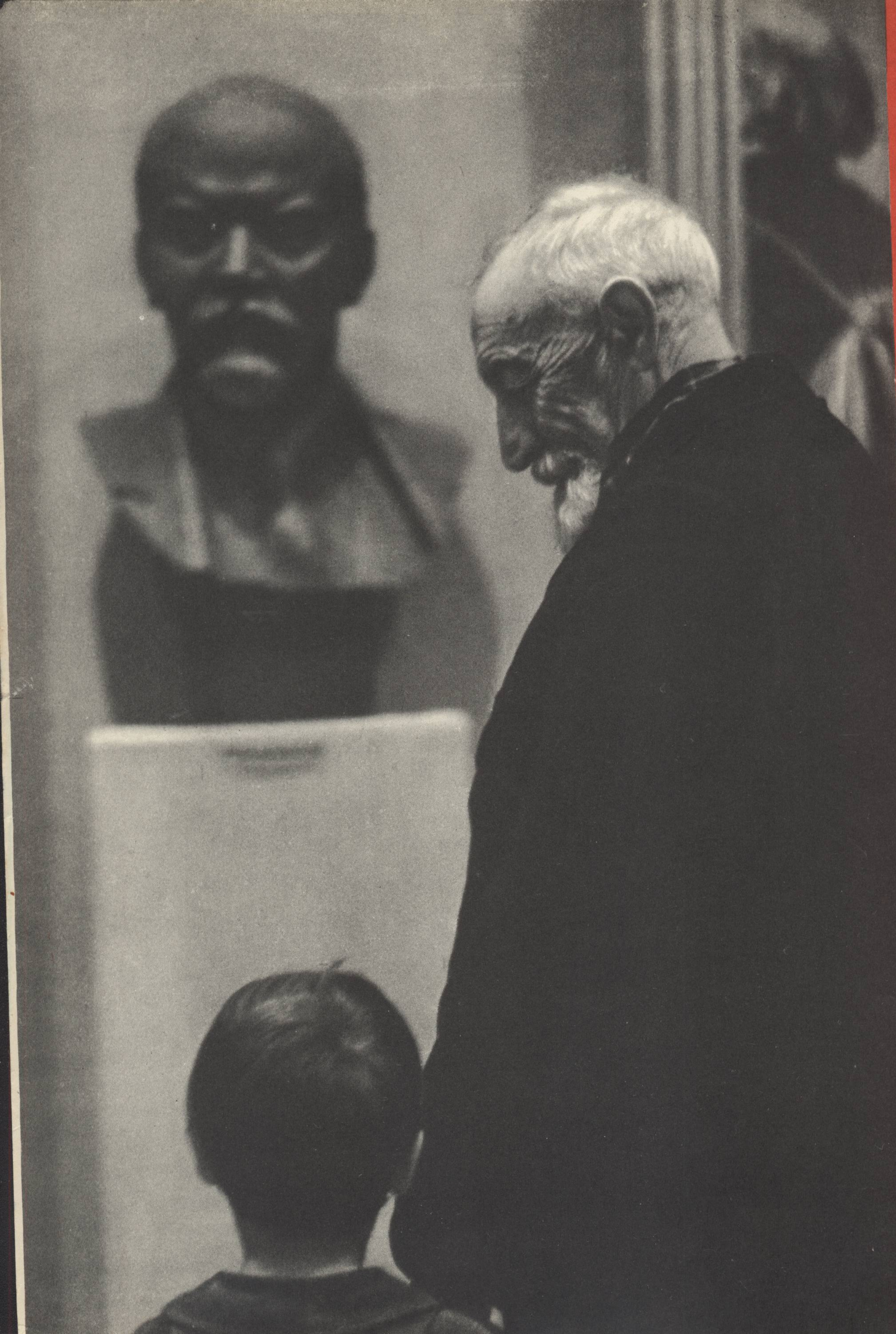
ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1961 г.

«В МУЗЕЕ». Фото В. Калмыкова.

Год издания 38-й

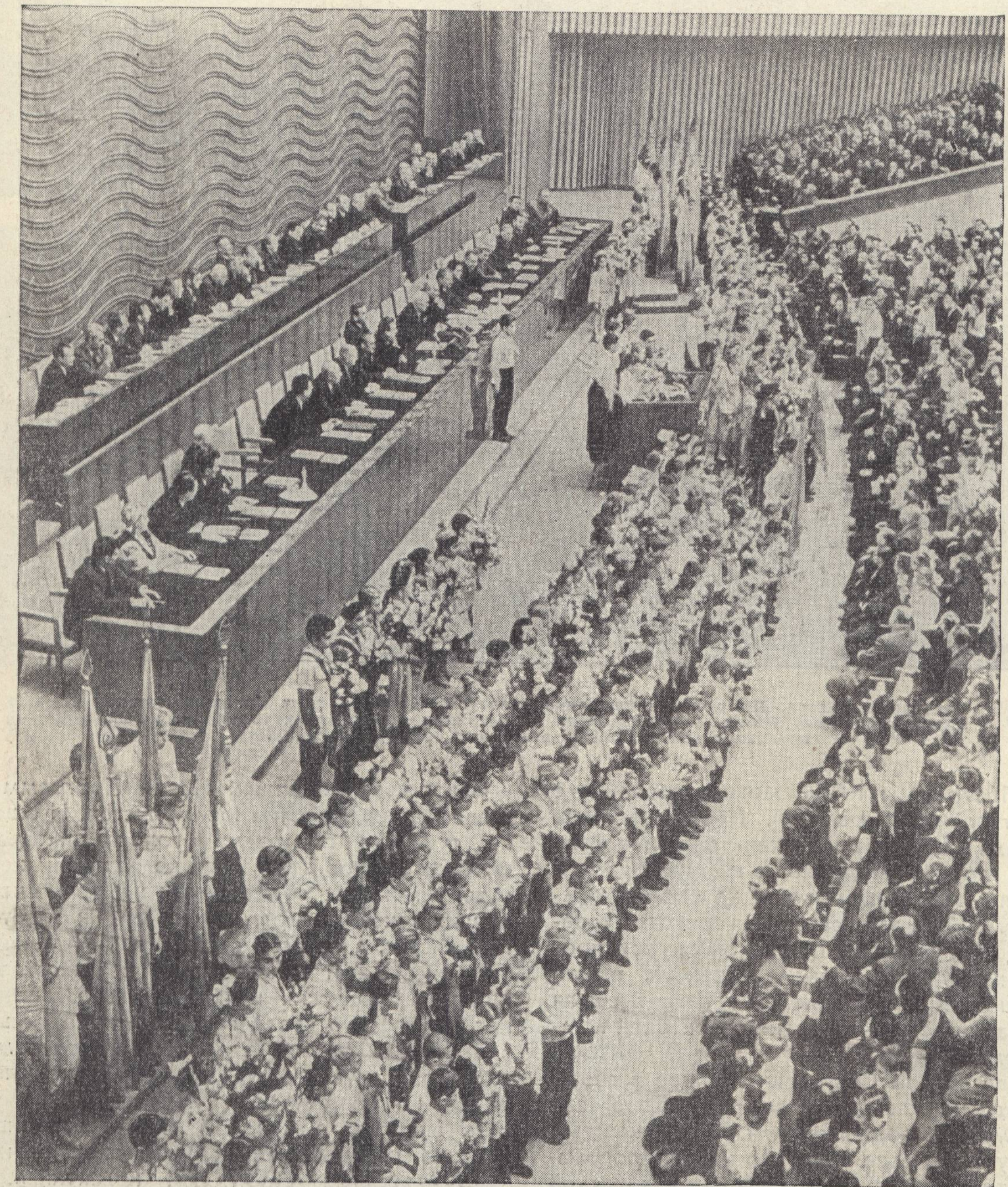
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

№ 11
НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА XXII СЪЕЗДЕ

В огромном зале нового Кремлевского Дворца звучат детские голоса. Девятнадцатимиллионная пионерия рапортует съезду.

Президиум съезда. На всех — пионерские галстуки. Какой в этом большой смысл! Пионеры Великой Революции, Строители Коммунизма — в красных галстуках юных, которые только вступают в великую борьбу и стройку.

«...Программы КПСС можно сравнить с трехступенчатой ракетой. Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая — подняла ее к социализму, а третья — призвана вывести на орбиту коммунизма. Это замечательная ракета, товарищи. Она движется по точному курсу, проложенному гениальным Лениным, нашей революционной теорией, ее питает самая великая энергия — энергия строителей коммунизма».

Когда Никита Сергеевич Хрущев в своем докладе на съезде сказал эти слова, зал загремел аплодисментами. Ведь каждый коммунист в зале знал, что новая Программа — третья ступень коммунистической ракеты — вступит в действие, как только она будет принята здесь, на XXII съезде.

И вот съезд окончен. Новая Программа стала законом партии коммунистов. И еще не отзвучал по радио голос диктора, сообщавший об этом, еще не остановились валы гигантских ротационных машин, печатавших текст Программы на белых газетных листах, а со всей страны в бесчисленных письмах и телеграммах, в выступлениях на заводских и колхозных митингах народ сказал о своей готовности все силы, все умение отдать выполнению Программы, двигать в полете коммунистическую ракету на космических скоростях. Это и есть энергия, о которой сказал товарищ Хрущев как о самой великой энергии на свете,— энергия строителей коммунизма.

Программа партии будет выполнена! Коммунизм будет построен!

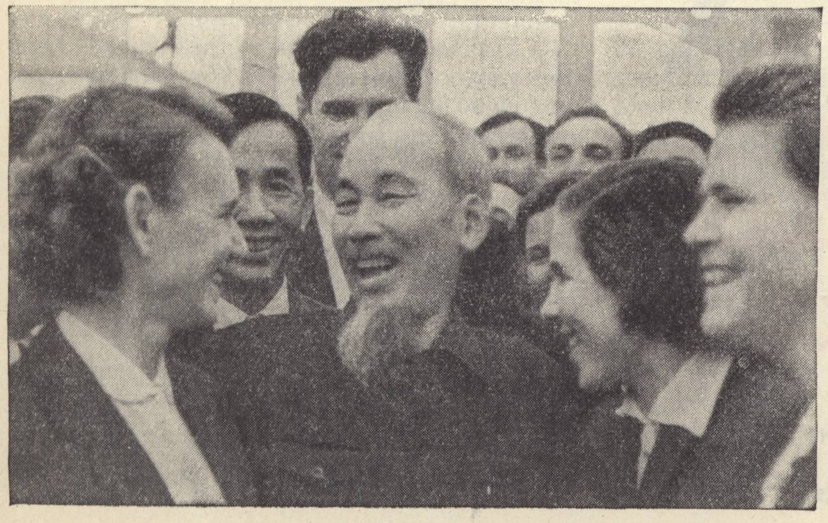
«Небесные братья» — космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов — делегаты съезда. В перерывах между заседаниями около них всегда тесно. Посмотрите, сколько желающих получить автограф Космонавта-2!

Знаменитая прядильщица и знаменитый кукурузовод. Вот они встретились на съезде: Валентина Гаганова и Евгения Долинюк.

Восемьдесят коммунистических и рабочих партий прислали своих представителей приветствовать съезд. Рита Диас — посланец героической Кубы.

Добрая улыбка, ясное лицо. Его знает и любит в нашей стране каждый. Это Хо Ши Мин, Председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

ЗАМЕРЗШАЯ РЯБИНКА

Ю. АЛЕШКОВСКИЙ

Рисунки Е. Медведева.

По дороге в школу я вспомнил, что на первом уроке у нас рисование. Я остановился и потрогал носком ботинка ледяную корочку на огромной луже. В школу мне уже не хотелось идти. В эту минуту я и заметил, что пришла зима и за ночь выпал первый мелкий снежок. Выйдя из дома, спросонья я этого не заметил.

Я стоял над лужей и обламывал хрупкую ледяную кромку. Я, конечно, пошел в школу. Но только уныло-уныло. А все из-за рисования.

Я его ненавидел, потому что весь прошлый год мы рисовали на уроках вазу, или кружку с деревянной ложкой, или матрешку, или противный старый цветок в горшке. Я ненавидел рисование еще и потому, что на урок нужно было приносить альбом, цветные карандаши и акварельные краски. Все это никак не умещалось в желтой полевой сумке, подаренной мне дядькой — майором в отставке. Альбом и краски на урок рисования приходилось нести в руках.

А разве это жизнь, если идешь в школу, а руки у тебя заняты и ничего нельзя сделать: ни побороться с Петькой, ни выбраться из троллейбуса с задней площадки, ни перелезть через забор...

На урок я немного опоздал. Я вошел в класс и спросил:

— Можно, Арина Ивановна?

— Больше не опаздывай,— сказала Арина Ивановна, наша учительница рисования.

Она всего три урока преподавала в нашей школе вместо ушедшей на пенсию Эмилии Васильевны.

Я садился на место, когда Арина Ивановна спросила меня:

— Ты принес альбом и краски?

— Нет,— сказал я.— Забыл...

— Ты забываешь их в третий раз. Мне это надоело. Иди домой и без альбома на урок не возвращайся.

Я подошел к двери, постукивая ногой об ногу. Все-таки на улице было уже холодно. Арина Ивановна сказала, посмотрев на меня:

— Впрочем, оставайся. Вечером я зайду к твоему отцу. В чем ты носишь альбом?

— Так...— Я показал свою желтую полевую сумку.

— Все понятно. Мы договоримся, чтобы твой отец купил тебе портфель или ранец.

Я совсем приуныл. С первого класса ношу свою полевую сумку, и все ребята знают,

что она в трех местах пробита пулями... И вдруг из-за какого-то рисования...

— Рыжиков! Перестань жевать воротничок! — Арина Ивановна, как всегда, ходила из конца в конец класса.— Ребята! Как вы думаете, для чего мы учимся рисовать?

Наверно, кто-то поднял руку и ответил. Я ничего не слышал. Я думал о своей желтой полевой сумке, пробитой пулями в трех местах, и о ненавистном рисовании. Чтобы освободиться от него, я бы с радостью решил лишнюю контрольную по арифметике и еще пять примеров впридачу.

— Рыжиков! Интересно, что ты думаешь о рисовании?

Я встал и сказал:

— Чего мне думать... раз забыл альбом и краски...

— Хорошо,— сказала Арина Ивановна.— Прошлые уроки помогли мне получше познакомиться с вами,— она улыбнулась,— как с живописцами. Сегодня каждый из вас попробует сделать по иллюстрации, то есть по картинке, к своей любимой книжке.

Я обрадовался: все-таки это не кубики и горшки срисовывать — и сразу прошептал Петьке:

— Вырви лист из альбома... дай кисточку, а то Беляева не получишь...

— Рыжиков,— сказала Арина Ивановна.— Вот бидончик. Сходи и набери в него воды. Затем, чтобы ребята не теряли времени, ты будешь менять в их баночках воду. Понятно?

В общем, я ходил по классу, выливал из баночек грязную воду, доливал чистую и почему-то очень тоскливо смотрел, как ребята рисуют.

Я заглянул в альбом Павлика. Он рисовал синее-синее море и корабль с алыми парусами. Только паруса были неправильные. Мы заспорили, чуть не подрались, и я ко всему прочему получил замечание.

Петька тоже рисовал море, но только в разрезе. На дне его лежали морские звезды и рыба-меч, а над ними плыл человек-амфибия. Я вздохнул: «Мне бы сейчас листок из альбома!»

Даже у Людки Алешиной на развороте альбома была нарисована арена цирка и на длинном шесте гуттаперчевый мальчик. А у Коли Грачикова белое дерево, черная ворона и внизу оранжевая лиса.

Это было красиво. В общем, чего только ни рисовали ребята: и мушкетеров, и Чапаева, и пиратов, и марсиан, и Чука с Геком, и Руслана с Головой, и Гагарина в кабине «Востока», а я ходил по классу и менял в баночках воду.

Когда прозвенел звонок, Арина Ивановна задала на дом сделать рисунок с натуры и спросила меня:

— Тебе хотелось порисовать?

— Нет! — сказал я упрямо.

— Ну, что ж... Передай отцу, что я сегодня зайду к вам.

Вечером, когда я пришел от Петьки (мы вместе делали уроки), Арина Ивановна была уже у нас. Она и мой отец сидели на кухне, гремели чашками, ложками и спорили как старые знакомые.

Я сказал про себя: «Сидели бы вы, Арина Ивановна, как няня Пушкина Арина Родионовна, и приумолкли у окна под жужжанье веретена, а буря мглою крыла бы небо...»

Мой отец вскрикнул:

— Ты, Арка, ставишь рисование во главу угла!

— Нет. Просто считаю важнейшим делом научить ребят видеть и понимать красоту... Конечно, преподавание должно быть интересным.

Я никак не мог понять, почему мой отец называет Арину Ивановну Аркой. Я ушел в комнату. Потом снова вышел в коридор.

— Понял наконец? Если хотя бы в твоем Вовке не воспитать чувства прекрасного, он попадет в плен к дурным вкусам, в плен к пошлости! Для начала купи ему портфель или ранец.

Я хотел крикнуть: «Что? Это я-то попаду в плен и у меня отберут сумку?» Но мой отец сказал Арине Ивановне:

— Ладно. Договорились. Отберу у шалопая сумку.

Я вбежал в кухню и заорал:

— Пап! Арина Ивановна! Одно замечание по рисованию — и отберете сумку! Я буду за пазухой таскать альбом или из нейлона пакет сделаю! Честное пионерское! Я не хочу в плен!

Мне неожиданно поверили. Я пошел спать.

Я слышал, как Арина Ивановна одевалась в передней и вспоминала разных ребят и какой-то случай на уроке зоологии. Мой отец смеялся и говорил:

— Здорово мы учились! С удовольствием снова пошел бы в первый класс!

Ну, уж таких слов я никак не ожидал услышать от моего отца! Поэтому я завернулся с головой и заснул...

На следующий день я пришел из школы и решил сделать рисунок с натуры.

Я осмотрел нашу комнату, но не нашел

ничего интересного. Все казалось знакомым и скучным. В окне соседнего дома было видно, как Лимский что-то срисовывает, высунув язык. Он лучше всех рисовал в нашем классе. Эмилия Васильевна ставила ему только пятерки.

«Куда уж мне...» — подумал я, оделся и вышел на улицу.

И как только я спрыгнул с крыльца, я увидел нашу рябинку. Увидел как-то вдруг, увидел будто в первый раз, хотя она росла давным-давно в скверике перед домом.

Я даже присел на краешек тротуара, до того неожиданной и защемившей сердце была красота рябинки.

Сразу за ней возвышалась пологая, засыпанная первым снегом крыша автомастерской, и рябинка казалась распластанной на этой крыше, как на огромном листе бумаги.

А гроздья рябины взлетали к небу, словно гроздья красных ракет во время салюта, а заиндевевшие ветви тянулись за ними, как струйки дыма.

Я вскочил с тротуара и подумал: «Мое счастье, что ягоды никто не съел. Нужно быстрей-быстрей, пока еще кому-нибудь не пришло в голову нарисовать рябинку». Сердце у меня стучало громко-громко.

Лимский все еще сидел у окна и что-то срисовывал. Я ходил из конца в конец нашего двора, украдкой посматривая на рябинку, и соображал: «Как Лимский, сидеть за окном не буду... Нужно по-настоящему... Сделаю станок из дощечек, залезу на газон и нарисую рябинку... Карандашами? Нет!»

Я как-то почувствовал, что рябинке нужны краски сочные, яркие и разные. Я даже вообразил ее нарисованной, и у меня дух захватило от непонятного волнения. Я еще раз взглянул на рябинку. Вдруг вышло солнце, тронутые морозцем ягоды рябины засветились насквозь и стали оранжевыми. Я сразу решил: «Ой! Вот так и нарисую!» — и побежал к дяде Мише в столярку.

Часа три мастерил я станок из старых досок. Он все никак не получался. То падал, то наклонялся влево. Наконец я сбил две доски крест-накрест, сзади прикрепил на куске резины планку, и она поддерживала станок под любым углом.

Пока я возился, на улице стало сумеречно. Рисовать уже нельзя было. Я потащил свой станок в подъезд и поставил его на шестом этаже около машинного отделения лифта. Потом пошел делать уроки. Я решил примеры и несколько раз представлял рябинку с ягодами, просвеченными солнцем.

Утром я, как старый знакомый, помахал ей рукой, а вернувшись из школы, принялся за дело.

Мне не терпелось поскорей начать рисовать. На кухне я взял большую фанерку, на которой моя мать разделывала лапшу, и прикрепил к ней лист чертежной бумаги. Картонку с акварельными красками я прибил гвоздиками к дощечке с широкой дыркой. На ней резали лук, селедку и картошку. В дырку пролезал большой палец, и все было совсем как у настоящего художника, которого я видел летом в деревне.

Потом я вынес станок из подъезда и поставил его на заснеженном газоне недалеко от рябинки.

Было градусов двенадцать мороза, и вода в баночке наверняка замерзла бы. Я сбегал домой за туристским кофейником отца — кофейник был со спиртовкой — и прикрепил его к станку. Но спиртовка оказалась пустой. Я снова сбегал домой и вылил в спиртовку остатки тройного одеколона и бутылочку маминых духов «Белая сирень».

Фитилек загорелся. Я набросал в кофейник снега, потому что мне надоело бегать домой, и наконец взял в руки тоненькую кисточку и дощечку с красками.

Я, волнуясь, смотрел то на рябинку, то на лист бумаги и незаметно для себя набросал красной краской штук десять гроздей по двадцать рябинин в каждой.

Я отдышался и огляделся. Никто за мной не следил. Лимский все так же что-то рисовал за окном.

Заиндевевшие ветви рябинки почти сливались с крышей автомастерской. Я белым нарисовал крышу, а черным — слуховое окно. Кисточка моя замерзла. Я обмакнул ее в горячую воду. Все шло как по маслу. Ствол я сделал светло-зеленым с коричневыми отметинами срезанных сучков. От ствола я провел к красным гроздьям голубоватые ветки.

Вода в кофейнике стала грязной. Я ее вылил и снова насыпал снега. Потом я отошел на два шага от станка и со страхом всмотрелся в то, что получалось. Получалось вроде здорово.

Я побежал в одно место, чтобы заодно погреть руки и ноги.

Вернувшись, я увидел, что около ограды стоят какой-то парень без шапки и наша соседка по площадке Ветка Палевская. Она училась в десятом классе. Парень ей что-то горячо говорил, показывая на мой станок. Я прислушался.

— Нет! Ты вглядись, Ветка, вглядись! Это наверняка работает «левый». Молодчина! Даже клочок газеты, как у раннего Пикассо. Видишь: картина называется «Пуск синхрофазотрона». И эти голубоватые линии, как следы микрочастиц! И странные красные пятна, как структура молекул. Гениально! Я давно говорю: пора художникам вторгаться и в космос, и в физику малых частиц! А какая гармония, несмотря на необычный колорит! Я в плену очарования! Это «левый». В его манере работать нет ничего традиционного. Сырые доски, грубая палитра, спиртовка, кофейничек, снег. Поэзия! Краски замерзают и отогреваются. Хочешь, я сейчас замерзшими руками напишу стихи, и слова будут теплыми, теплыми?

Заметив меня, Ветка смущенно сказала:

— Пойдем, Савченко. Ты нагородил чепухи и бреда.

Парень как-то сразу сник и подышал на руки. Он закричал, когда я подошел к станку:

— Эй! Алё! Ну-ка проваливай!

Ветка взяла его под руку, и они ушли. Из слов парня я понял только то, что я «левак», как будто я шофер и езжу «налево». Я сказал вслух: «Я не «левак», а ты ишак!» — и снова принялся за рябинку. Я понял, что в картине чего-то не хватает, и догадался: снег на крыше нужно было подсинить, как моя мать подсинивает белье, а снег на газоне подтемнить. Я так и сделал. И снег на крыше стал белым-белым, а на газоне грязноватым. Потом я заполнил пустые места над крышей холодным синим небом и подумал: «Почему он сказал: «Пуск синхрофазотрона»?» Я засмеялся, заметив прилипший к фанерке кусочек газеты с этими словами.

Я погрел руки над кофейником и корявыми буквами написал внизу листа: «Замерзшая рябинка».

И ноги и нос у меня совсем застыли, но я все смотрел то на мою рябинку, то на настоящую.

Уже темнело, когда я втаскивал станок с картиной в подъезд. Меня окликнула Ветка:

— Ты, Вовка, талант!

— А Савченко твой пижон!

— Что ты,— сказала Ветка,— ну... как бы тебе сказать... он в таком состоянии, что видит нечто высокое и прекрасное во всякой ерунде.

— И в тебе, значит? — сказал я, догадавшись.

Ветка нахлобучила мне шапку на голову и весело побежала по лестнице. Жаль, что у меня были заняты руки. Сверху Ветка крикнула:

— Не носи рябинку в тепло! Краски оттают, и все размажется.

Я похолодел. Это была правда. Еще немного — и загубил бы свою рябинку.

Я пошел к дворничихе, взял у нее ключи и поставил «Рябинку» на улице за стеклом доски объявлений.

Все проходили и смотрели на «Рябинку», а я стоял поодаль и смотрел и почему-то никак не мог на нее наглядеться.

Вечером меня ругали за кофейничек, за духи, которые, оказывается, были «самым скромным, но дорогим подарком», и за дощечку, вымазавшую лук и селедку в разные краски.

На уроке рисования Арина Ивановна спросила меня:

— Принес альбом и краски?

Я показал и то и другое.

— Хорошо. А рисунок с натуры сделал?

Я сказал:

— Сделал... но...

— Забыл? — вскрикнула Арина Ивановна, грозно раскрывая журнал.

Я подошел к ней и так, чтобы никто не услышал, рассказал, почему я не принес свою картину.

Арина Ивановна сказала всему классу:

— Ребята! После уроков мы пойдем смотреть картину Вовы Рыжикова. Это любопытно.

Потом она проверяла домашние задания и тут же ставила отметки.

Лимский, оказалось, нарисовал целый комод, а на нем семь белых слоников и серую в яблоках кошку-копилку. Ошейник на кошке и ручки комода Лимский раскрасил золотой краской. Мы с Петькой зевнули от скуки. Арина Ивановна долго смотрела на рисунок Лимского и равнодушно сказала:

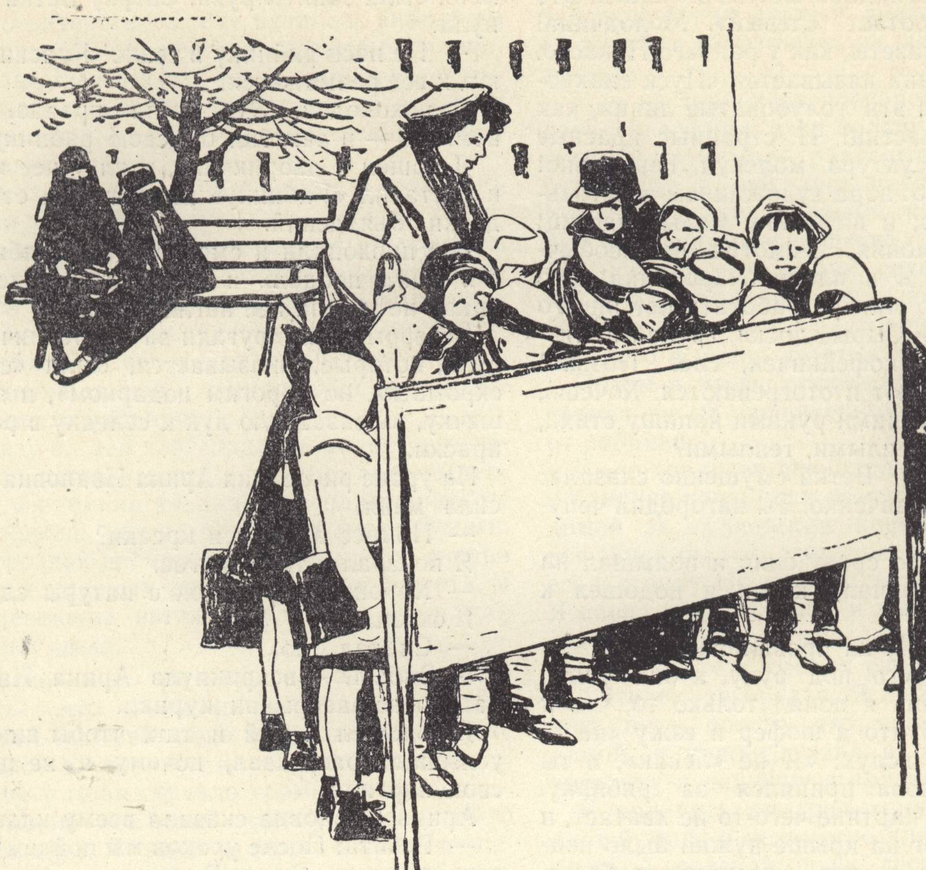
— Четверка.

Это была первая четверка Лимского по рисованию. Он обиделся. Зато Арина Ивановна повеселела, когда поставила три пятерки: Буркиной — за рисунок «Жареная картошка на синей скатерти» (у меня и у Петьки потекли слюнки, такой это был рисунок), Грачикову — за рисунок «Машина убирает снег» и Алешиной — за рисунок «Папа бреется».

После уроков Арина Ивановна и наш класс направились смотреть мою «Рябинку».

По дороге к нам пристали еще несколько ребят и девчонок.

Когда мы пришли в наш двор, я покраснел и сказал:

— Вот... за стеклом...

Все столпились у доски объявлений.

Арина Ивановна первая тихо сказала:

— Рябинка!..

Ребята несколько секунд молчали, а потом затараторили:

— Красиво как!

— Ой! Ой! И еще раз ой!

— А мы на нее тыщу раз смотрели!

— Нарисуй мой портрет!

Арина Ивановна сказала мне:

— Можешь нести рисунок домой. Краски на морозе просыхают, как лужи... Ставлю тебе...— она задумалась,— четверку с плюсом.

Это была моя первая в жизни четверка по рисованию. Лимский что-то бурчал себе под нос. Арина Ивановна добавила:

— Ты, Вова, должен поучиться у Лимского технике рисунка, а ты, Лимский,— у Вовы...

— Выходить из плена дурного вкуса! Искать красоту! — не удержался я.

Арина Ивановна кивнула. Ребята еще долго смотрели на «Замерзшую рябинку» и сравнивали ее с настоящей. А когда все ушли, я вынул мой рисунок из-за стекла и пошел домой.

У подъезда мне повстречался тот самый Веткин парень. Он кашлянул и отвернулся. Я тоже.

Дома я подумал: «Что бы мне еще нарисовать?» И решил: «Обязательно нарисую свою желтую полевую сумку, пробитую пулями в трех местах».

Алексей **МУСАТОВ**

Рисунки В. Юдина.

ПОВЕСТЬ

ВОЖАТАЯ

Продолжение

«СУДОСТРОИТЕЛИ»

Подготовка к походу оказалась увлекательным и беспокойным делом. Когда Борька с ребятами попытались наметить маршрут путешествия, то у них ничего не получилось. В своей тетрадке они сумели записать всего только несколько фраз: «Лодочный поход по Великой, посещение Пскова, экскурсия по пушкинским местам».

Ребята пришли за советом к вожатой. Клава посмотрела их тетрадку, потерла виски и честно призналась, что она тоже не лучше их знает Псковский край.

— А мы-то думали...—разочарованно произнесли ребята.

— Думали, что я вам готовенький план выложу,— усмехнулась Клава.— Нет уж, давайте вместе соображать.

И она подсказала ребятам, к кому им обратиться на первых порах: в школе есть учителя географии и истории, в городе имеется краеведческий музей и проживает немало старожилов и бывалых людей.

— Погодите,— вспомнила вдруг Клава.— У нас же в отряде свой знаток края есть — Саша Бондарин.

И она попросила мальчика показать доклад, который он читал на отрядном сборе.

— Так скучный же доклад... Я его по книжкам составил, по журналам,— признался Саша.

— А про то, как Красная Армия под Псковом зародилась, тоже по книжкам?

— Нет, об этом мне отец рассказал. Он сам в боях участвовал... И ранен был.

— Сашиного отца все знаете? — спросила Клава у ребят.

— Еще бы!..

— Вот вам и первое задание! Действуйте.

Ребята отправились к Бондариным домой. Иван Сергеевич, узнав, что пионеры решили изучать родной край, охотно согласился прийти в школу и поделиться с ребятами своими воспоминаниями, а летом даже поехать с ними в те места, где зародилась Красная Армия.

Он же назвал имена еще нескольких жителей города, старых коммунистов, которые активно сражались за установление на Псковщине Советской власти и участвовали в гражданской войне.

С этого дня ребята стали частыми гостями в домах островских старожилов, в местном краеведческом музее, на квартирах учителей.

Одолевали пионеров и другие заботы — нужно было думать о флотилии. Вместе с Клавой они побывали в конторе рыболовецкой артели и выпросили там полдюжины старых, списанных лодок. Лодки с большим трудом переправили на Камышевый остров, и здесь была торжественно открыта «судостроительная верфь». Начальником ее назначили Борьку Капелюхина, помощником — Федю Сушкова.

Но вскоре обнаружилось, что чинить лодки совсем не просто. «Судостроители» во главе с Борькой, зашив худое днище одной из лодок досками и обмазав смолой, решили сделать пробный рейс вокруг острова. В первые же минуты лодка наполнилась водой, и ее пришлось вытаскивать на берег.

Такая неудача сильно расстроила ребят, и между ними начались разговоры, что их «судоверфь» никуда не годится и что на дырявых лодках далеко не уплывешь.

— А может, все-таки без паники обойдемся? — заметила Клава и спросила ребят, что они понимают в столярном и плотничьем деле.

— Чего там понимать! — недовольно отмахнулся Борька.— Я видел, как лодки чинят... Доска, топор да гвозди — и вся недолга.

— Глаз видел, а руки не доросли,—усмехнулась Клава, осматривая «аварийную» лодку.— Говоришь «вся недолга», а сами доску подогнать не смогли как следует.

И она посоветовала ребятам начать с азов и записаться в кружок «Умелые руки», который работал в восьмом классе.

— Это что, брусочки строгать, табуретки сколачивать? — удивился Федя Сушков.— Нам же лодки чинить надо учиться!

— Так вот с табуреток и начинайте,— настаивала Клава.

Пришлось ребятам записаться в кружок «Умелые руки».

Наконец, когда дело с походом по Великой немного прояснилось, шестиклассники вновь собрались на острове.

Клава, Боря и Федя рассказали о летнем путешествии — пешком и на лодке.

При этом были поставлены два условия. Хочешь путешествовать — заранее изучай свой край, запишись в «географическое общество». И второе условие: каждый путешественник должен уметь работать топором, рубанком, пилой, уметь грести, управлять парусами, разводить одной спичкой костер, ставить палатку.

А главное, было решено, что в путешествие поедет только тот, кто завоюет это право хорошим учением и крепкой дружбой с товарищами.

«Балласт в экспедиции не нужен. Он тянет ко дну. Будем жить и работать без балласта» — такое неписаное правило утвердили ребята в отряде.

Жизнь в школе текла неудержимо и стремительно. Каждый день приносил Клаве множество забот, радостей и огорчений. Оказалось, что вожатая всем стала нужна. Пионеры без конца осаждали ее вопросами, прибегали за советами, за справками: где разыскать книги по истории Пскова и Острова, как подготовить звеньевой сбор «Встреча трех поколений», что такое лоция и звездная карта, как лучше смолить лодку и ставить паруса.

И Клава невольно обнаружила много пробелов в своих знаниях. Раньше она считала, что все знать одному человеку невозможно, но сейчас уже нельзя было ссылаться на свое незнание и направлять пионеров к учителям или в музей.

И Клава честно просила ребят, задавших ей хитроумный вопрос, подождать до утра, а сама шла в библиотеку, рылась в книгах и справочниках или бежала к Важину, Анне Павловне и другим учителям.

— Ох, Клава, если бы ты всегда так знания глотала, быть бы тебе первой ученицей! — посмеивался Витя Скворцов, которого девушка то и дело заставляла помогать ей и рыться в журналах и книгах.

— Будешь тут книголюбом, когда тебя каждый день двадцать восемь экзаменаторов допрашивают! — отмахивалась Клава. И торопила Витю: — Не отвлекайся... Ищи ответ поскорее. Обещал пионерам помогать — вот и помогай.

Как-то раз после занятий Клава заглянула в шестой «Б» — теперь не было дня, чтобы она не встречалась со своими пионерами. Но дверь оказалась закрытой изнутри, и из класса доносились приглушенный шум и ребячьи выкрики.

Клава постучалась.

Дверь наконец приоткрылась, и в щель выглянуло недовольное лицо Феди Сушкова.

— Нельзя: у нас тут свой разговор...— буркнул он, но, узнав вожатую, смущенно пропустил ее в класс.

Клава оглядела ребят. Они стояли с сумрачными лицами, исподлобья поглядывая на Ваню Архипова, который, скрестив руки на груди, с видом невинного младенца сидел на первой парте.

— Так о чем же разговор? — спросила Клава, и ее неприятно царапнуло то, что пионеры собрались втайне от нее.

Ребята молчали.

— Ну что ж, если у вас секреты, могу и уйти...— Клава подалась к двери.

— Нет, зачем же? — остановил ее Ваня Архипов, кинув насмешливый взгляд на председателя совета отряда Диму Петровского.— Что ж ты молчишь? Докладывай:

так, мол, и так... Заседает военный трибунал... Сейчас будет вынесен приговор.

— Да ты не остри,— взорвался наконец Димка. И, с досадой кивнув на Ваню, потом на сломанную крышку парты, что стояла в среднем ряду, обратился к вожатой:— Все он.... Зайчик-попрыгайчик! Разошелся тут, по партам начал скакать!

— Все понятно... допрыгался.— Клава подошла к парте, потрогала сорванную с петель крышку и нахмурилась.

Что же им, в конце концов, делать с Архиповым?

Дела в отряде, кажется, стали налаживаться. Пионеры по-настоящему увлеклись подготовкой к путешествию по реке Великой, избрали штаб похода, занялись изучением родного края, раздобыли старые лодки, собирают средства на паруса, на палатки. О будущем путешествии шестиклассников уже объявлено по всей школе. Всем известно, что в поход пойдет только тот, кто закончит учебный год без переэкзаменовок на осень и кто покажет образец дисциплинированности.

И только Ваню Архипова все это никак не трогает. Он всем говорит, что ему и без похода дел хватит: будет летом рыбачить, плести корзины, собирать грибы, клюкву, бруснику.

Да и сейчас Ваня живет не так, как все: ведет бойкую торговлю голубями, дома мастерит какие-то полочки, шкатулки и продает их втридорога на базаре. В школе перекупает у мальчишек книжки, ножички, ремни, одалживает ребятам деньги под проценты. Его так и зовут: «Банкир Иваныч».

На уроках Ваня ведет себя, как и «во времена Дембовского»: ленив, неаккуратен, изводит учителей бесконечными проделками.

К Клаве он относится насмешливо, вызывающе. Что бы она ни придумала, он все истолковывает по-своему: «Выпендривается вожатая, из кожи лезет... почетную грамоту хочет схватить, покрасоваться».

«Противный мальчишка! Так бы и треснула его по лбу»,— не раз думала Клава и даже пожаловалась Анне Павловне:

«Ничему-то он не верит... Во всем плохое видит, все на рубли меряет...» «Наверное, много в жизни дурного перетерпел, вот и ожесточился. А ты не спеши, не злись на него и гонор свой не показывай. Отойдет человек, должен отойти...»

— Что ж нам делать с тобой, Архипов? — с трудом сдерживая себя, спросила Клава.

— Расстрелять солеными огурцами — и делу конец! — фыркнул Ваня и переглянулся с приятелями.— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Да хватит с ним нянчиться! — раздались возмущенные голоса ребят.

— Сообщить о поломанной парте директору!

— Или родителям Архипова!

— У меня нет родителей,— нахмурившись, сказал Ваня.

— А с кем же ты живешь? — спросила Клава.— Кто тебя кормит, одевает?

— Сам кормлюсь... не маленький,— буркнул Ваня.— А живу с дядей.

— Вот тогда дяде и сообщить,— заключил Димка.— Он ему пропишет... И пусть деньги за поломанную парту заплатит.

— Или пусть его дядя в школу придет и парту починит,— подала голос Люба Кочеткова.— Он же столяр, мастер.

Потеряв наигранно-беспечный вид, Ваня поднялся из-за парты.

— Незачем сюда дядю впутывать! — глухо заговорил он.— Парта — это мое дело, школьное. Сам отвечать буду. И деньги сам уплачу... Вот, передай завхозу.— Он достал из кармана смятую двадцатипятирублевку и сунул ее в руку Димке.

— Хватит или еще надо?..

Димка, не зная что делать с деньгами, растерянно посмотрел на ребят.

На миг все притихли.

— Вот так Архипов! — наконец произнес пораженный Саша Бондарин.— Как купец в трактире... Набезобразничал — и в мошну за деньгами: мол, деньги все покроют...

— Постыдился бы, Банкир Иваныч! — сказал Дима Петровский.— Ведь деньги-то у тебя базарные, обманные — на голубях нажил...

К Димке подскочил Федя Сушков. Он выхватил у него из рук двадцатипятирублевку и бросил ее к ногам Архипова.

— Забирай свою рвань! И уходи! А парту мы сами починим... Да, да! Возьмем и починим. Не сумеем, что ли?!

— Чего ж не суметь! — поддержал Борька Капелюхин.— У меня вот ножик есть.

— А у меня отвертка,— подал голос Саша Бондарин.

— Ха, тоже мне мастера! — фыркнул Ваня.— Ножиком парту чинить! Вы еще дуньте, плюньте да ниткой ее свяжите...

Борька с Федей, сжав кулаки, двинулись на Ваню.

— А ну, выметайся отсюда!..

Клава жестом остановила их и тронула Ваню за плечо.

— Иди пока, а мы все-таки поработаем...

«И почему он такой? — подумала она.— Колючий, злой. За деньги цепляется. Откуда это у него?»

Потоптавшись на месте, Ваня хотел еще что-то сказать, но только насмешливо махнул рукой и, подняв с пола двадцатипятирублевку, вышел из класса.

Минут через десять, раздобыв в мастерской инструмент, ребята принялись чинить сломанную крышку парты. Потом оказалось, что еще несколько парт нуждаются в ремонте: у одной покрепче подвинтили шурупы, в другой, которая скрипела и покачивалась, забили деревянные клинышки с клеем, у третьей закрасили глубокие царапины.

— Кое-чему вы все же в кружке научились,— сказала Клава, заметив, как ловко ребята орудуют инструментом.

— «Кое-чему» — да,— согласился Саша Бондарин.— А вот лодки чинить так и не умеем. И руководитель кружка тоже не умеет. Тут нужно какого-нибудь старого лодочника пригласить.

Когда все парты были починены, Дима Петровский сказал, что если Архипов хоть раз еще поломает что-нибудь в классе, они обязательно сообщат его дяде: человек он строгий, взыскательный, и Ваня его побаивается.

— А я думаю завтра же к Архиповым сходить,— задумчиво призналась Клава.— Надо о Банкире Иваныче серьезно поговорить.

У АРХИПОВЫХ

Разыскав на окраине города домик Архиповых, Клава постучалась в калитку.

За забором хрипло залаяла собака, загремела о проволоку цепь. Наконец кто-то вышел из дома и прикрикнул на собаку. Вскоре загремела щеколда, калитка открылась — и Клава столкнулась с Ваней Архиповым.

Прикусив губу, тот побледнел и отступил назад.

— Пришла все-таки? — глухо спросил он.— Жаловаться будешь?

— Нет, зачем же? — спокойно ответила Клава.— Хочу посмотреть, как ты живешь... С дядей твоим познакомиться, с теткой.

Ваня недобро сверкнул глазами.

— Ладно... Сейчас позову.— И, что-то вполголоса сказав собаке, он ушел обратно в дом.

Огромная черная овчарка, навострив уши, легла на садовую дорожку. Клава хотела было пройти к дому, но собака, скосив на нее умные светло-коричневые глаза, угрожающе зарычала. Девушка присела на скамейку около калитки. Прошло десять минут, пятнадцать, а Ванин дядя не появлялся. Клава попробовала ласково заговорить с собакой, но та была неподкупна и не пускала девушку во двор.

«Смеется он надо мной,— рассердилась она, догадавшись наконец, что Ваня и не думает разыскивать дядю.— Ну погоди ж, негодный, все равно до тебя доберусь!»

Клава направилась вдоль высокого забора, спустилась к реке и, заметив щель в заборе, пролезла через нее на участок Архиповых.

У самой воды вверх днищами лежало несколько старых лодок. На костре в черном, закопченном ведре, кипела смола. Под навесом смолил лодку невысокий грузный мужчина. Он был в рабочем фартуке, в черных, просмоленных рукавицах, щеки его заросли колючей седоватой щетиной.

— У нас, между прочим, калитка есть... Законный вход,— заметил мужчина, подо-

зрительно и неприветливо оглядывая девушку.

— Собака там у калитки... не пропускает,— смущенно призналась девушка.— Вы уж извините...

— А вы к кому, собственно?

— К вам, Степан Маркелыч. Я из школы... Пионервожатая шестого «Б».

— Та-ак, понятно,— протянул Степан Маркелыч.— Насчет Ивана, значит... Ну что ж, не вы первая, не вы последняя.

Он опустил кисть в ведро со смолой и принялся звать племянника.

Наконец Ваня валкой походкой вышел из дома.

— Слышу, не глухой,— недовольно отозвался он.— Чего тебе? Я ж занят: уроки готовлю.

— Тут насчет тебя из школы заявились,— сказал дядя.— Что ты там отчебучил на этот раз? Признавайся!

Ваня мельком окинул Клаву взглядом, словно видел ее сегодня впервые, и пожал плечами.

— Кто пришел, того и спрашивай,— буркнул он.— Я-то при чем здесь...

— Так что же он натворил? — обратился дядя к Клаве.— Грохнул что-нибудь или подрался с кем? А может, опять голубей у кого сманил?

— Нет, нет... Я уже говорила, Степан Маркелыч,— поспешила напомнить Клава.— Я не насчет Вани... Я к вам пришла.

— Ко мне?!

— Вы, говорят, первый лодочник в городе. И чинить и смолить умеете. На все руки мастер.

— Ну, первый не первый, а в лодках коечто понимаю,—отозвался Степан Маркелыч.

— А еще говорят, вы реку Великую хорошо знаете. От Острова до Пскова плавали... И даже дальше.

— Доводилось... А в чем дело-то?

— У нас к вам большая просьба, Степан Маркелыч...— заговорила Клава.— От имени пионеров шестого класса. Будьте у нас за главного судостроителя!

— Чего? — не понял Степан Маркелыч.

Клава рассказала про юных путешественников по Великой, про их кружок «Умелые руки», про старые лодки, которые никто еще не умеет чинить.

— Вот оно что! — удивился Степан Маркелыч.— Так ты и правда по другому делу пришла. А я ведь привык: если кто из школы ко мне, так обязательно насчет Ивана. А тут на тебе — судостроитель! Что ж я делать-то должен?

— Поучите ребят, Степан Маркелыч! Как лодки смолить, как паруса шить. О реке расскажите. Пусть пионеры у вас побывают. А потом вы к нам в мастерскую придете. Очень мы вас просим.

Лодочник на минуту задумался, потом кивнул на Ваню.

— Ну, а мой-то как? Тоже в поход собирается?

— Мы всем отрядом пойдем...— поспешила заявить Клава, встретившись взглядом с Ваней.— Кто, конечно, учением докажет, работой...

— Ну, а как Иван, доказывает?

— Ничего... Старается... Думаю, что он от других не отстанет.

— Ну, спасибо, девушка, что вы его привечаете,— обрадовался Степан Маркелыч.— А то на Ивана одни жалобы да нарекания... Ну, и он от всего сторонится. А насчет лодок — это дело стоящее. Давно пора ребятишкам руками пошевелить. И моего племянника не забывайте... Он уже от меня кое-что перенял.

И он обратился к Ване:

— Ну что ж, приводи как-нибудь своих приятелей, покажем им, как лодки конопатить да смолить надо.

Ваня в замешательстве отошел к костру и палкой принялся мешать кипящую в ведре смолу.

Степан Маркелыч повел Клаву по двору, показал отремонтированные лодки и дал совет, к кому еще из мастеров, членов артели «Красный лодочник», следует ей обратиться за помощью.

— А это тоже ваше? — спросила Клава, заметив в дальнем углу двора кучу металлолома: были тут и куски стальных рельсов, и обрезки водопроводных труб, и старые шины от колес, и мятые самовары.

— Да нет, это Иван собирает,— объяснил Степан Маркелыч.— И где он это добро находит — никому не говорит. А металлолом отличный — хорошие деньги за него Иван получает.

— А почему Ваня так деньги любит? — вполголоса спросила Клава.— Его в школе даже Банкиром Иванычем зовут.

— Сам удивляюсь,— тяжело вздохнув, признался Степан Маркелыч.— Это, видать, от прошлой жизни осталось. Он ведь сирота, Ваня, у чужих людей долго жил, я его недавно усыновил. А жизнь-то его не баловала: торговлишкой мальца заставляли заниматься. Где можно, копейку урвать учили. Вот старый заквас и бродит в нем. Все-то ему кажется, что никому он не нужен, все, мол, на рубле держится. Продаст свой металлолом или на голубях что заработает — и деньги мне тащит. «Это,— говорит,— дядя, мне на прокорм». Уж мы с женой воюем с ним, воюем, а мальчишка все равно за рубль держится, не верит ничему...

«Так вот он какой, Банкир Иваныч! — устыдившись, подумала Клава.— И почему в школе так легко, не подумав и толком ничего не узнав, дали Ване такую кличку?»

Помолчав, девушка тронула Степана Маркелыча за рукав.

— А давайте вместе за Ваню повоюем... Вы с женой да нас целый отряд. Может, что и получится...

— Попробуем,— согласился Степан Маркелыч.— Вы ему только доверяйте побольше... в свои дела втягивайте.

Уже смеркалось, когда Клава распрощалась с лодочником и отправилась домой.

У оврага ее неожиданно нагнал Ваня. В руках он держал длинный горбыль и электрический фонарик.

— Ты куда это? — удивилась Клава.

— Да так... пройтись немного,— небрежно сказал Ваня.— А ты зря низом пошла. Промоина у нас тут, в овраге. Смотри, не оступись.

Клава чуть приметно улыбнулась.

— Где промоина? Посвети, пожалуйста.

— Да вот она.— Ваня осветил фонариком наполненную водой канаву, перекинул через нее горбыль и помог Клаве перебраться. Потом они долго шли молча.

— А металлолом у тебя отличный,— заговорила наконец Клава.— Ты один его собираешь?

— А что? — насторожился Ваня.

— Да так... трудно одному, наверное...

— Справляюсь пока...

— И собака у тебя умная,— усмехаясь, продолжала Клава.— Хорошо хозяина слушается.

— Собака ничего...— Ваня вспыхнул, засопел, потом с трудом выдавил: — А это правда, что не из-за меня к дяде приходила? Правда, насчет лодки?

— Ты же слышал, о чем я с дядей разговаривала. Нам в самом деле очень нужен лодочный мастер. Иначе какой же поход по Великой... Одни разговоры пустые!

— А чего ради ты меня перед дядей выставляла да прихорашивала? — помолчав еще немного, вновь недоверчиво спросил Ваня.— Старается, дескать... от других не отстает...

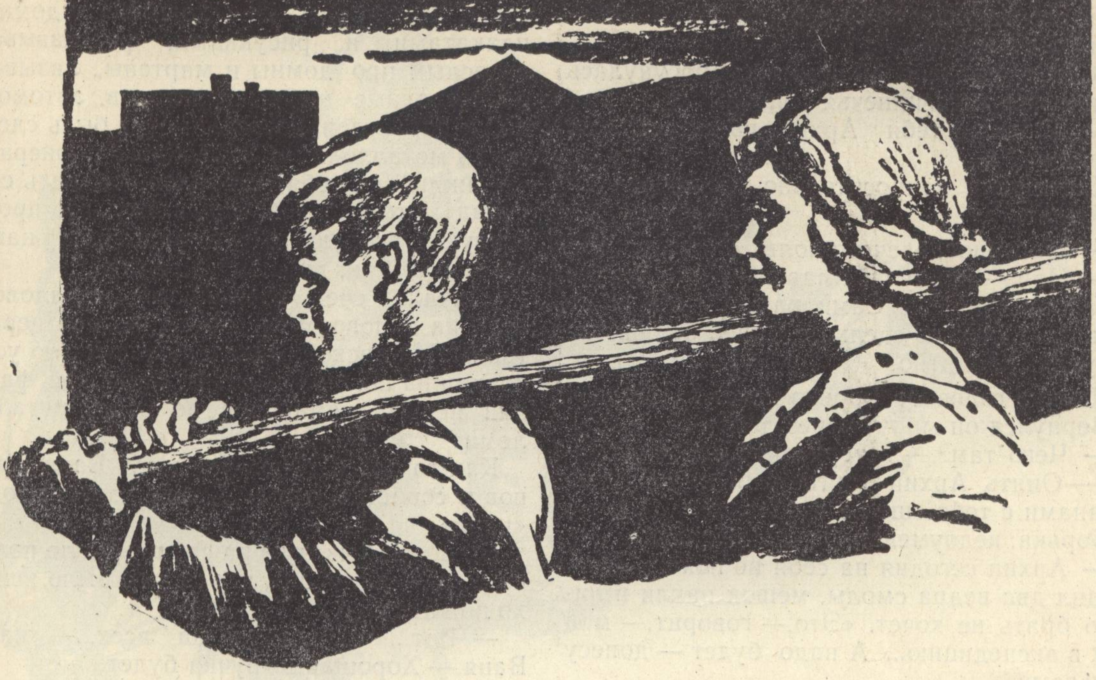
— А ты разве в поход с нами не хочешь? — спросила Клава.

— Так все равно не примете: Архипов такой, Архипов сякой...

— Это уж от тебя самого зависит. Ты парень с головой... Подумай, пошевели мозгами.

Клава остановилась и велела мальчику возвращаться домой.

— Ладно, пойду,— буркнул Ваня.— Скажи там ребятам... пусть завтра же к нам приходят. Дядя согласен.

КЛАДЫ НА ПУСТЫРЯХ

На другой день «судостроители» побывали у Степана Маркелыча. Вернулись они оживленные, довольные и рассказали Клаве, что лодочник встретил их радушно, сразу же поставил к работе и сообщил много интересного про реку Великую. Саша Бондарин еле успел записать его рассказы.

— А Ваня как себя вел? — спросила Клава.

— Особо-то не задирался,— ответил Федя Сушков.— И даже работал вместе с нами. Он здорово насчет лодок соображает — научился у дяди.

— Только чудно́ как-то,— пожав плечами, заметил Дима Петровский.— Степан Маркелыч считает, что Ваня тоже вместе с нами к походу готовится. А ведь он же нам заявил: «Умный в гору не пойдет...»

И тут Клава вынуждена была признаться. Это она заверила Степана Маркелыча, что Ваня не отстанет от товарищей и вместе со всеми примет участие в походе.

— Ты что же, слово за него дала? — озадаченно спросил Дима.— А если он не пожелает в поход?..

— Ну, слово не слово... Но вроде пообещала от вашего имени. Вы же возражать не будете?

— Так он же шкура, Архип этот! — запальчиво заявил Борька Капелюхин.— Он нам смолу доставляет для лодок, паклю... И обдирает нас, как липку, деньги требует.

— Деньги? — удивилась Клава.— И вы ему платите?

— Да нет... Откуда они у нас...— Борька переглянулся с ребятами и замялся.— Мы с ним другим расплачиваемся.

— Ну, ну,— потребовала Клава.— Начали, так договаривайте.

— Мы ему утиль собираем, металлолом,— вполголоса признался Борька.

— Металлолом! — ахнула Клава, вспомнив кучу железа и меди во дворе у Архиповых.

— А Борька ему все свои тетрадки отдал... И пенал резной и ножик...— сообщил Дима.— Такой уж он вымогатель!

Зло прикусив губу, Клава прошлась по пионерской комнате. Вот еще новость! Нет, он и в самом деле крепкий орешек, этот Архипов!

— Не брать такого в поход, если даже он и попросится,— заявил Дима.— Нечего ему с нами делать...

— А я думаю, что Ваня все-таки должен быть с нами,— помолчав, заметила Клава.— Вместе со всем отрядом.

И она рассказала о вчерашнем разговоре со Степаном Маркелычем о его племяннике, о страсти парнишки к деньгам, о его недоверии к людям.

— Понимаете теперь, почему он такой? А вы его оттолкнуть от себя хотите, ожесточить еще больше...

В дверь пионерской комнаты просунулась стриженая мальчишечья голова.

— Борька, тебя Архип вызывает... по срочному.

Капелюхин вопросительно посмотрел на вожатую.

— Наверное, насчет смолы...

— Иди,— кивнула Клава.— Но от смолы откажись наотрез. Сами раздобудем. И ни в какие торговые сделки с Ваней больше не вступай... Понятно?

Кивнув головой, Борька исчез за дверью. Вернулся он минут через десять.

— Чего там? — нетерпеливо спросил Дима.— Опять Архип торговался? Рубаху со штанами с тебя еще не требовал?

Борька, недоумевая, развел руками:

— Архип сегодня на себя не похож. Притащил два ведра смолы, мешок пакли и ничего брать не хочет. «Это,— говорит,— мой пай в экспедицию... А надо будет — донесу деньгами».

— Опять он за свое, Банкир Иваныч,— пай, вклад, деньги...— махнул рукой Дима.— Так и будет спотыкаться.

— Вот и надо нам рядом шагать с ним. Руку подать, когда нужно, плечо подставить...— Клава внимательно оглядела ребят.— А про Банкира Иваныча советую забыть — не было такой клички и быть не должно.

Потом она вспомнила про металлолом и рассмеялась.

— Сколько же вы для Вани этого добра собрали?

— Порядком, — смущенно признался Борька.— Мы и доски у Архипа за утиль получали и бревна...

— И много металлолома в городе?

— Найдется, если пошарить...

— Так в чем же дело?.. Значит, надо идти в разведку. А потом всем отрядом начнем сбор утильсырья и металлолома. Сдавать будем прямо государству. Деньги пойдут на постройку «флотилии».

Через несколько дней по зову совета отряда шестой «Б» принялся за работу. Пионеры начали с осмотра своих домов. На чердаках, в сарайчиках были обнаружены худые чугуны, старые сковороды, самовары, тазы, ведра. Но бабки и деды, а порой и отцы с матерями вдруг прониклись жалостью к этому старью и принялись доказывать, что в хозяйстве оно может еще пригодиться.

Пришлось ребятам выступать, как заправским агитаторам. Они ходили по домам с плакатами и рисунками, рассказывали взрослым про домны и мартены, называли баснословные цифры тракторов, автомобилей и паровозов, которые могут быть сделаны из металлолома, собранного пионерами.

Каждый из ребят старался отыскать свой «клад»: кто пустырь, кто свалку, кто просто старую чугунную трубу в овраге или ржавый железный бак, вросший в землю.

Сначала счет собранного металлолома вели на килограммы, потом на центнеры и тонны. На доске показателей, которую установили на школьном дворе, появились фамилии первых чемпионов по сбору металлолома.

Как-то раз к Клаве подошел Ваня Архипов и сообщил, что ему тоже известен один «клад».

Он повел вожатую на свалку около полотна железной дороги, где можно было неплохо поживиться.

— Вот... забирайте на всех...— сказал Ваня.— Хорошая выручка будет.

— А как же твои доходы? — спросила Клава.— Пожалеешь потом.

— Ничего... Я летом на рыбе подзаработаю, на ягодах.

«Архиповский клад» ребята разбирали целую неделю, а фамилию Вани занесли в список первых чемпионов по сбору металлолома.

А однажды на школьный двор въехала трехтонка, доверху груженная довольно ценными вещами: были тут какие-то станки, заброшенные моторы, ржавые насосы, бочки из-под горючего.

С подножки грузовика спрыгнули Ваня Архипов и Борька Капелюхин и бросились к Клаве с ребятами.

— Видали, какая добыча? — с сияющим лицом крикнул Борька.— Давайте все на разгрузку!

Клава заглянула в машину и ахнула.

— Так это ж не лом, не утиль, это — оборудование. Где вы это взяли? Кто вам позволил?

— На пустыре нашли, за совхозом,— хмуро пояснил Ваня.— Они уж второй год лежат без призора.

— Мы еще два таких места знаем,— сообщил Борька.— Там тоже добра немало. Только брошено все, забыто.

Озадаченные пионеры окружили вожатую.

— А мы-то стараемся! — раздались недовольные возгласы.

— Шарим, ищем! На свалках копаемся!

— Выходит, что никому это не нужно.

Клава нахмурилась. А ребята, пожалуй, правы. В самом деле, зачем им тратить столько сил на сбор металлолома, если на пустырях валяются без дела и ржавеют под открытым небом такие ценные вещи?..

Пионеры с нетерпением посматривали на вожатую: что же она так долго молчит?

— Давайте так сделаем,— решилась наконец Клава.— Грузовик мы сейчас разгрузим. Вы продолжайте разведывать, где какое оборудование забыто и брошено. А потом мы разыщем горе-хозяев.— И она вполголоса обратилась к Борьке: — А где вы машину взяли?

— Архип нанял... на свои кровные,— шепотом сообщил тот.— Ох, и старается он, землю роет!

После этого случая пионеры вновь занялись разведкой. То, что было под силу, они перетащили на школьный двор, об остальном аккуратно сообщали вожатой.

К концу недели Клава составила опись, кем, когда и где обнаружена та или иная вещь, и вместе со старшим вожатым Важиным отнесла опись в райком партии.

Прочитав длинный список, секретарь райкома Остроухов только крякнул от изумления и сказал, что это отличный материал для доклада об экономии и расточительстве.

Он побывал на школьном дворе, осмотрел собранный металлолом, а потом на городском совещании руководителей заводов и строек зачитал Клавину опись забытых и заброшенных вещей, чем привел хозяйственников в немалое смущение.

Многим из них изрядно досталось, и после совещания хозяйственники принялись усиленно разыскивать забытое оборудование. Школа при этом сумела получить для своей мастерской несколько токарных станков, которые ребята потом назвали подарком шестого класса «Б».

(Окончание в следующем номере.)

КОММУНИЗМ — ЭТО ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

М. ВАСИЛЬЕВ

Вы, конечно, представляете себе, как работает экскаваторщик. Вот он сидит на высоком стуле, положив руки на рычаги управления. Одно движение рычага — и ковш птицей падает в забой. Второе движение — и наполненный до краев ковш вылетает из забоя и направляется к отвалу — куче выброшенной земли. Вдруг дно ковша открывается — и груз сыплется в отвал. И снова ковш падает в яму забоя.

За один раз экскаватор средней величины вынимает из ямы столько грунта, сколько самый сильный землекоп с лопатой, киркой и тачкой не выкопает и за целый день. Откуда у машины такая сила? Она приходит по толстому, покрытому черной резиной кабелю. Это электрический ток. Он и двигает стальные мускулы машины.

Совсем недавно, всего два-три десятка лет назад, у нас было очень мало экскаваторов. Большой Ферганский канал, например (он вступил в строй в 1939 году), был вырыт в основном лопатами. На стройке трудились сотни тысяч землекопов!

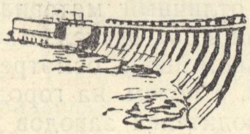
Меньше было тогда заводов и фабрик, троллейбусов и электровозов. Да если бы их и было столько, сколько сейчас, они не смогли бы работать, потому что не хватило бы того, что дает им жизнь и движение, — электрической энергии.

Без электрической энергии самый сверхсовременный завод — просто нагромождение мертвого металла. Вот почему рост энергетики должен опережать развитие других отраслей промышленности. Об этом так и сказано в новой Программе нашей Коммунистической партии.

С первых дней Советской власти партия выдвинула лозунг электрификации всей страны. Был принят разработанный по инициативе Ленина план ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России. Это был скромный по нынешним меркам план, а тогда он многим казался почти фантастическим. План ГОЭЛРО был выполнен в 1931 году. Но вставали все новые электростанции, разбегались от

★

Сейчас электростанции СССР за один день вырабатывают энергии в полтора раза больше, чем за весь 1920 год.

★

250 Волжских ГЭС имени Ленина, или около 800 Днепрогэсов, — вот какую мощность будут иметь электростанции, построенные в ближайшие 20 лет!

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

В. И. ЛЕНИН

них в разные стороны линии энергетических передач. И в 1960 году в Советском Союзе было уже выработано 292 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. **Тридцать три** плана ГОЭЛРО!

Однако и этого советским людям мало. Чтобы построить коммунизм, чтобы полностью электрифицировать всю страну, механизировать и автоматизировать все основные виды труда, добиться изобилия всех материальных благ, нам надо выполнить **триста тридцать** планов ГОЭЛРО — в десять раз больше!

2,7 — 3 триллиона киловатт-часов электроэнергии в год — вот какую задачу поставила перед советским народом на ближайшее двадцатилетие партия.

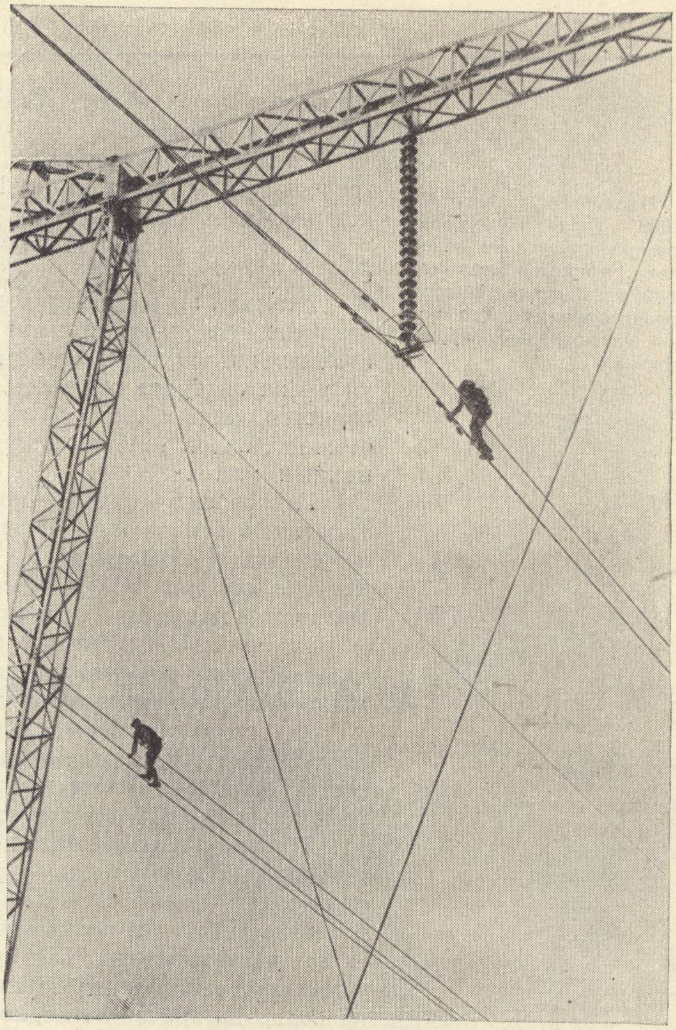
Три триллиона! Если все единицы, составляющие это число, написать палочками и писать их непрерывно со скоростью две палочки в секунду, то на это занятие надо потратить почти сорок восемь тысяч лет! А вообразите, что каждая палочка — это киловатт-час электроэнергии и что он один заменяет труд двадцати рабочих. Какая сила, какой безбрежный океан энергии придет на службу советскому человеку!

Новые могучие электростанции будут непрерывно пополнять этот океан своей продукцией.

Будут среди них и геотермические станции, работающие на подземном тепле. Первая такая станция проектируется на Камчатке. Там уже бурят скважины в недра земли до слоев, содержащих горячую воду. По скважинам вода и пар поднимутся прямо в паровые турбины.

Будут и приливные станции. Они превратят в электричество силу морского прилива — гигантской волны, вызываемой притяжением Луны и Солнца. Эта волна дважды в сутки обегает вокруг земного шара и в некоторых местах достигает 10 — 15 и даже 20 метров высоты. Ее обуздают специальные плотины с гидравлическими турбинами. Первая ПЭС будет построена в 1964 году на Кольском полуострове, в бухте Баренцова моря, где приливы особенно велики.

Будут у нас и гелиоэлектрические станции, превращающие в ток

Этот снимок сделан неподалеку от Братской ГЭС. Здесь монтажники строят линию высоковольтных электропередач.

★

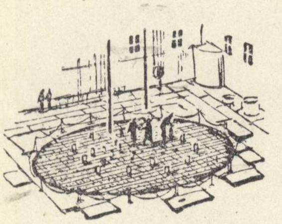
С 1966 по 1980 год каждую неделю будет входить в строй электростанция, равная Днепрогэсу. Сто Днепрогэсов будет сооружено в текущую семилетку.

То, чем жил Ленин, что он планировал, о чем мечтал, сейчас наш народ, партия успешно претворяют в жизнь.

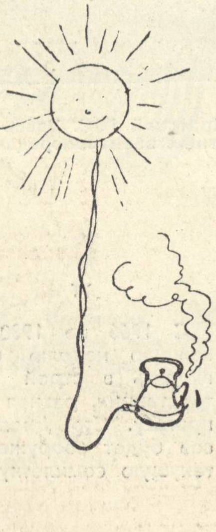
Н. С. ХРУЩЕВ

★

Подсчитано, что в 2000 году на долю одного советского человека придется **полмиллиона** киловатт-часов электроэнергии. Это почти «персональный» Днепрогэс!

Реактор атомной электростанции.

тепло солнечных лучей. Прежде всего они, конечно, возникнут в Средней Азии и Закавказье, где так много ясных и жарких дней.

Но больше всего работы выпадет на долю тепловых, гидроэлектрических и атомных станций. Именно они будут главным источником энергетического океана.

В 1954 году мы первыми в мире построили атомную электростанцию. Сейчас их у нас уже несколько.

Атомная энергетика имеет безграничные перспективы. Правда, ее развитие несколько тормозит высокая стоимость урана — «топлива» атомных котлов. Однако по мере улучшения способов добычи и очистки урана он будет дешеветь, и строительство атомных станций развернется очень широко. В первую очередь они появятся там, где нет обычных видов топлива и куда трудно подвозить нефть, бензин, каменный уголь.

Гидроэлектростанции, которые вырастут в предстоящем двадцатилетии, в основном не будут отличаться от теперешних, например, от Волжской ГЭС имени XXII съезда партии. Но некоторые из них будут в два-три раза мощнее этого гиганта. Встанут они на великих многоводных реках Сибири.

А вот тепловые станции будут совсем другими.

...Представим, что на календаре у нас не 1961, а 1980 год. И мы с вами совершаем прогулку по новой тепловой станции.

Вон стоит ее белое здание, позади которого выстроились в ряд высоченные трубы. В разные стороны разбегаются пластмассовые — из стекловолокна — опоры высоковольтных линий. А невдалеке угольный карьер, от которого бегут по подвесной дороге вагонетки.

Пройдем к нему. Вот деловито ползают огромные, похожие на диковинных жуков бульдозеры и скреперы. Они снимают верхний слой земли. Он очень тонок — всего несколько метров — этот глинисто-песчаный слой, покрывающий, подобно одеялу, угольный пласт. А вот и экскаваторы. Они черпают ковшами каменный уголь и нагружают им торопливо снующие вагонетки. Один ковш — и вагонетка полна до краев. Ее подхватывает вечно бегущая лента подвесной дороги и уносит к зданию электростанции.

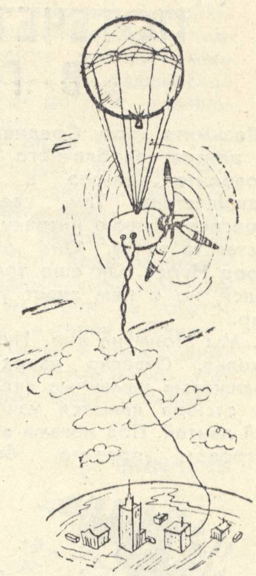
Поспешим и мы туда. Здесь вагонетки автоматически высыпают уголь в огромный бункер. Прежде чем поступить в топки электростанции, уголь проходит особую подготовку. Его размалывают.

Мы в цехе, где производится этот размол. Вращаются большие стальные барабаны с чугунными шарами внутри. Шары перекатываются и дробят уголь. Отсюда в другие бункеры поступает черная пыль, такая мелкая, что она, словно вода, просачивается между пальцами.

Мы проходим в котельную. Таких котлов в 1961 году не было ни на одной электростанции в мире. В огромной башне гудит пламя. Это сгорает вдуваемая туда угольная пыль. За сутки она превращает в пар 72 тысячи тонн воды! Это целое озеро длиной в 300, шириной в 80 и глубиной в 3 метра. На нем вполне могли бы ходить речные пассажирские катера.

Пар, который вырабатывается в котле, мало чем похож на тот пар, который вылетает из-под крышки закипевшего чайника. Он имеет температуру в 580 градусов. Стальная проволочка, помещенная в этот пар, накаляется так, что начинает светиться темно-вишневым светом. Давление в котле чудовищное — 240 атмосфер! Под таким давлением струйка пара, вырвавшись из котла, будет резать металл, как грань алмаза режет стекло.

И вот этот-то пар по толстым трубопроводам направляется в турбину. Такой турбины мы тоже нигде не могли бы встретить в 1961 году. Ее мощность — один миллион киловатт! Это почти в два раза больше, чем мощность всех турбин Днепрогэса. А ведь в свое время Днепрогэс был самой крупной электростанцией Европы! И таких турбин на нашей тепловой станции целых три!..

Дежурный инженер, сопровождающий нас, объясняет, почему турбины такие большие. Оказывается, это очень выгодно. Чем мощнее турбина и котел, который питает ее паром, тем дешевле вырабатываемый станцией электрический ток. Да и изготовить одну большую турбину дешевле, чем две половинной мощности.

Затем он приглашает нас к карте Советской страны. Карта покрыта густой сетью нитей.

— Это линии энергопередач, — объясняет инженер. — Все они связаны в Единую Высоковольтную Сеть. В нее отдает свою энергию и наша станция.

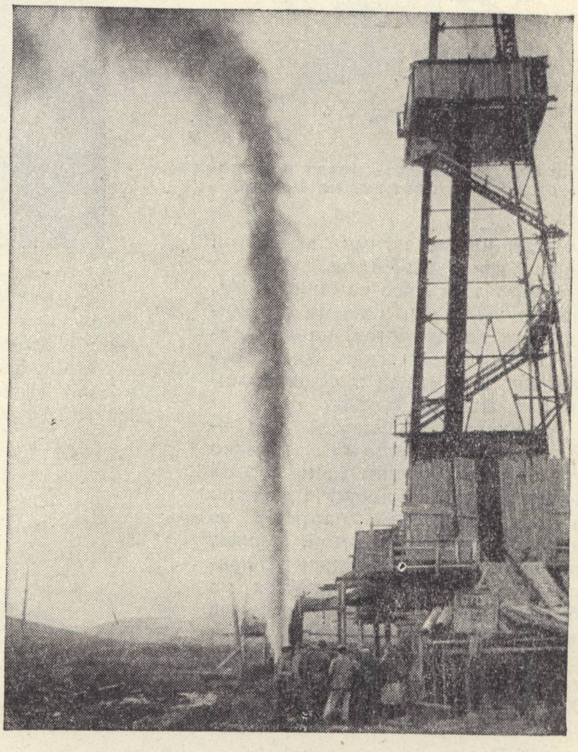
Мы смотрим на карту и видим уже не простое сплетение темных нитей — нам представляются могучие волны электрического океана. Они заливают всю нашу необъятную Родину, проникают во все ее уголки, ко всем бесчисленным потребителям...

В ДОЛИНЕ ПАУЖЕТКИ

Эта фотография сделана в долине реки Паужетки на Камчатке, где будет построена первая в нашей стране опытная геотермическая станция.

Три года назад сюда пришли разведчики-геологи. Долота мощной буровой установки врезались в землю. Пятьдесят, сто, двести метров... Термометр, опущенный в скважину, показывает 180 градусов... Наконец над долиной разносится низкий оглушительный рев — это вырвался из скважины столб кипятка высотою в 50 метров. Так был создан искусственный гейзер.

Сейчас действует несколько таких гейзеров. Днем и ночью автоматические приборы следят за их работой. Ученые внимательно изучают показания приборов. Ведь прежде чем строить электростанцию, надо убедиться в том, что подземная «котельная» не подведет и что электростанция будет работать надежно, без перебоев.

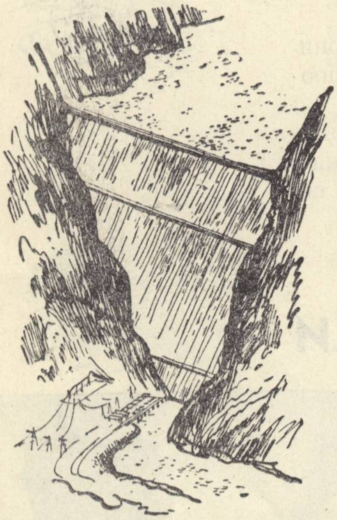

В. АВЕРЬЯНОВ,
К. ПЕТРОВ

ВОДА ПОТЕЧЕТ В ГОРУ

Возьмите карту Средней Азии. От центра заоблачного Памира проведите прямую к столице Таджикистана. Там, где линия пересечет синюю ниточку Вахша, поставьте точку. Она обозначит город Нурек. Он еще только родился, но о нем знает уже весь мир.

...Мы стоим на дне Нурекского ущелья. Отвесно вверх уходят оранжевые каменные склоны. Небо отсюда кажется узкой голубой лентой. Под ногами в восьмиметровом пролете беззвучно

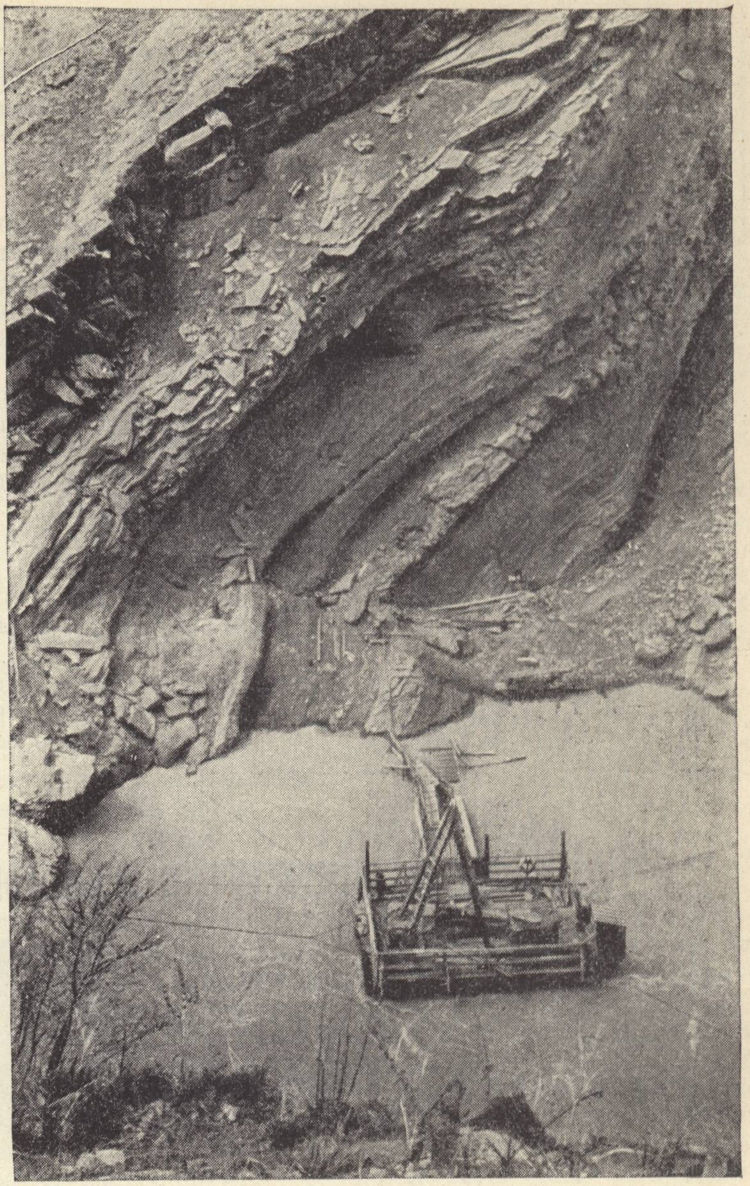
Так будут выглядеть новая электростанция и плотина на Вахше.

мчится, играет тугими водяными мускулами бурый Вахш.

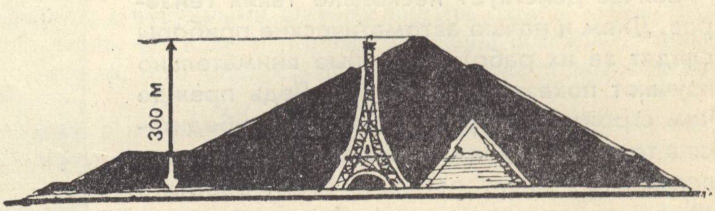
Скоро здесь все изменится. Исчезнут ущелье и кипение стремительных водоворотов, на дно реки лягут откосы скал. Здесь будет плотина, самая высокая в мире насыпная плотина.

Мощность Нурекской ГЭС — 2,7 миллиона киловатт. Однако главное ее достоинство не в этой исполинской мощности. И даже не в трехсотметровой плотине, за которой, как за ширмой, может почти целиком спрятаться Эйфелева башня. Энергия, добытая из бурных вод Вахша, станет самой дешевой в стране. Она будет стоить втрое меньше, чем энергия, скажем, Волжской ГЭС имени XXII съезда партии.

Никаких чудес в этом нет. Сама

Отвесно вверх уходят оранжевые каменные склоны...

На фоне Нурекской плотины художник изобразил Эйфелеву башню и пирамиду Хеопса. Посмотрите, какими маленькими они кажутся в сравнении с будущим гигантом советской энергетики!

природа создала здесь условия, лучше которых для строительства гидростанции не придумаешь: тесное и высокое ущелье — раз, удобное ложе для водохранилища — два, избыток стремительных вод — три. Для возведения плотины почти не потребуется бетона: она будет из камня, гравия и суглинка. А всего этого вокруг хоть отбавляй.

Воду из ущелья на время стройки отведут двумя тоннелями. В скальные стены через каждые пятьдесят метров уступами врежут дороги. С них специальные сорокатонные самосвалы будут сбрасывать каменные глыбы, гравий и глину. Насыплют пятьдесят метров, перейдут на дорогу повыше. И так, пока не вырастет вся плотина. Такой способ строительства называется «пионерным».

Уложить потребуется ни много ни мало — сорок пять миллионов кубометров камня и глины. Это больше, чем шестнадцать пирамид Хеопса! Кстати, сама плотина будет пирамидой, только усеченной. Несмотря на трехсотметровую высоту, плотина выглядит на макете очень массивной и «приземистой». Еще бы! Ведь ей придется сдерживать своей «спиной» напор десяти с половиной миллиардов кубометров воды — целого моря!

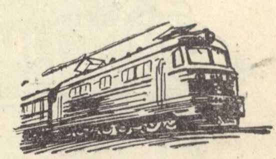
Нурекская ГЭС вступит в строй к концу семилетки — в 1965 году. К этому времени все электростанции Средней Азии замкнутся в единое энергокольцо и доля Нурека составит более половины его мощности. Таджикистан станет первой в мире страной по производству электроэнергии на душу населения. Позади останутся и Англия, и Западная Германия, и Соединенные Штаты Америки. Энергия укрощенного Вахша поднимет громадные залежи каменной соли, газа. На таджикской земле вырастет могучая химическая индустрия.

И, самое главное, оживут пустыни. С помощью энергии Нурекской ГЭС мощные насосы заставят воду течь вверх на сто, на двести, на двести пятьдесят метров. С высоты вода разольется по бесплодным ныне долинам и плоскогорьям. Почти на полутора миллионах гектаров раскинутся хлопковые поля и виноградники, а голые, скалистые плечи гор укроет зеленый халат плодовых лесов.

Д. БИЛЕНКИН

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР

Не от всякой силы польза. Нет ничего сильнее термоядерного взрыва, а использовать его как топливо мы только учимся.

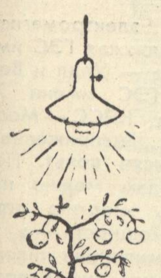
С электричеством лучше. Его легко можно превратить и в тепло, и в свет, и в движение. Электричество — самый трудолюбивый силач и, кроме того, мастер на все руки.

Недавно на бакинском нефтепромысле электробур сделал в земле скважину глубиной в пять километров. Турбобуру с его громоздкой силовой установкой такая работа была бы не по плечу.

А электровозы! Благодаря им пропускная способность железной дороги возрастает в два-три раза!

Чего только не изготовляет мастер-электричество: и алюминий, и пластмассы, и титан. В электропечах плавятся лучшие сорта легированных сталей.

Через двадцать лет «электрический мастер» станет у нас полным хозяином в промышленности и сельском хозяйстве. А у тебя дома появятся новые электрические приборы. Они будут мыть полы, стены и посуду, отапливать комнаты и варить обед. Ты будешь носить костюмы, сделанные «электрическим портным» без кройки и шитья.

Воздух в городе станет чище, свежее: ведь на улицах уже не встретишь чадящего автомобиля. Все они будут иметь экономный электродвигатель.

Да, бесконечно увеличится число дел и профессий «электрического мастера»! И только благодаря его помощи рабочий день советских людей сократится на пять триллионов часов!

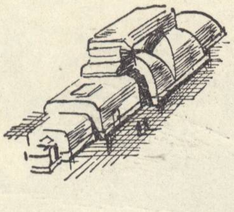

Завод-электростанция

★

ОДИН КИЛОВАТТ-ЧАС ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ МОЖЕТ:

поднять тонну груза на высоту 367 метров, или прокатать 50 килограммов металла, или перекачать 30 килограммов нефти, или выткать 10 метров ситца, или сварить и расфасовать 42 килограмма сахара, или сшить 2 пары обуви, или испечь 86 килограммов хлеба, или выдоить 50 коров.

Это паровая турбина мощностью в **300 тысяч киловатт.** Она недавно создана советскими энергетиками. В 1963—1964 году Красноярская ГЭС получит гидротурбину в **500 тысяч киловатт.** А к концу семилетки у нас появятся турбоагрегаты в **800 тысяч киловатт!**

★

Когда Печора потечет в Каспий, электростанции Волжско-Камского каскада будут каждый год вырабатывать дополнительно **11 миллиардов киловатт-часов.**

★

100 тысяч километров высоковольтных линий будет ежегодно строиться с 1966 по 1980 год.

Электровоз дал сигнал и вкатил в широкий подъезд здания весь состав. Тотчас же к каждой платформе примчались юркие автоматические разгрузчики. Наполнив углем свои бункера, они отъехали, затем снова вернулись. Скоро все платформы опустели, и тогда началась погрузка.

Когда поезд вышел из-под прозрачной кровли, на нем плотными рядами стояли светлые панели из пластмасс. В середине каждой — четкие проемы окон. Да ведь из таких панелей собирают дома! Но при чем здесь уголь! Почему от здания расходятся линии электропередач! Что это за предприятие!

Это завод-электростанция. Из отходов сгорания угля — газов и смол — на заводе изготовляют пластмассы. Из них, в свою очередь, делают много нужных вещей. Ну, а электростанция дает стране промышленный ток.

Вы хотите сказать, что таких станций-комбинатов не существует! Пока нет. Но скоро они появятся. Ученые считают, что энерготехнология — сочетание тепловых станций с некоторыми отраслями промышленности — очень выгодна.

Турбины-малютки

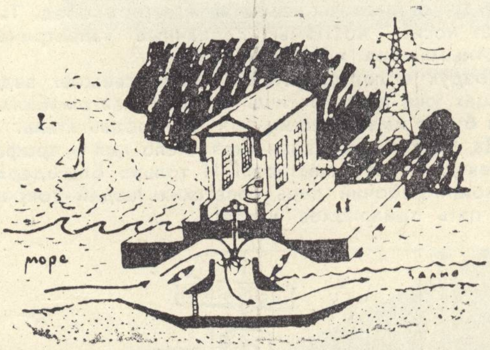
Как быть, если река очень мелка и не позволяет поставить обыкновенные турбины! Отказаться от электрической станции! Уступить природе!

Нет. Есть такие гидростанции, которые можно поставить и на совсем мелком потоке: всего сантиметров в тридцать глубиной. Для этого на стальном тросе закрепляют несколько турбин-вертушек, сделанных из обычных консервных банок или кровельного железа. Они и будут двигателями гирляндной установки, если ее опустить в воду с берега на берег.

Таких гирлянд на реке можно поставить сколько угодно. Их мощности вполне хватит, чтобы осветить целый поселок.

Л. РЕПИН

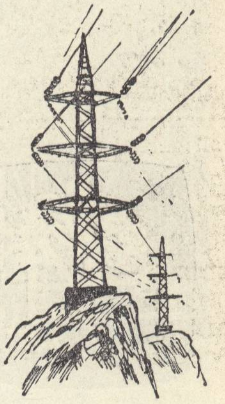
ЕСЛИ ОБУЗДАТЬ ПРИЛИВ...

Этот рисунок объясняет, как будет работать приливная электростанция. Подсчитано, что только на Охотском и Беломорском побережьях ПЭС могут давать 200 миллиардов киловатт-часов в год — две трети количества энергии, выработанной всеми электростанциями Советского Союза в 1960 году.

★

Высоковольтная линия Братск — Урал длиною в 3 тысячи километров пропустит на запад мощный поток дешевой сибирской электроэнергии. Затем Европейская энергетическая система соединится с системой Забайкалья, Дальнего Востока и Средней Азии. Так будет создана **Единая энергетическая система СССР.** Впоследствии она сольется с энергосистемами социалистических стран.

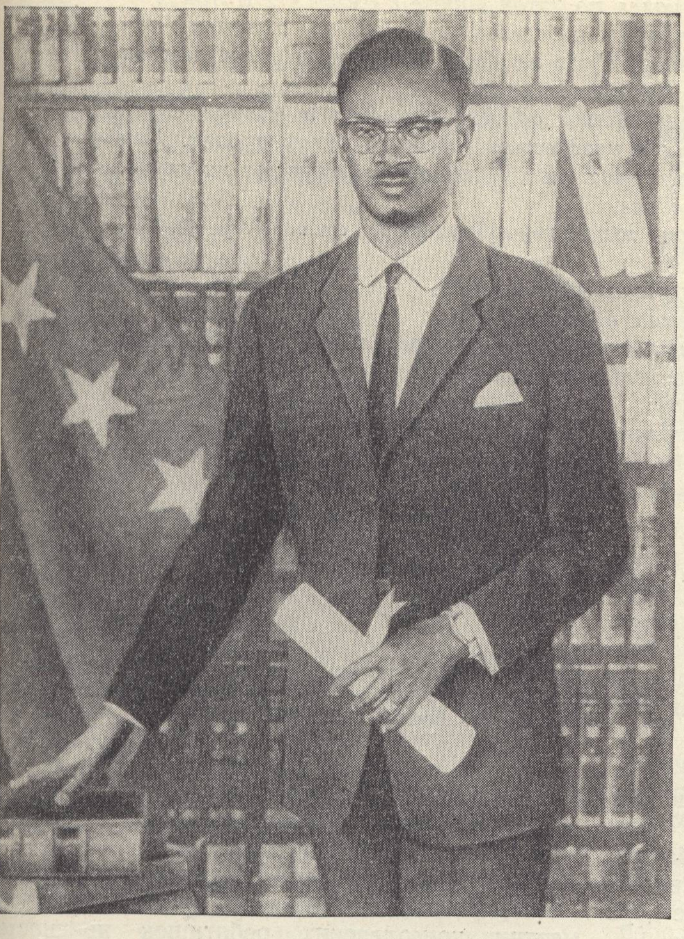

★

В США и наиболее развитых странах Европы напряжение линий энергопередач не превышает 345—400 тысяч вольт.

Две электромагистрали (Волжская ГЭС имени Ленина — Урал и Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС — Москва) имеют напряжение в **500 тысяч вольт.** По их проводам можно передавать энергию огромной мощности — в полтора миллиона киловатт! На такое же напряжение переводится и линия Волжская ГЭС имени Ленина — Москва.

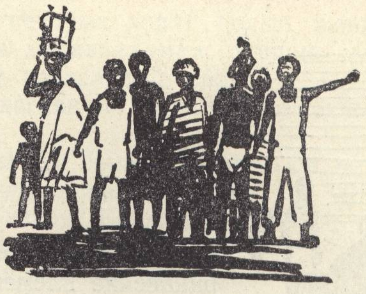
В будущем году вступит в строй линия Волжская ГЭС имени XXII съезда — Донбасс с еще более высоким напряжением — в **800 тысяч вольт!**

Патрис Лумумба. Снимок сделан летом 1960 года.

Ю. ГАВРИЛОВ

РАССКАЗЫ О ПАТРИСЕ ЛУМУМБЕ

Рисунки В. Федяевской.

Это произошло в январе нынешнего года...

На большом аэродроме в городе Элизабетвиле скопилось много солдат. На всех соседних дорогах было перекрыто движение. У летного поля стояли пушки.

Ждали самолет.

Вот он показался в небе, развернулся и пошел на посадку. С разных сторон к нему ринулись военные автомашины.

Открылся люк самолета, и оттуда сбросили на землю трех связанных конголезцев. Солдаты подхватили их. Несколько ударов в лицо — кулаками, прикладами,— и через несколько секунд грузовик уже вывозил пленников с территории аэродрома.

Сотни солдат с автоматами, машины, пушки — все это было поднято на ноги ради трех связанных конголезцев, которые не могли пошевельнуть даже пальцем!

Теперь солдаты покидали поле, местным жителям разрешили проходить мимо аэродрома.

...Тем временем грузовик мчался по узкой дороге в джунглях Катанги — одной из провинций Конго. Жандармы и бельгийские офицеры окружали африканцев, лежащих на дне кузова. Руки их были по-прежнему связаны за спиной, лица сплошь покрыты кровоподтеками.

Машина притормозила. Бельгийский офицер привстал и ударил ногой высокого худощавого конголезца в изодранной, когда-то белой рубахе. Ему ответил твердый взгляд больших карих глаз. Пленник не проронил ни звука.

Офицер ударил еще и еще раз.

— Стреляй! — приказал он жандарму-африканцу, сидевшему рядом.

Тот не двинулся.

— Стреляй! — рявкнул взбешенный бельгиец.

— Нет, господин, — медленно ответил негр.

Тогда офицер торопливо выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в голову высокому пленнику, а затем двум другим.

Все было кончено.

Так от руки бельгийских колонизаторов погиб Патрис Лумумба — замечательный, бесстрашный человек, выдающийся вождь конголезского народа.

Где проходило его детство! В самую глубь африканского материка ведут нас следы — в конголезскую провинцию Касаи, лежащую чуть южнее экватора.

Здесь живут различные африканские племена — балуба, лулуа, басонге, бачоко, бабинджи... Здесь живет и небольшое племя бамтетела, населяющее деревушки по обоим берегам реки Санкуру.

У впадения узкого ручья в Санкуру расположилась деревушка Вембоньяма. Ветхие хижины из ветвей, обмазанных глиной. Крыши из длинных пальмовых листьев. Старые сети, которые приходится чинить после каждой ловли. Отвоеванная у джунглей земля, которую конголезцы несколько раз в год рыхлят деревянными мотыгами.

Белый человек в Вембоньяме — редкость. Да и что ему делать в этой африканской глуши? Только бельгийские священники время от времени заглядывали сюда, напоминая жителям о боге и налогах, которые надо было платить «белым хозяевам Конго».

Лет двадцать пять назад и заехал в Вембоньяму с этой целью бельгийский священник. Кроме того, он хотел отобрать двух-трех мальчиков в школу. Когда они вырастут, их заставят работать и присматривать за своими черными братьями.

Вокруг священника собралась стайка ребятишек.

— Как тебя зовут? — спросил он худенького быстроглазого мальчугана.

— Патрис, — ответил тот.

— Поедешь со мной в школу, — сказал бельгиец.

Можно сказать, что Патрису и двум его товарищам очень повезло. Ведь из каждой сотни конголезских ребятишек девяносто пять никогда не заходили в школу, они никогда не садились за парту и не могли прочесть ни одной буквы.

Конго — одна из самых богатых стран в мире. В ее недрах много алмазов и золота, меди, урана. Все эти богатства бельгийцы забирали себе. Им было выгодно, что конголезцы не могли даже сосчитать своих богатств.

Патрис учился прилежно. Он скоро овладел французским языком, а став постарше, увлекся чтением. Бельгийцы хвалят его, они решают сделать его священником, и мальчик попадает в духовную семинарию.

«Это были скучные годы пустой зубрежки», — вспоминал потом Патрис.

...Каждое утро толстый монах с несколькими подбородками приходил в маленький класс, где стояла всего одна парта, и заставлял Лумумбу читать добрый десяток молитв наизусть.

Без передышки. Одна молитва, другая, третья... седьмая... десятая...

Монах усаживался в кресле поудобней и

начинал дремать под монотонное чтение Патриса.

— Все? — открывал он глаза, когда мальчик замолкал.

— Все, святой отец, — отвечал Патрис.

— Молись, сын мой, молись, и господь поможет тебе, — говорил монах и уходил выслушать другого ученика.

«Но чем могут помочь молитвы?» — думает Патрис. Разве не принуждали бельгийцы молиться его отца и мать? А ведь они всю жизнь прожили в нищете.

Нет, он не хочет молиться, ему неприятно даже брать в руки «священные» книги. Он хочет знать, как помочь конголезцам выбраться из нищеты и стать грамотными.

И однажды, когда монах уселся в кресло и задремал, мальчик, закончив вторую или третью молитву, заговорил о другом.

Тем же ровным, негромким голосом он начал рассказывать о жизни своего народа, о друзьях детства, оставшихся в Вембоньяме.

Святой отец дремал.

Кому рассказывал Патрис? Его никто не слушал. Он просто вспоминал вслух...

О том, как радостно полыхали костры в их деревне, когда охотники приносили свежую дичь. А если они возвращались с пустыми руками, деревня замирала, и наутро все взрослые мужчины — все до единого — уходили в лес. Голодные женщины и дети со страхом и надеждой ждали, удастся ли им убить антилопу или наловить рыбы...

О том, как однажды, когда все мужчины ушли на охоту, в деревню забрел злой раненый слон — копье торчало у него в боку. Некому было его прогнать, женщины и дети попрятались в кустах, и слон разрушил бóльшую часть хижин...

О том, как крокодил утащил в реку маленького Тебу, который заснул на песке у самой воды. После этого охотники убили трех крокодилов и хотели сменять их кожу на муку. Но белые просто отобрали крокодиловые кожи...

Патрис замолчал.

— Все? — проснулся монах.

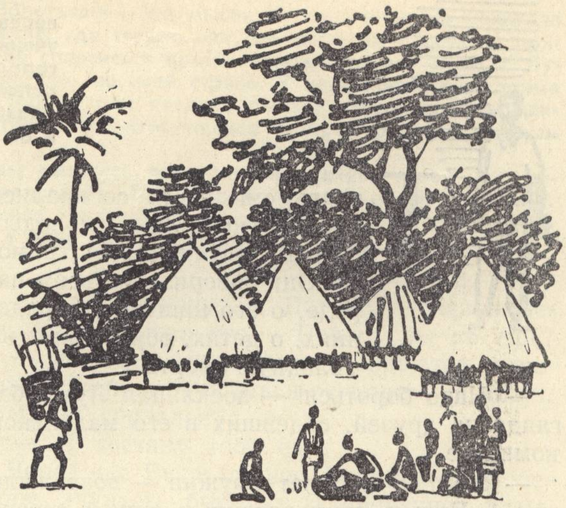
— Все, святой отец, — ответил мальчик.

Но это было далеко не все, и в следующие дни он вспоминал еще и еще...

Так продолжалось несколько недель.

...В тот весенний день, увидев, что голова монаха, как всегда, склонилась набок, Патрис прекратил читать молитву. Ему вспомнилась мать.

— Она носила на голове большие грозди бананов, и никто вкуснее ее не умел запечь рыбу в золе. Моя мама никогда не надевала

туфель, в которых ходят белые женщины. Она всегда отдавала нам лучшие куски и никогда не наедалась досыта...

Патрис взглянул на спящего монаха и осекся.

Глаза монаха были открыты! Он не спал!

— Так вот какие молитвы ты читаешь! Это что за вздор? Бог накажет тебя! — с раздражением воскликнул он.

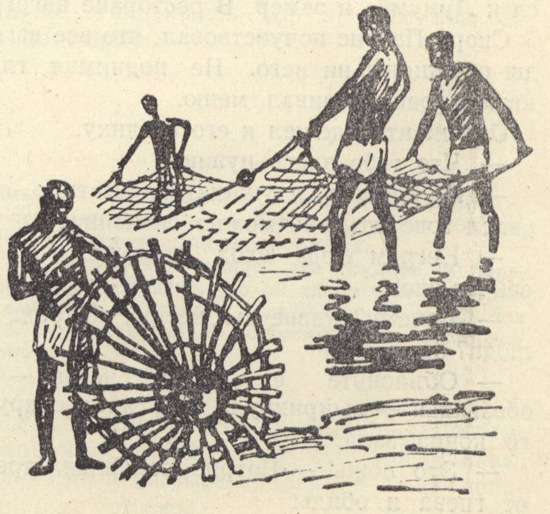
Все закипело в душе у мальчика.

— Бог? Почему он не накажет тех, кто заставляет голодать мой народ?

Монах опешил. Какая дерзость! Его подбородки затряслись от гнева.

— Ты не веришь в бога, дрянной негр! Убирайся отсюда! Здесь нет места таким, как ты!

Так закончились годы учебы Патриса Лумумбы.

Этого высокого юношу в очках и брюках, подпоясанных веревкой, видели в разных концах Конго. Он пытался стать учеником фельдшерской школы в Катакомбе, побывал в городах Киву и Леопольдвиле. Чаще всего ему приходилось останавливаться у дверей, на которых висело объявление «Апана кази» — «Работы нет». Но в Стэнливиле ему повезло, и он устроился работать служащим на почте.

Теперь они часто собирались вместе, несколько молодых негров, выучившихся грамоте. Они говорили о своем народе, о его нищете и страданиях, о детях, обреченных на голодную смерть.

— Надо бороться! — восклицал Лумумба, глядя на друзей, сидевших в его маленькой комнатке.

— Как? У нас нет оружия, — возражали ему. — Белым принадлежит в нашей стране все.

— Все в нашей стране должно принадлежать нам, конголезцам!

— Должно... Мы не смеем даже войти в ресторан для белых.

— Смеем! — Патрис встал и вышел на улицу.

Из негритянских кварталов города, забитых грязными лачугами, он вышел в центр, где на асфальтированных улицах за рядами пальм стояли красивые светлые дома. Здесь жили бельгийцы.

Он подошел к двери, над которой горела светящаяся надпись «Ресторан», и толкнул дверь. В последний миг дрогнуло сердце: «Может быть, не ходить?» Но он решительно шагнул в зал и уселся за крайний пустой столик.

Бельгиец, сидевший неподалеку, обернулся к Лумумбе и замер. В ресторане негр!

Скоро Патрис почувствовал, что все взгляды обращены на него. Не поднимая глаз, юноша рассматривал меню.

Официант подошел к его столику.

— Что тебе здесь нужно?

— Я пришел поужинать. — Патрис старался говорить как можно спокойней.

— Неграм сюда вход запрещен. Уходи сейчас же!

— Почему? Разве мы, негры, не такие же люди?

— Объясните ему, что негры — это обезьяны! — выкрикнула бельгийка с другого конца зала.

— Это ложь! — Патрис поднялся, дрожа от гнева и обиды.

— Убирайся отсюда немедленно! — Несколько мужчин с угрожающими лицами встали из-за столиков.

— Почему я не свободен в моей стране? — воскликнул юноша.

— «Моя страна»! Негодяй!

Резко распахнулись двери ресторана. Двое рослых полицейских — хозяин уже успел их вызвать — двинулись прямо к Патрису. Один из них привычным движением скрутил ему руки за спиной.

Патриса выволокли на улицу. Здесь у дверей ресторана на него обрушились первые удары. «Теперь ты будешь знать законы, черномазый!» — приговаривали полицейские.

Только через неделю снова встретился Патрис со своими друзьями. Он исхудал, на руках были видны кровавые ссадины от наручников.

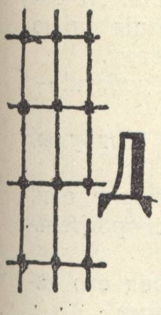
— Ты храбрец, Патрис, — сказали ему друзья.

— Мы победим, когда все станем храбрецами, — ответил Лумумба.

С почты его уволили. И вновь поездки из города в город. И вновь встречают его двери с таким знакомым объявлением «Апана кази» — «Работы нет».

«Надо бороться!» — эта мысль ни на минуту не покидала Патриса. Везде, где только мог, он выступал с речами, призывая негров сплотиться против колонизаторов. Слава о Лумумбе разнеслась по всей стране. У него появились верные соратники. Вместе они создали партию «Национальное движение Конго», число сторонников которой росло с каждым днем.

Бельгийцы пытались подкупить народного героя — он ответил им презрением. Тогда они бросили Лумумбу в тюрьму. По требованию конголезцев его освободили, но затем вновь заключили в одну из самых мрачных тюрем страны.

Длинное приземистое здание со всех сторон окружено часовыми. На узких окнах — решетки. Около здания вырублены все пальмы, чтобы к нему нельзя было подобраться незамеченным.

Это тюрьма на окраине города Элизабетвиля.

Месяц назад сюда привезли Лумумбу. Он был избит так, что еле держался на ногах.

Первое время Патриса каждый день выводили на прогулку по тюремному двору — десять шагов вперед, десять шагов назад. Но вскоре прогулки прекратились. Патрис неподвижно лежал на койке, не отвечая на вопросы тюремщиков.

...Однажды за дверью послышались чьи-то голоса. Лумумба прислушался.

— Я пущу вас при одном условии: заставьте его есть, — говорил начальник тюрьмы.

— Хорошо, я попытаюсь, — ответил голос, который Патрис не мог не узнать. Это был голос его старого друга — Веже Читея!

— Веже! — негромко позвал Лумумба, опасаясь, не ошибся ли он.

Дверь камеры открылась. Патрис увидел Веже. Друзья обнялись.

— Ты так исхудал, Патрис, — сказал Веже, разглядывая его. — Почему ты не ешь?

— Я узнал, что меня собираются отравить, и решил отказаться от тюремной пищи.

Читея сорвался с места:

— Я достану тебе еды.

Через час Веже принес Лумумбе хлеб, бананы, ананасы, бутылку газированной воды. Его не пустили больше в камеру, они простились через дверь.

Теперь каждый полдень Патрис слышал голос Веже, который приносил маленькую корзинку с едой: фрукты, мясные консервы, хлеб.

Но однажды Веже не пришел. После полудня надзиратель заглянул в камеру:

— Наверное, и твой дружок нашел себе место в тюрьме.

Лумумба промолчал. Он знал: друзья дадут о себе знать.

И не ошибся.

Под вечер за дверью раздался громкий голос Веже:

— Патрис, сегодня я не принес тебе еды. Но я принес тебе свободу. Тебя сейчас выпустят! Этого добился народ.

Через несколько минут дверь распахнулась настежь. Солнце хлынуло в камеру.

Твердой походкой, едва сдерживая радость, не оглядываясь, Патрис Лумумба вышел из тюрьмы.

Почти восемьдесят лет добивались конголезцы свободы. За эти годы население страны уменьшилось вдвое. Но те, кто остался жив, продолжали упорно бороться.

Подавлять эту борьбу становилось все труднее, и бельгийский король Бодуэн объявил, что он «дарит» конголезцам свободу. Что ему еще оставалось делать! Он даже приехал в Леопольдвиль вместе со своими министрами на празднование независимости.

Независимость Республики Конго была провозглашена 30 июня 1960 года. В этот день король Бодуэн был в плохом настроении. Утром из его автомобиля пропала шпага, с которой он появлялся на всех праздниках. Сколько ни искали ее чиновники, найти шпагу так и не удалось.

Торжественный прием проходил в большом здании на берегу реки Конго. В зале присутствовали гости, королевская свита и конголезское правительство, избранное народом.

Речи бельгийских министров были похожи одна на другую. Придворные усиленно подчеркивали свою «дружбу» с африканцами, словно не было и в помине кровавых преступлений колонизаторов.

Но вот на трибуну стремительно поднимается высокий негр в темном костюме. Волна оживления пробегает среди собравшихся. Это Лумумба, первый премьер-министр первого конголезского правительства. Это человек, больше всех сделавший для свободы своей страны. И конголезцы платят ему доверием. На выборах его партия получила больше всех голосов.

— Ни один житель Конго, — говорит Лумумба, — не забудет страданий, огромных жертв и крови, пролитой нашим народом.

Мы помним, сколько оскорблений и насмешек пришлось вынести нам только из-за того, что наша кожа черная.

Мы помним, что бельгийцы приравнивали нас к скоту и обращались с нами, как с животными.

Мы помним казни и расстрелы наших братьев...

Замерли бельгийские министры. Побледнел король. Но куда денешься от прямых, резких, как пощечина, слов Лумумбы?

— Да здравствует свободное Конго! — заканчивает Патрис Лумумба.

Король тотчас же выходит из зала. Не обращая на него внимания, конголезцы бурно аплодируют своему премьер-министру.

— Ухуру! Ухуру! — Свобода! Свобода! — раздаются возгласы в зале.

К Лумумбе, спустившемуся с трибуны, подходят приближенные Бодуэна.

— Вы оскорбили короля, — говорят они.

— Правда не может быть оскорбительной, — отвечает Лумумба.

— Вам следует извиниться перед его величеством, — настаивают придворные.

— Извиниться? — гневно переспрашивает Патрис Лумумба. — А кто будет извиняться за миллионы конголезцев, погибших во время бельгийского господства? За то, что наши дети умирают от голода?

Он отстраняет рукой остолбеневших придворных и выходит из здания.

Он идет к народу.

— Патрис! — кричат африканцы, толпящиеся на улице. — Патрис, не дай бельгийцам обмануть тебя!

— Не бойтесь, друзья, — отвечает Лумумба. — Свободе Конго я отдам всю свою жизнь...

Конго получило свободу, но борьба не была закончена. Бельгийцы, оставшиеся в стране, всячески мешали наладить жизнь молодого государства. Они хотели, чтобы у власти стоял их прислужник. Они делали все, чтобы расправиться с Патрисом Лумумбой.

Пули не берут Лумумбу, он ловит пули в воздухе, его нельзя убить — такие легенды складывали о своем вожде конголезцы. Но это было, конечно, не так. Только бесстрашие и решимость в трудные минуты выручали Патриса Лумумбу.

Две грузовые машины, набитые солдатами, на полном ходу подкатили к дому премьер-министра. Охрана не успела поднять тревогу.

Несколько человек с винтовками ворвались в кабинет.

— Что случилось? — спокойно поднялся навстречу Лумумба.

— Мы пришли арестовать тебя. Собирайся.

— Арестовать? Кто вам отдал такой приказ?

— Вот ордер на арест.

Лумумба внимательно прочитал протянутую бумагу. Солдаты, сгрудившись вокруг него, ждали.

— Вы знаете, кем подписан ордер?

Этого они не знали.

— Он подписан бельгийским прокурором. Разве вы должны подчиняться бельгийцам?

— Но нам дал его полковник Мобуту.

— Значит, Мобуту в сговоре с бельгийцами.

Лумумба говорил громко и уверенно. Он видел: среди солдат наступило замешательство. Еще немного, и они будут на его стороне.

— Вы конголезцы, и я конголезец. Вы не знаете, как поступить с бельгийцами, которые хотят посеять между нами вражду?

— Мы арестуем прокурора и приведем его к тебе! — Солдаты повернулись к двери.

— Постойте! — сказал Лумумба. — Куда вы должны были отвезти меня?

— В военный лагерь.

— Тогда поедем! Все солдаты в лагере должны знать правду!

Патрис направился к выходу.

Секретарь пытался задержать его:

— Зачем ехать одному, без охраны, в военный лагерь? Мало ли что может случиться!

Но Лумумба был непреклонен.

— Созови в шесть часов вечера заседание совета министров, — сказал он секретарю. — К этому времени я вернусь.

На территории лагеря машину встретила огромная толпа солдат.

— Лумумба арестован! Арестован! — пронеслось над толпой.

— Нет, друзья, я не арестован. Я приехал к вам, чтобы рассказать правду, — прямо с автомашины начал говорить Лумумба.

Два часа продолжалась его речь. И все эти два часа необыкновенная тишина стояла над лагерем.

А когда Лумумба кончил, тысячеголосое «Ухуру! — Свобода!» было ему ответом.

Патрис Лумумба со своими детьми — Жюлианой, Патрисом и Франсуа.

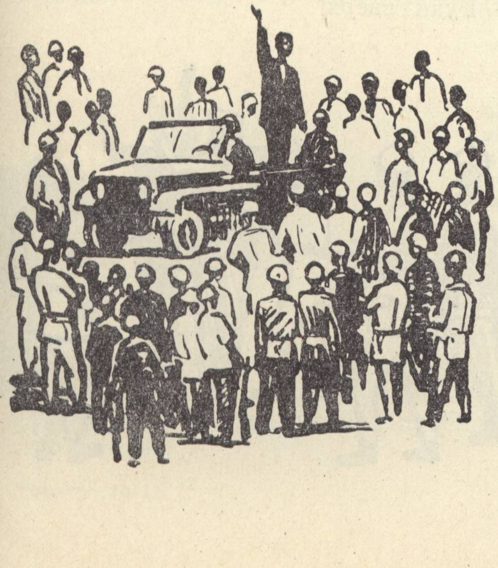
Те же солдаты, которые приезжали арестовать премьер-министра, охраняли его теперь, провожая домой.

— Ну, вот видишь? — улыбнулся Лумумба своему секретарю. — Через час начнем заседание.

Но тут на столе зазвонил телефон.

Премьер-министр снял трубку.

— Лумумба у телефона. Где? На аэродроме? Я сейчас приеду.

Он вызвал шофера.

— Морис, едем на аэродром. Быстро!

Через минуту большая черная машина уже мчалась по шоссе.

...А на аэродроме произошло следующее. Часа два назад здесь приземлился бельгийский самолет. Из него высыпало человек шестьдесят военных парашютистов. Конголезские солдаты пытались разоружить их. Завязалась перестрелка.

Бельгийцы спрятались в большом ангаре. Они отстреливались и не хотели сдаваться. Обо всем этом сообщили премьер-министру...

— Где бельгийцы?

— За летным полем, — указали Лумумбе.

— Морис, поехали!

Машина рванулась с места.

— Это безумие! — послышалось сзади. — Они снова начнут стрелять.

Автомобиль, промчавшись через все поле аэродрома, остановился. Решительным шагом Патрис Лумумба подошел к двери ангара и распахнул ее:

— Вы арестованы! Выходите поодиночке!

Стволы нескольких винтовок уперлись ему в грудь.

— Стреляйте! — крикнул кто-то из глубины ангара.

Но никто не выстрелил. Бельгийцев по-

трясло бесстрашие этого человека. Один, без оружия, он не побоялся прийти сюда!

Стоя под наведенными на него автоматами и винтовками и словно не замечая их, Лумумба требовательно повторил:

— Вы арестованы! Бросайте оружие и выходите! Ваша жизнь будет в безопасности. Иначе я вызову войска. Но я не хочу кровопролития.

Он повернулся и зашагал к машине.

В напряженной тишине раздался резкий металлический звук: один из парашютистов бросил оружие на землю.

До поздней ночи пробыл премьер-министр на аэродроме. Он узнал, что парашютисты прилетели в Леопольдвиль, чтобы вновь отнять у народа имущество, награбленное колонизаторами.

Полная луна посеребрила воды реки Конго, с шумом прорывавшиеся через пороги, когда он вернулся к себе.

— Ложитесь спать. Сегодня был трудный день, — встретил его секретарь.

— Трудный? — переспросил Лумумба. —

Нет, обычный. Запомни, друг: пока идет борьба за свободу, все наши дни будут такими. Позвони министрам, заседание совета министров обязательно состоится через два часа.

Бельгийцы вовсе не хотели расставаться с богатствами Конго. Когда их попросили убраться домой, они вызвали войска. Солдаты стали расстреливать негров. Колонизаторы вооружили бандитов во главе с изменником полковником Мобуту. Жизнь каждого честного конголезца висела на волоске.

Все более опасным становилось положение Лумумбы. Бельгийцы несколько раз пытались его убить. У него дома в кабинете возле письменного стола лежал заряженный автомат.

Лумумба писал, то и дело взглядывая на часы: шофер Морис долго не возвращался. В ночной тишине за окном раздавались шаги солдат, охранявших дом. В соседней комнате работал секретарь.

Лумумба поднялся из-за стола и зашел к секретарю, чтобы взять понадобившуюся книгу.

Он искал ее на полке, когда за стеной в его кабинете скрипнула дверь.

— Его нет... — проговорил кто-то.

— Ничего. От нас он не уйдет. Подожди немного, — отозвался другой голос.

Лумумба направился к двери. Но секретарь, встревоженный появлением непрошеных гостей, настойчиво отстранил премьер-министра и сам пошел в кабинет.

Навстречу секретарю шагнули два бельгийских офицера.

— Как вы сюда попали? Кто вам нужен?

— Нам нужен Лумумба. Немедленно.

— Премьер не может вас принять.

— Мы не просим о приеме. Пусть он придет сюда — резко сказал офицер.

— Сейчас я сообщу ему. — Секретарь стремительно вышел из комнаты, и в ту же минуту в кабинет ворвались солдаты конголезской армии.

— Руки вверх!

Бельгийцы медленно подняли руки.

Три заряженных пистолета и два кинжала извлечены из их карманов. Не многовато ли на двоих?

Солдаты увели бельгийцев. Лумумба продолжал работать.

Но где же Морис? Он уехал на захваченный мобутовцами аэродром, чтобы проводить иностранного дипломата. Этот дипломат согласился вывезти из Конго в Каир маленьких детей Лумумбы — Франсуа, Жюлиану и Патриса...

Вошел секретарь.

— Бельгийцы признались, — сказал он. — Они перелезли через забор и замышляли покушение на вашу жизнь.

«Еще одно покушение. Какое по счету — четвертое, пятое?» — подумал Лумумба.

У дома раздался скрип тормозов автомобиля. Морис! Наконец-то!

— Ну как, рассказывай! — торопил Лумумба.

— Все в порядке, Патрис, — улыбаясь, ответил шофер. — Я дождался, пока самолет поднимется в воздух. Самое трудное, — рассказывал он, — было провезти ребятишек через мобутовскую охрану аэродрома.

...Когда машина приблизилась к столичному аэропорту Нджили, дипломат обернулся к детям:

— Постарайтесь уснуть. Я скажу вам, когда можно будет проснуться.

Франсуа, Жюлиана и Патрис послушно улеглись на широкое заднее сиденье.

Но до сна ли им было? Они только что расстались с отцом, матерью, младшим братишкой Роландом. Мать, плача, обняла их. «Мы скоро увидимся». — сказал отец. А когда? И что их ждет в чужой стране?

Дорогу впереди преградил мобутовец.

Машина остановилась. Громыхая автоматом, солдат заглянул в распахнутую дверцу.

— Тише, пожалуйста, — попросил дипломат. — Мои дети спят.

— Ничего, — проворчал солдат и направил луч карманного фонарика на ребятишек; те не шелохнулись.

«Сейчас он увидит, что дети — негры, а я араб», — мелькнуло в голове дипломата. Он вынул деньги и сунул несколько бумажек солдату.

— Поезжайте, — буркнул тот. Деньги отбили у него охоту к дальнейшему осмотру.

И только когда машина подъехала к самолету, дипломат сказал:

— Просыпайтесь!

Три курчавые головенки тотчас же поднялись с сиденья...

Выслушав рассказ Мориса, Патрис Лумумба облегченно вздохнул.

Как хорошо, что дети находятся в безопасности, среди друзей!

Больше месяца жил Патрис Лумумба в своем доме, как в осажденной крепости. Целая сотня мобутовцев, захвативших власть в Леопольдвиле, постоянно дежурила около дома. И Лумумба решил бежать в Стэнливиль, город, куда он задумал перевести столицу государства. Однажды вечером, обманув стражу, он на машине покинул свой дом. Мобутовцы организовали погоню.

Небольшая группа людей, сопровождавших Патриса Лумумбу, постепенно таяла. Четверо или пятеро попали в руки мобутовцев, несколько человек решили пробираться другой дорогой.

Наконец их осталось совсем мало — меньше десятка. Лумумба, его жена Полин Опанга, маленький Роланд и несколько самых верных, самых испытанных друзей. На двух автомобилях они углубились в джунгли.

Путь им преградила река. Первой к бе-

регу спустилась машина, в которой ехал Лумумба.

— Что будем делать, Патрис?

— Оставим машины, переправимся на тот берег и двинемся дальше пешком. Конголезцы помогут нам пробраться в Стэнливиль.

Лумумба, его секретарь и шофер Морис, разыскав пирогу, быстро переправились на другой берег. Когда вторая машина, где сидели Полин Опанга и Роланд, подъехала к реке, пирогу уже пригнали обратно.

— Скорее, скорее! — торопили друзья. — Погоня близка.

Но Полин и Роланд не успели даже подойти к лодке.

Из кустов вынырнул зеленый грузовик, и с него на ходу соскочили два десятка вооруженных мобутовцев в касках. Они окружили небольшую группу людей на берегу.

Лумумба видел все происходящее с другой стороны реки.

— Беги, Патрис! — крикнула Полин, прижимая к себе Роланда. — Беги!

Бежать? Да, стоит только сделать полсотни шагов, и джунгли скроют его. Там погоня не страшна. Но как же Полин и Роланд?

— Сдавайся, Лумумба! — кричали мобутовцы. — Иначе мы убьем твою жену и ребенка.

Эта страшная угроза приковала Патриса к месту. Он остался на берегу.

Тем временем несколько мобутовцев погрузились в пирогу. На нос лодки они посадили Полин Опангу и Роланда. Один из солдат навел на них автомат.

Что было делать Патрису? Когда лодка была уже близко от берега, Морис, стоявший рядом с автоматом в руках, шепнул:

— Я метко стреляю. Не бойся, я не задену твоих.

— Нет, Морис, не стреляй, — ответил Лумумба. — После первого же выстрела их убьют.

Пирога ткнулась носом в берег.

Мобутовцы накинулись на Лумумбу и связали его.

Громко зарыдала Полин Опанга, страх замер в глазах ее маленького сына.

— Не плачь, жена, — спокойно, с достоинством проговорил Патрис Лумумба. — Свободу Конго никогда не удастся связать веревкой.

Патрис Лумумба погиб.

Но он не умер для миллионов своих соотечественников.

Они подхватили знамя свободы, выпавшее из его рук.

Лумумба! Это имя по-прежнему гремит над Конго, над всей борющейся Африкой.

Лумумба, мы готовы отдать свою жизнь за свободу, как отдал ее ты! — говорят конголезцы.

Лумумба, мы победим! — клянутся они.

РОБОТ

Генрих САПГИР

ШУТКА

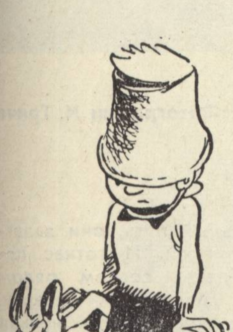
На голове
Ведро дырявое,
На шее две
Жестянки ржавые.
Я говорящий робот.
Производите опыт!

— Встать! — Встаю.
— Сядь! — Сижу.
— Пой! — Пою.
— Ходи! — Хожу.

Им, конечно, ничего:
Они изобретатели.
А мне, машине, каково!
Командуют приятели:

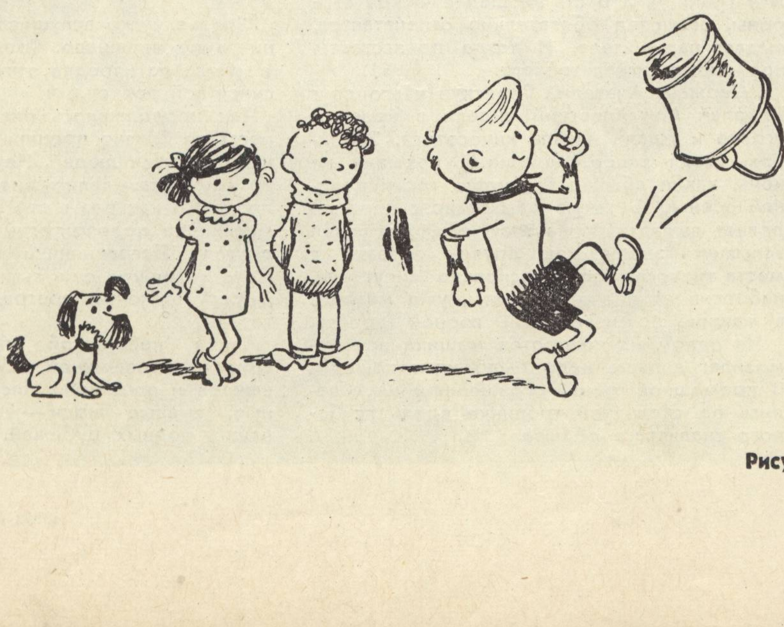
— Встать! — Встаю.
— Сядь! — Сижу.
— Пой! — Пою
— Ходи! — Хожу.

Я шагаю с грохотом,
С топотом.
Надоело мне все это!
Не хочу быть роботом!

— Встать! — Сижу.
— Сядь! — Встаю.
— Пой! — Хожу.
— Ходи! — Пою!

Не удался опыт,
Поломался робот.

Рисунки В. Чижикова.

НА ГРАНИЦЕ

В дозоре.

Фотографии И. Гричера.

У подножия обрывистых гор, через ущелья и долины вьется узкая полоска вспаханной земли. Она нигде не прерывается, нигде не исчезает. На ней нет ни кустика, ни травинки, хотя земля взрыхлена так старательно, что даже след вороны можно издали заметить. Полоса стережет границу. Кто бы ни шел с чужой стороны, его след обязательно отпечатается, выдаст нарушителя. И тогда по заставам прокатится сигнал тревоги.

...Сержант Анатолий Верескун и его друг Николай Михайловский сидели в красном уголке и ждали начала киносеанса. За окном стоял вечер, холодный, похожий на ночь, какие обычно бывают в горах поздней осенью. В такую погоду враг нередко делает вылазки. И на этот раз, не успел вспыхнуть экран, как друзей сорвала с места тревога. Через несколько минут они, набросив на плечо автоматы, уже мчались в машине по извилистой горной дороге.

На одном из поворотов машина притормозила: дальше надо было идти пешком. В кромешной тьме пограничники карабкались по скользкой тропинке вдоль глубокого скалистого обрыва.

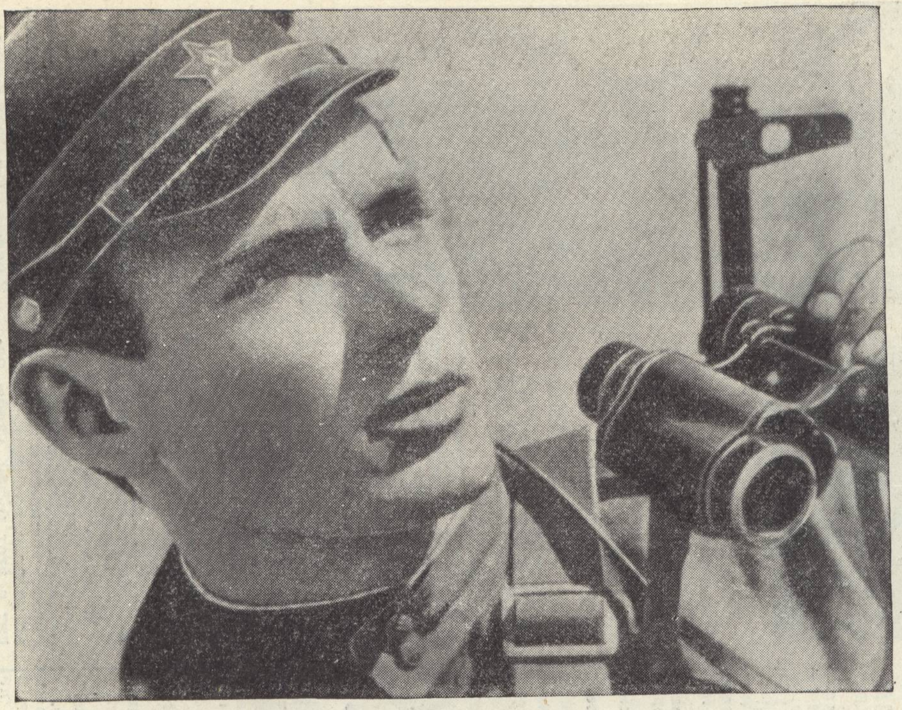
Проделав утомительный путь, они залегли в засаде над тропинкой. И тотчас почувствовали холод. Где-то совсем рядом выпал снег, и ветер, налетавший сверху, пробирал до самых костей. Но нельзя было даже пошевельнуться: малейший неосторожный шорох мог предупредить врага.

Друзья чутко вслушивались в тишину. Ее ничто не нарушало. Только ветер шуршал в кустах да изредка откуда-то снизу доносился вой волков.

Так продолжалось очень долго. Уже на рассвете близко прошли архары. Прошли— и не почуяли людей. Неудержимо клонило ко сну: сказывались напряжение и усталость. Но как раз в это время на тропинке мелькнула подозрительная тень, за ней — другая... Пограничники замерли, выжидая. Спустя минуту они выскочили из засады. Дорогу шпионам преградили дула автоматов.

Таков небольшой эпизод пограничной службы, тревожной, суровой, но очень важной и почетной. Несут ее замечательные, смелые люди — надежные часовые наших родных рубежей.

Д. Александров

Ни один враг не укроется от зоркого глаза сержанта Анатолия Верескуна.

Жаркий день.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 8 (20) НОЯБРЬ 1961 г.

С чего мы начнем рассказ о пионерах Псковской области? С самого главного: с той оценки, которую дают ребятам коммунисты. Вот эта оценка:

Обком КПСС благодарит пионеров Псковской области за то, что они первыми стали выращивать кукурузу в области и доказали колхозникам, что можно собирать большие урожаи.

Во многих школах области пионеры собирают урожаи выше, чем в колхозах. Правда, легче собрать урожай на 7 га школьного участка, чем на большом колхозном поле, но пионеры не просто выращивают кукурузу, а еще и ведут научную работу, ставят важные опыты.

ТРУДНЫЕ ПОБЕДЫ

Испытания нового сорта льна впервые на Псковщине ведут пионеры Ново-Изборской школы Печорского района. Они уже вывели новый районированный сорт пшеницы, которая не осыпается. Семена ее переданы в колхоз.

* * *

По заданию совхоза «Городище» школьники третий год выращивают высокие урожаи кукурузы на силос. У школьников центнер кукурузы стоил 17,5 копейки, а по району в среднем — 40 копеек.

В 1961 году школьники взяли из инкубатора 2 534 утки, сдали государству — 2 168. Вырастили 82,6 процента. Ребята из Глубоковской школы Опочецкого района уже второй год выращивают водоплавающую птицу, и они доказали, что могут по-настоящему справиться с очень трудной работой.

* * *

Пушкиногорская средняя школа заключила договор с колхозом имени Пушкина. По этому договору за ученической бригадой закреплены 2 га сахарной свеклы, 3 га кукурузы, 7 га гречихи и колхозный сад. В колхозе посев сахарной свеклы и гречихи вводится впервые.

ПОСТАВИМ ПАМЯТНИК КЛАВЕ НАЗАРОВОЙ

Обязательство по двухлетке у пионеров области — собрать 2 000 тонн лома.

А уже на 15 августа 1961 года собрано 4 116 тонн!

Это по предложению пионеров города Острова ребята области собирают средства на строительство памятника Клаве Назаровой. Она была старшей пионервожатой, а в годы войны руководила комсомольским подпольем, боролась и погибла на псковской земле.

Восьмиклассница Люда Мякина (снимок справа) — билетер в пионерском кинотеатре «Спутник семилетки», открывшемся в Пскове. Два приятеля ждут сеанса. (Верхний снимок.)

Фото Б. Иванова.

ПИОНЕРЫ ЗЕМЛИ ПСКОВСКОЙ

А вот что сделали пионеры Идрицкой школы Себежского района за первый год двухлетки:

Собрали 83 тонны лома
» 10 тонн золы
» 4,8 тонны макулатуры
Посадили 500 деревьев
» 3 000 саженцев.

Вырастили урожай свеклы, кукурузы и зерновых в колхозе имени Ленина на площади в 23 га.

Дали 40 концертов для населения. Распространили художественной литературы на 200 рублей.

ПИОНЕРЫ-„МАТРОСОВЦЫ"

Есть в Великих Луках школа, пионеры которой носят гордое имя «матросовцы». Это дружина имени А. Матросова шестьдесят шестой школы.

В школе есть музей Александра Матросова. Каждый из двадцати двух отрядов собирает экспонаты. Все, кто вступает в пионеры, приходят в этот музей, чтобы послушать рассказы старших ребят о подвигах Саши Матросова.

Торжественное обещание ребята дают у памятника герою. А потом поют любимую дружинную песню «Легендарный рядовой».

Дважды в году — летом, после окончания учебного года, и зимой, в годовщину гибели Матросова, — пионеры дружины отправляются в поход за 70 км в деревню Чернушки — к месту гибели Матросова.

Каждый год 22 февраля в Великие Луки для встречи с пионерами-«матросовцами» приезжают представители воинской части. Ребята переписываются с воинами. Высокую честь отвечать на эти самые дорогие письма заслуживают лучшие пионерские отряды, победители соревнования.

Дружине «матросовцев» присвоено звание лучшей дружины города.

ЮНТАСС сообщает

Фергана

В 7-й школе города создан штаб корреспондентов. Он информирует стенные газеты о том, как проходит в дружине пионерская двухлетка.

Витебская область

Выращивать кроликов взялись пионеры Зеленоостровской школы. Ваня Харцкевич выращивает 42 кролика, Надя Матвеева — 24, а у Васи Вершиловского в сарае целая кролиководческая ферма с клетками и норками.

Киевская область

7 аллей дружбы посадили пионеры Бородянского района, а пионеры Ставищанского района заложили сквер «Пионерский».

Киностудия имени Вали Котика Иванковского Дома пионеров начала съемку фильма «Наш вклад в пионерскую двухлетку».

Поселок Петри-Цкоро, Грузинская ССР

Дружина поселка воздвигла памятник Герою Советского Союза Сергею Григоряну. Воспитанник школы погиб в боях за Родину.

Пермская область

Пионеры Еловской средней школы колхоза «Новый путь» взяли шефство над свинофермой. Своими силами ребята механизировали подачу воды, установили автопоилки и самокормушки.

ПРИВЕТ ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ ШКОЛЫ № 32 ГОРОДА КАСИМОВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ! ЭТА ШКОЛА УЖЕ ДВА ГОДА НЕ ИМЕЕТ ВТОРОГОДНИКОВ

Липецкая химическая

В этом году в Липецке открылась химическая выставка. В этом городе нет предприятий химической промышленности, и многие впервые увидели столько изделий из пластмассы, каучука, химических волокон. «Мы были поражены тем, какие здесь интересные вещи...» — писали в книге отзывов.

Эту выставку организовали ребята из химического кружка средней школы № 5. Более трех лет готовили они выставку. Сто городов отозвались на просьбы ребят и прислали две тысячи различных экспонатов. Чтобы разместить их, потребовалось двадцать стендов.

Когда у организаторов выставки спрашивают, что они будут делать дальше, они отвечают: «Расширять нашу выставку».

г. Липецк.

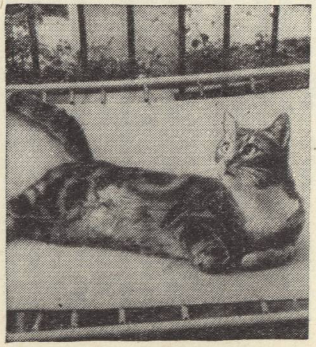
Я очень люблю животных

Я учусь в 6-м «В» классе. Очень люблю животных. У меня есть кот породы европейской лесной кошки. Он сильно отличается от домашней кошки: ему только 9 месяцев, а он уже гораздо больше самой большой домашней кошки. Длина его 90 см, высота 35 см, у него большие и острые клыки размером 2 см, красивая шерсть. На животе у него коричневые пятна.

Я посылаю его фотографию, которую я сделал сам.

Вадим Бурлак

г. Херсон.

Я как ты? считаешь?

Разве это мещанство?

Дорогая редакция!

Ответьте мне, пожалуйста, через журнал на такой вопрос: вести дневник — хорошо или плохо? Я начал вести дневник, а мама говорит, что это—мещанство.

Анатолий Борисов

Коми АССР, Ухтинский район, г. Сосногорск.

Прав ли я?

Дорогая редакция!

Я очень люблю цветы и решил стать цветоводом. Осенью я решил организовать отряд природы. Многие мальчишки смеются: «Не наше дело — цветочки сажать». А мне все равно: пускай смеются, цветоводом я буду!

Сережа Шачин

Туркменская ССР.

ОТ РЕДАКЦИИ

Два письма — два вопроса. Стоит ли вести дневник! Стыдно ли мальчишке разводить цветы! Как бы вы ответили на эти вопросы! Ждем ваших писем, ребята!

ЮНКОРЫ-МОСКВИЧИ!

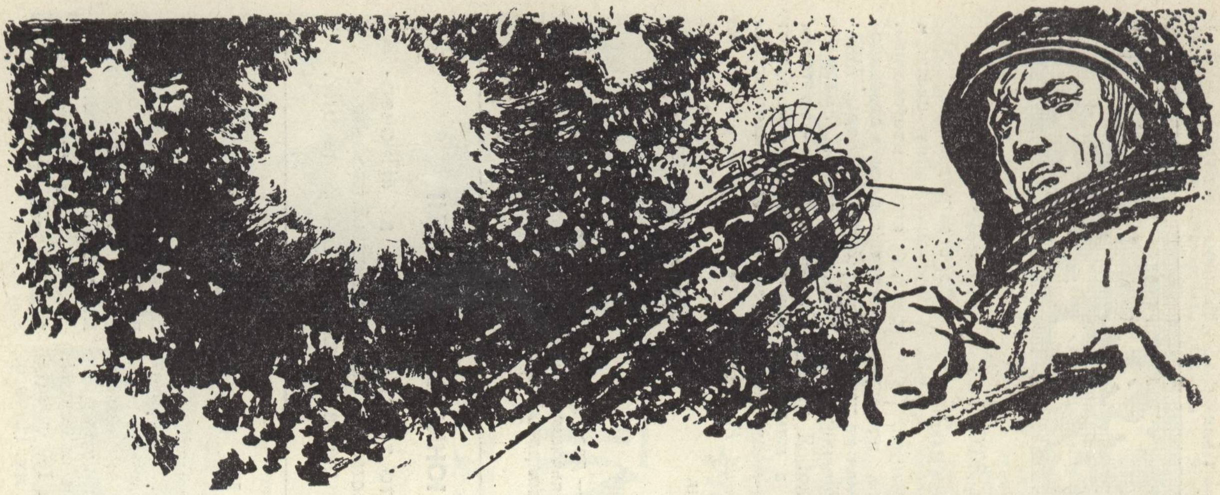
Всех, кто хочет работать в «Пионерских известиях», ждем каждый вторник с 16 до 18 часов в помещении редакции.

На вечной мерзлоте

Трудно озеленять наш город. Вечная мерзлота мешает расти деревьям, и поэтому нам пришлось ехать за 200 километров, чтобы привезти саженцы. Привезли мы 1 100 саженцев и посадили их. Ничего, что они сейчас еле-еле выглядывают из-под снега,— весной весь школьный двор и поселок зазеленеют молодыми березками.

Инга Паянская

Воркута, пос. Рудник, 3-я школа.

Пульс бесконечности

Фантастическая повесть

В. БАБУЛА **Сокращенный перевод с чешского Л. Голембы.** **Рисунки Н. Кольчицкого.**

Я не питаю ни малейшей надежды на то, что эти строки будут прочитаны, и все же я должен писать. Мои бедные спутники впали в отчаяние. А у самых мужественных — я говорю о Васе и Манго — теперь иные заботы: они прислушиваются к дыханию Вселенной, измеряют ее пульс.

Два часа назад Манго обнаружил, что наш корабль бешено мчится прямо в раскаленное сердце Галактики. Страшный, невыразимо прекрасный конец...

Итак, для чего я пишу? Полярный путешественник Андре, глядя смерти в глаза, дописал последнее слово в своем дневнике. А я его в такой момент начинаю.

Может быть, это своего рода исповедь? Нет, мне не в чем исповедоваться. Мой дневник — это не разговор с самим собой. Я не одинок. Рядом со мной напряженно трудятся мои друзья, а за работой человек не чувствует себя одиноким даже в самую последнюю минуту жизни.

Пишу я и не по привычке,—правда, я написал когда-то несколько научно-фантастических рассказов. Но здесь уже не фантастика, не мечта...

Минуту назад страницы моего дневника озарил ослепительный свет от взрыва угасающей звезды. Я хотел было отложить перо, чтобы проследить это поразительное воскрешение умирающего солнца, но Вася мне запретил.

— Пиши,— приказал он решительным тоном,— это наша последняя надежда на спасение!

Да, в этих нескольких словах заключается весь смысл моей на первый взгляд бессмысленной работы. Бухгалтер, у которого в конечном итоге обнаруживается излишняя пара геллеров, обязан все записи — даже если их бесконечно много — просмотреть снова, пока не обнаружит ошибку. Вот и я ищу ошибку.

Я кажусь самому себе человеком, который, пытаясь что-то вспомнить, вновь и вновь возвращается на то же самое место, где ему это пришло в голову, где он подумал об этом.

Я ищу ошибку, которая вторглась в сумму волнующих дней моей жизни, ошибку, которая ввергла нас в бездонные недра космоса.

Вокруг нас просторы без конца и без границ, мы мчимся сквозь них быстрее мысли, и все-таки мы в заточении.

Солнце потерялось в тумане рваного Млечного Пути. Огоньки звезд молчат. Колоссальная машина с изумлением следит за ничтожной песчинкой, проникнувшей в ее механизм. Миллионы глаз провожают взглядом ее удивительное движение по пути времени.

С какой скоростью мы несемся? Манго еще не вычислил. Наши атомные часы идут точно, но только для нас. О времени на Земле мы не имеем ни малейшего понятия, связь уже давно потеряна. Какой год идет сейчас на нашей планете? Жив ли хоть кто-нибудь из наших близких? Неужели правы те ученые, которые утверждают, что при нашей скорости время для нас остановилось? Не успело ли за это время человечество постареть на целое столетие? И если мы не погибнем в сердце Галактики, то, может быть, мы найдем на Земле только своих отдаленных потомков?..

Но нет, хватит размышлений и жалоб! Я должен вернуться домой, на Землю, в наше прошлое; мои мысли должны быть в тысячу раз быстрее, чем наш гравиплан. Они должны одним прыжком перенести меня домой, чтобы я отыскал там проклятую ошибку. Пусть на минуту — хоть в мыслях! — я вырвусь из ледяного простора и стальных стен.

1. ДОКТОР ПЕГАС

Все началось в ту роковую ночь. Спать я лег поздно: дописывал рассказ о полете на Луну. Мой фантастический полет к печальному лику нашего спутника продолжался и во сне, когда я наконец погасил свет. Во всяком случае, я уже приближался к кратерам, предчувствуя драматическую развязку моего полета. Неожиданно в двигателе ракеты что-то зазвенело. Авария? Предупреждающий сигнал о неисправности? Я осматриваю двигатель. Звон не утихает. Я просыпаюсь. Голова трещит, меня бьет озноб. Значит, это был только сон...

И снова отвратительный звон. В темноте комнаты слышится дребезжание телефона. Часы монотонно отбивают четыре часа.

Что случилось? Кому это вздумалось будить меня посреди ночи?

— В чем дело? — буркаю я со злостью.

— Это редактор Груда? — слышу в трубке.

— К сожалению, да. Вы же знаете сами, чей это номер телефона. А кто говорит?

— Доктор Пегас.

Странно. Имя мне неизвестно!

— Кто? — переспрашиваю.

— Доктор Пегас, но это несущественно. Подождите, не бросайте трубку, речь идет об очень важном деле. Вот послушайте...

В трубке раздается какой-то странный писк: «Пи-пи-пи...»

— Повесил трубку, негодяй! — вздохнул я громко и с облегчением.

— Нет, не повесил, вы только послушайте! — ворвался тот же голос сквозь непрестанный писк.— А знаете, что вы сейчас слышите? Сигналы из космоса, да-да, самые настоящие сигналы из космоса! Вы первый среди людей, который их слышит. Я только что их принял и вспомнил вас. Я люблю ваши фантастические рассказы...

Сон это или явь? Или кто-то просто подшутил надо мной? Ну, конечно, коллега Франтишек: иной раз ему такое взбредет в голову...

— Да брось, Франта, все равно я тебя узнал! Что ты мне голову морочишь? Я только два часа назад лег спать! Я тебе покажу Пегаса!..

— Вы ошибаетесь,— смеется кто-то на другом конце провода.— Я действительно доктор Пегас, и сигналы из космоса самые настоящие. Послушайте утром последние известия, вы, фантаст!

Он повесил трубку. Несмотря на страшную усталость, я так и не уснул больше этой ночью.

В шесть часов я включил радио и... обмер.

«Вчера, 4 октября 1957 года, в Советском Союзе был произведен успешный запуск первого искусственного спутника Земли...»

Я вскочил с постели.

«По предварительным данным ракета-носитель сообщила спутнику необходимую скорость — около восьми тысяч метров в секунду. Искусственный спутник движется в настоящее время вокруг Земли по эллипсу, и за его полетом можно наблюдать на восходе и закате солнца. Спутник оснащен двумя радиостанциями, которые безостановочно посылают радиосигналы; букву «Т» по азбуке Морзе...»

Именно такие сигналы подключил в телефонную трубку загадочный Пегас. Кто же это мог быть?

Я разыскивал Пегаса в течение нескольких дней, но безуспешно. Имя такого ученого никому не было известно, и в суматохе редакционной работы я стал постепенно забывать о нем.

Приближался Новый год. Очевидно, вдохновленные праздником мира и любви к ближнему, в редакцию стали все чаще и чаще наведываться непризнанные изобретатели. В тот критический день первый изобретатель пришел уже в восемь часов утра. Он принес чертеж перпетуум-мобиле и разложил его на полу.

— Я докажу вам... Собственно, я уже доказал; ваш журнал неправ, хотя я и отдаю должное его серьезности,— негодовал он.— Перпетуум-мобиле осуществимо. Вот этот перпетуум обязательно,— он нервно постучал по чертежу,— будет работать!

— Так почему же вы не построили его и не продемонстрировали? — возразил я робко, учитывая, что с подобным типом «изобретателей» надо действовать осторожно.

— У меня не хватает средств.

— Ну, хорошо,— ответил я тогда,— я готов заключить с вами договор, по которому обязуюсь, что в случае удачи вашего перпетуум-мобиле я выплачу вам пять тысяч крон. Если же через два месяца ваше изобретение не сможет работать, вы заплатите мне сто крон. Согласны?

Он кивнул головой, явно не почувствовав моего злорадства. Он, видимо, даже изумился моей отваге: пять тысяч против ста...

И именно в этот момент позвонила Эва. Я сначала долго не мог понять, кто меня спрашивает. В последний раз мы виделись при получении дипломов. Студентом я был влюблен в Эву. И один раз даже признался ей в этом, но она отделалась шуткой.

После окончания института мы работали в разных местах: она в Словакии, где строила новые

дома, я в редакции технического журнала. Сначала мы обменивались дружескими письмами. Последнее письмо я получил четыре года назад. И вдруг телефонный звонок. Она в Праге и хотела бы меня видеть. Договорились встретиться в четыре часа на Карловом мосту.

Признаюсь, я с нетерпением ожидал этого свидания. И хотя от редакции до Карлова моста рукой подать, я уже в половине четвертого надел пальто. В дверях меня остановил телефонный звонок.

Меня спрашивал... доктор Пегас.

— У вас найдется сегодня вечером свободная минутка? Вы не могли бы зайти ко мне, скажем, около пяти? Я жду вас. У меня есть потрясающий сюжет для вашего фантастического рассказа.

— Хорошо, я приду,— ответил я.

— Запишите мой адрес: Малая Страна, Ностицова улица, дом 5.

2. СЛУГА-НЕВИДИМКА

Чем больше мы удаляемся от родной планеты, тем живее мои воспоминания. Во мраке космоса, отрезанный бесконечностью, я вижу события гораздо яснее, чем раньше, на Земле. Я ощущаю дуновение ветра, доносящееся с Влтавы. И едкий туман, застилающий Град.

— Здравствуй, Гонза,— встретила меня Эва как ни в чем не бывало, словно восемь лет разлуки казались ей одним днем.

— Задержал изобретатель... Какой-то чудак назойливый,— бормочу я бессвязно.

Эва смеется:

— Ты не изменился ни капельки. Однажды я как-то уже ждала тебя на этом самом месте. Ну, ничего. Я здесь с утра. Я бы, кажется, могла бродить здесь целую вечность. По-моему, нигде на свете человек не создал более прекрасного уголка, чем этот.

«Ты тоже не изменилась»,— подумал я, но промолчал. Вспомнил, как она мне всегда очень мило, по-дружески и все же так холодно давала отставку.

Глубоко вдыхаю сырой зимний воздух и радуюсь, что между нами лежат полных восемь лет, за которые мы стали мудрее.

— Сейчас половина пятого... через полчаса у меня важное дело на Малой Стра́не.

Мы брели не спеша в туманном свете фонарей к башне Малой Стра́ны.

— А ты... ты совсем не вспоминал обо мне? — спросила она робко.

— Вспоминал.

Я мало-помалу терял почву под ногами.

— А мне за это время так никто и не понравился...

— Знаю, гордая и разборчивая принцесса!

И тут словно взрыв бомбы:

— Я думала о тебе, Гонза. Нет, пожалуйста, не остри. Раньше я и сама не понимала...

И вдруг мне показалось, что передо мной другая Эва.

На башне храма святого Микулаша часы пробили пять.

— Пегас! — опомнился я.— Он же меня ждет.

Я подхватил Эву под руку и потянул за собой через Мальтезскую площадь на Ностицову улицу. Сначала Эва принялась упрекать меня за то, что я назначаю два свидания в одно время, но потом с любопытством выслушала мой рассказ об эпизоде с ночным разговором и сигналах из космоса.

Дряхлый дом номер пять был тускло освещен фонарем, прикрепленным к фасаду на уровне первого этажа. Над аркой ворот распростер свои крылья щит в стиле барокко с двумя горлицами, протягивающими друг другу веточки лавра. Второй щит над воротами был отбит и смотрел на улицу, как слепой глаз.

Итак, в этом старом доме живет ученый, который при помощи современных приборов слушает голоса космоса?

— У меня такое чувство, что здесь что-то неладно,— поежилась Эва.— Или это шутка, или не знаю что...

— Неужели боишься? — засмеялся я.

Мы вошли в холодный коридор, выложенный песчаником. В нескольких шагах от ворот вилась вниз разбитая лестница. Вход в подвал.

Списка жильцов в скудно освещенном коридоре мы не нашли.

— Дом не такой уж большой, мы обойдем его весь,— решили мы, медленно поднимаясь по скрипящей деревянной лестнице на второй этаж.

Наконец мы очутились в узкой галерее мансарды, но таблички с надписью «Д-р Пегас» так и не обнаружили.

— Я же говорила тебе, что это чья-то шутка,— прошептала мне на ухо испуганная Эва.— Хоть мне и нравятся такие старые дома, но жить в них я бы не хотела. Здесь есть что-то зловещее.

Не успела она договорить, как распахнулась одна из дверей, и к нам вышла старая женщина в засаленном халате и со свечкой в руке. В этом мерцающем свете она походила на привидение.

— Вы кого-нибудь ищете?

— Доктора Пегаса.

— Доктора Пегаса? Я живу здесь вот уже больше полвека, но про человека с такой фамилией не слыхала. Правда, тут живет один чудак, у него даже есть слуга или кто-то там еще,

но его фамилия совсем не Пегас. А слугу его я и вовсе не видела, хотя хозяин частенько с ним разговаривает.

Мы пробормотали что-то, заикаясь, и повернули к выходу.

— И вообще тут нигде нет такого человека, я знаю всю Малую Стра́ну! — кричала женщина нам вслед.

Мы выскочили из дома, как напроказившие дети. И на улице с облегчением расхохотались.

— С этого дня я буду тебя величать доктором Пегасом. Ах ты, охотник за приключениями! Ну, пойдем выпьем кофе, придем в себя.

На улице затарахтел мотоцикл. Резкий звук натруженного мотора прорезал тишину.

Человек в кожаной куртке направился к нам.

— Добрый вечер, пан редактор. Давно ждете? Извините, я несколько задержался в институте.

— Доктор Кржижек! — в изумлении воскликнул я.— Так, значит, это вы тот самый загадочный доктор Пегас?

— Да, это я. Я вас немножко помучил? Я знаю: журналисты — народ любопытный. Но я действительно Пегас. Так называют меня коллеги из-за моих фантастических идей. Это ваша жена? — повернулся он к Эве.

— Пока нет...

— Если говорить начистоту, то я не рассчитывал на визит дамы. Сами понимаете, я человек с холостяцкими замашками и не питаю склонности к порядку.

Эва поняла, что ученый хотел бы поговорить со мной без свидетелей.

— Я тоже не готовилась к визиту. Гонза мне сказал о вас только минуту назад. Ваш разговор надолго? А то я бы забежала к «Художникам», мне очень нравится это кафе, я как раз собиралась там побывать.

— Самое большее часочек! Не сердитесь, милая девушка.

— Значит, через час я буду тебя ждать в кафе «У художников», — простилась Эва и быстро зашагала к Мальтезской площади. Очевидно, она чувствовала, что я смотрю ей вслед: она дважды обернулась и помахала мне рукой. Мог ли я думать тогда, что это прощание надолго?..

Пегас втащил мотоцикл в коридор, зажег небольшой фонарик и провел меня по скрипучей лестнице на второй этаж. У дверей в конце небольшого, пропахшего плесенью коридора, мы остановились.

— Ферда, открой, у нас гость,— сказал Пегас кому-то за дверью.

Тяжелые дубовые двери медленно распахнулись. Напрасно я ждал, что в них кто-нибудь покажется. За дверями было пусто.

— Ну-ну, не будь ротозеем, Ферда, включи свет, не бродить же нам в темноте...

На стенах тотчас вспыхнули лампочки, осветившие комнату с лепным потолком.

— С кем это вы разговаривали? — удивился я.— Ведь тут никого нет!

— Вы о Ферде? Это мой слуга-невидимка.

— Невидимка? — переспросил я недоверчиво.

— Вы можете в этом легко убедиться сами. Он слушается каждого моего слова. Ферда, почему ты не опустил шторы, соседи чуть ли не заглядывают нам в тарелки?

Шторы бесшумно упали вниз.

У меня мороз пробежал по коже.

— Мой Ферда выполняет и письменные приказы. Напишите какое-нибудь задание вот на этом листе бумаги.

«Ферда, включи отопление, здесь холодно»,— написал я.

И тотчас же вспыхнули газовые рефлекторы.

— Ну, ваши чудеса кибернетики нетрудно раскусить. Скрытые аппараты реагируют на звук. Вот только письменный приказ меня ставит в тупик. Или вы незаметно нажали на какую-нибудь кнопку, да? — допрашивал я доктора.

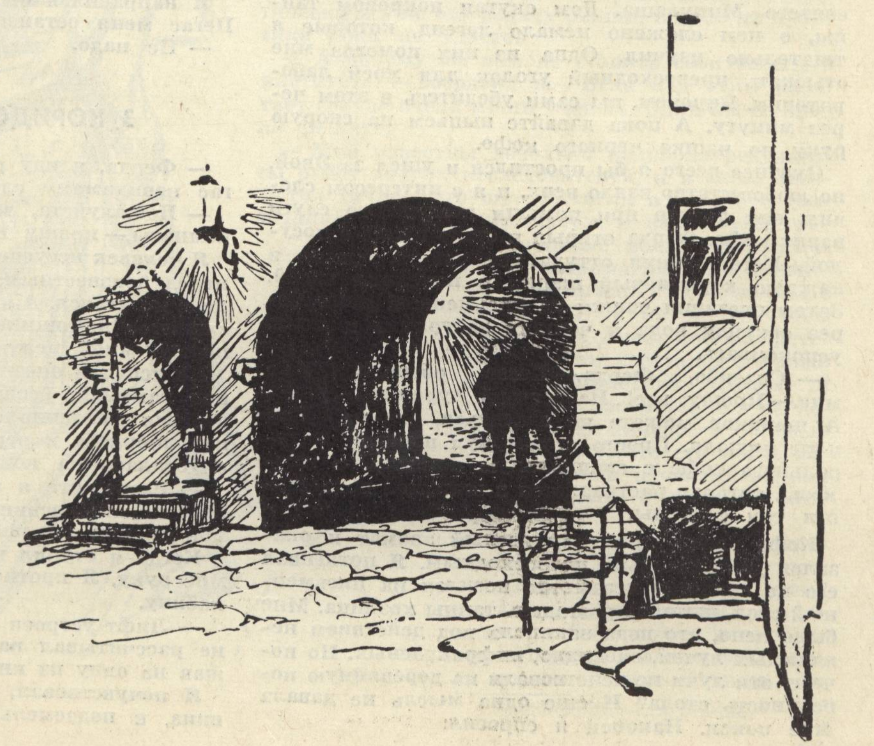
— Не люблю подвохов. Все, что вы видели,— чистая наука. Но вас ожидают вещи еще более неожиданные. Ведь я обещал вам сюжет для фантастического рассказа!

Я обвел взглядом комнату. Стена напротив двери была почти до потолка забита книгами, возле окна стоял простенький письменный стол, у стены с книгами круглый столик с двумя мягкими креслами. Направо от двери был устроен фальшивый камин в английском духе. Над ним виднелись большие жестяные дверцы, ведущие, очевидно, в широкий дымоход. Дверцы были покрашены в тот же цвет, что и стены.

— Тесновато,— сказал я после беглого осмотра комнаты.

— Не совсем. Ферда, покажи гостю дорогу в спальню.

Часть книжных полок раскрылась, точно две-

ри. Одновременно во второй комнате вспыхнул свет. Стены были сплошь уставлены книгами. Посреди комнаты стоял простой диван с ночной тумбочкой.

— Для окна не хватило места,— пояснил Пегас.— Впрочем, лампы с успехом заменяют солнце. А кроме того, я здесь долго не задерживаюсь.

— У вас превосходное собрание научных трудов! — восхитился я.

— Ошибаетесь! Научные книги по моей специальности — в первой комнате. А здесь философские книги и художественная литература. Прежде всего произведения мировых классиков. Не хочу хвастать, но, думается, здесь собрано все лучшее, что создал человеческий мозг за свое существование.

— Исключительная разносторонность,— поразился я.— Ученый и одновременно знаток искусства.

— И да и нет. Смотря как понимать. Вас, вероятно, удивят мои слова, но для меня литература... просто подсобный материал в научной работе.

— Не понимаю вас,— признался я, бросив взгляд на позолоченные корешки с именами Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, Шекспира, Шиллера...

— Поймете, когда я вам покажу тайны моей лаборатории.

— Значит, у вас здесь есть и лаборатория?

Пегас улыбнулся. Вернее, по губам его скользнула усмешка, изменившая на мгновение его непроницаемую тяжелую физиономию. Хитрый блеск в глазах, стянутые углы губ, нижняя губа чуть оттопырена вперед — в этой усмешке сквозили почти нескрываемые высокомерие и превосходство. И угроза, которую я тогда не понял.

— Дом, где я живу, купил и переделал для своего семейства Дитценхофер, строитель храма святого Микулаша. Дом окутан покровом тайны, о нем сложено немало легенд, которые я тщательно изучил. Одна из них помогла мне отыскать превосходный уголок для моей лаборатории. Впрочем, вы сами убедитесь в этом через минуту. А пока давайте выпьем на скорую руку по чашке черного кофе.

Охотнее всего я бы простился и ушел за Эвой, но любопытство взяло верх, и я с интересом следил, как доктор при помощи невидимого слуги варит кофе. Ферда открыл в стене шкаф с посудой. Пегас вынул оттуда две чашки, бросил в каждую коричневый шарик и наполнил водой. Затем поставил чашки на письменный стол. Через секунду вода в чашках забурлила и снова успокоилась.

— Спасибо, Ферда.— Пегас обернулся ко мне.— Прошу вас! Настоящий турецкий кофе. А шариков можете не опасаться, это не эрзац и не пилюля. Просто я завернул порошок натурального кофе в специальную капсулу из глюкозы, которая растворяется в кипящей воде спустя три секунды.

Кофе распространял чудесный аромат и оказался действительно превосходным. Я потягивал его не спеша и незаметно косился на письменный стол, пытаясь разгадать тайны хозяина. Мне было ясно, что вода закипела под действием невидимых лучей, очевидно, инфракрасных. Но почему эти лучи не действовали на деревянную поверхность стола? И еще одна мысль не давала мне покоя. Наконец я спросил:

— А выполнит ли Ферда мой приказ, если я приду в ваше отсутствие и прикажу ему то же самое, что и вы? У меня очень хорошая память, и я запомнил слово в слово все, что вы говорили ему сейчас у двери.

Пегас бросил на меня пристальный взгляд.

— Попытайтесь приказать Ферде сейчас.

Я вышел в коридор, но сколько я ни уговаривал Ферду, в комнату так и не смог попасть. Наконец Пегас сам открыл мне дверь.

— Естественно, что я застраховал себя от не в меру любопытных и незваных гостей,— усмехнулся Пегас.— Ферда реагирует только на мой голос и на определенный порядок слов. Впрочем, все, что вы видели,— это не больше, чем игрушки, которыми увлекается масса любителей. Я до некоторой степени нелюдим, ну, вот и выдумал себе кибернетического друга. Он куда надежнее, чем живые. Признаюсь, людям я не слишком доверяю. Вам, редактору технического журнала, вряд ли нужно долго объяснять, что мой Ферда — это не какой-то там робот из стальных пластинок и винтов, с глазами, ушами, а просто несколько десятков метров проволоки и целый ряд всевозможных реле и трансформаторов, которые я скрыл от посторонних глаз. Такого робота, каким его изображают иллюстраторы фантастических рассказов и анекдотов, построил бы разве только сумасшедший или дурак.

Пегас на минуту умолк, потом продолжал:

— Разумеется, Ферда умеет гораздо больше, чем я вам пока продемонстрировал. Он регулирует температуру в помещении, вентиляцию, отвечает на телефонные звонки и записывает разговор. А самое главное — у него исключительная память, как и у вас, или даже получше. Он может повторять сложнейшие задачи и практически устроен так, что при повторении задач он их значительно упрощает. Ну, я вижу, с кофе мы покончили, теперь идемте.

Я направился было к вешалке за пальто, но Пегас меня остановил.

— Не надо.

3. КОРИДОР ДИТЦЕНХОФЕРА

— Ферда, я иду работать,— сказал доктор Пегас невидимому слуге.

— Пожалуйста, мэтр,— раздалось из глубины комнаты,— прошу вас, входите.

Я человек несуеверный и не испытываю страха перед неизвестным, но на сей раз я и в самом деле испугался. А не спрятал ли доктор обычного «живого» помощника, который разыгрывает тут передо мной целую сцену?

Не успел я опомниться, как жестяные дверцы над камином бесшумно распахнулись. Из отверстия медленно соскользнула вниз лестница, прислонилась к верхней плите камина и тихо опустилась на ковер.

— Разрешите я пойду вперед. Вход довольно необычный,— извинился Пегас,— но дальше все пойдет как по маслу.

Когда я ступил на лестницу, доктор протянул мне руку. Я протиснулся вслед за ним в узкую кабину.

— Лифт устроен только для одного человека; я не рассчитывал на гостей,— пояснил Пегас, нажав на одну из кнопок на панели.

Я почувствовал, что мы опускаемся куда-то вниз, в подземелье.

— Вы первый человек, которому я показываю свою подземную лабораторию. И вообще никто не подозревает, что нечто подобное может существовать в этом дряхлом доме.

— А вы не боитесь, что я, как журналист, разглашу вашу тайну?

— Нет, вот этого я действительно не боюсь,— проговорил доктор как-то многозначительно.— Уверен, что вы не опубликуете ничего, если я не пожелаю...

У меня было такое чувство, что мы устремляемся куда-то в самые недра земли.

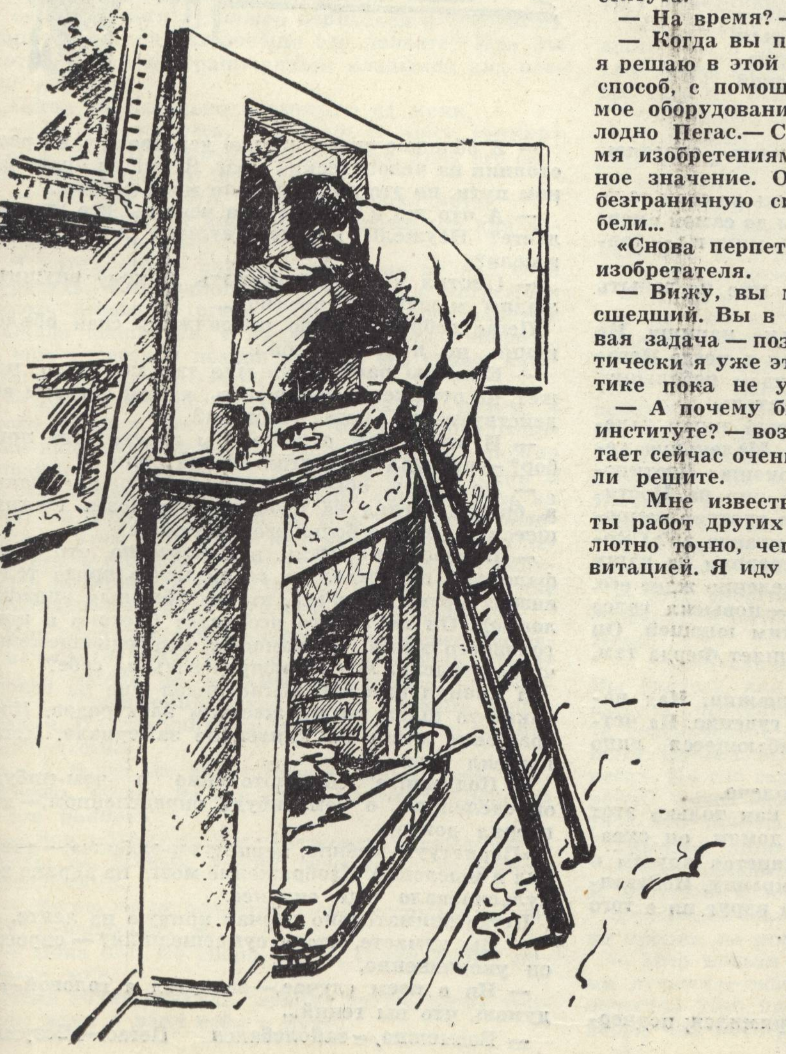
— Старый Дитценхофер, как я вам уже сказал, построил этот дом во второй половине семнадцатого века. По преданиям, дом на случай войны и тревог некогда был соединен с Градом и Новым Местом двумя подземными ходами.

Лифт наконец остановился.

— Пожалуйста, вот один из этих ходов. Прошу вас.

Я робко вошел в затхлую, тускло освещенную штольню. Падающие с потолка капли глухо выстукивали монотонную мелодию.

— Как видите, Дитценхофер строил основательно: коридор для своего возраста сохранился неплохо. Он кончается где-то под руслом Влтавы; там он порядком разрушен. Видимо, позже кто-то заложил вход, чтобы вода из реки не затопила.

Шагов через тридцать мы свернули в боковой коридор, заканчивающийся гладкими, в современном стиле дверями.

— Ферду я оставил наверху, так что здесь уж мне придется открыть самому. Еще один предохранитель, и мы можем вступить в мое королевство...

Пегас провел пальцем по серой шершавой стене, очевидно, нажал на незаметный запор, и дверь открылась. Тотчас же внутри вспыхнул свет.

Я с изумлением оглядывал просторное помещение с неоштукатуренными бетонными стенами, набитое до отказа различными приборами и сложнейшими аппаратами.

— Это... ваша лаборатория? — удивился я совершенно искренне.

В глазах Пегаса вспыхнул тщеславный огонек.

— Подземные помещения принадлежат мне по праву первооткрывателя. Аппараты я взял на время в складе научно-исследовательского института.

— На время? — переспросил я иронически.

— Когда вы поймете, какие важные проблемы я решаю в этой лаборатории, вы согласитесь, что способ, с помощью которого я достал необходимое оборудование, не играет роли,— ответил холодно Пегас.— Сейчас я работаю здесь над двумя изобретениями, и оба они имеют колоссальное значение. Одно из них даст человечеству безграничную силу, а второе спасет его от гибели...

«Снова перпетуум-мобиле»,— вспомнил я горе-изобретателя.

— Вижу, вы мне не верите. Нет, я не сумасшедший. Вы в этом сейчас убедитесь. Моя первая задача — познать тайны гравитации [1]. Теоретически я уже эту задачу решил, но вот на практике пока не удается.

— А почему бы вам не ставить свои опыты в институте? — возразил я.— Ведь над этим работает сейчас очень много ученых. Один вы ее вряд ли решите.

— Мне известны довольно подробно результаты работ других исследователей, и я знаю абсолютно точно, чего они достигли в борьбе с гравитацией. Я иду иным путем. Я нашел уже гравитационные волны, аналогичные электромагнитным. А почему я не провожу свои опыты в институте? Я не хочу, чтобы кто-нибудь украл мое изобретение, а потом хвастался плодами моих многолетних трудов. А второе мое изобретение я не могу предать гласности прежде всего потому, что его могут обратить против человечества, как это случилось с атомной бомбой.

Я молчал, понимая, что возражения тут бесполезны. Я внимательно изучал Пегаса, пока он восторженно говорил о гравитации. Он говорил о проблеме, которую я уяснил себе много позже. (Теперь я знаю, что

[1] Гравитация — тяготение.

уяснил только благодаря Пегасу.) Хотя эту часть нашей беседы я помню меньше всего, однако это был самый светлый момент нащей встречи.

— Значит, вы работаете над проблемами гравитации!.. Каким же образом тогда вам удалось так быстро поймать сигналы советского спутника? — спросил я наконец.

— Именно поэтому. У меня сильный приемник, на котором я исследую средство электромагнитных и гравитационных волн. Изучаю различнейшие частоты колебаний. И однажды во время одного из таких опытов я случайно поймал сообщение о запуске спутника с указанием частоты сигналов. Обнаружить их после этого было не так уж трудно. О вас я вспомнил совершенно закономерно. Накануне вечером я как раз дочитал ваш фантастический рассказ об искусственных спутниках.

Я посмотрел на часы.

— Нет, я еще не могу вас отпустить,— угадал мои мысли Пегас.— Вы еще не познакомились со вторым открытием, которое я вам и предлагаю для вашей новой фантастической повести.

Он взял меня за руку.

— Идемте,— прошептал он, словно опасаясь, что нас кто-нибудь услышит.

Я почувствовал неприятную дрожь во всем теле.

— Позволю себе сказать, что вы до самой смерти не забудете этой исторической минуты,— торжественно проговорил Пегас.

Он был прав: его лабораторию мне не забыть никогда.

«Я напишу об этом, обязательно напишу. Не рассказ, а чистую правду»,— думал я, когда Пегас подвел меня к столу с целым рядом небольших кинескопов и повернул выключатель.

— Смотрите внимательно! Первый экран налево: вид на Мальтезскую площадь. Маленькую телекамеру я спрятал в слуховом окошке Ностицова дворца. Второй экран: общий вид на Ностицову улицу. Третий экран: вид на тротуар напротив нашего дома. Любопытно, не правда ли? Смотрите: с Мальтезской площади свернул на нашу улицу юноша, эта девушка определенно ждет его. Теперь приготовьтесь, редактор,— повысил голос Пегас,— я немножко займусь этим юношей. Он выполнит мой приказ, как выполняет Ферда там, наверху.

Доктор повернул какие-то рычажки. Над нашей головой послышалось тихое гудение. На четвертом экране появилось улыбающееся лицо юноши.

Пегас опустил мне руку на плечо.

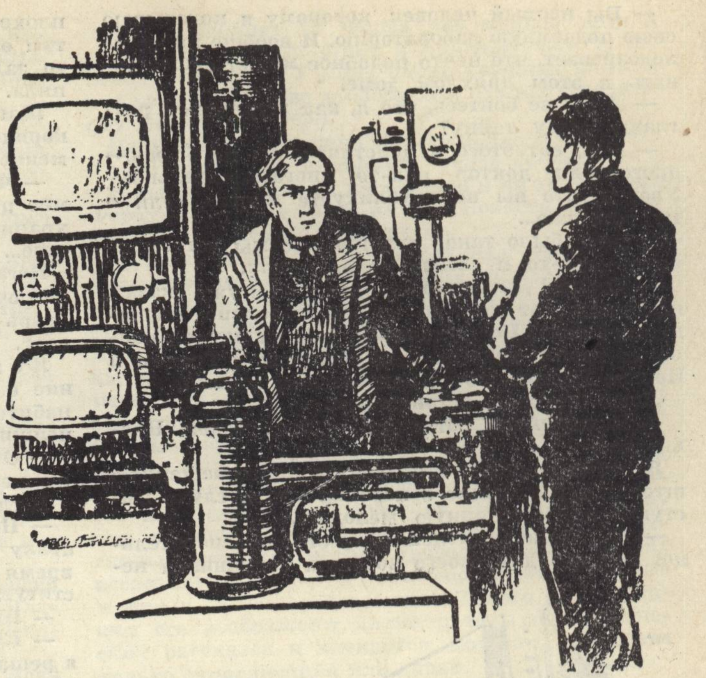
— Готов спорить с вами, что как только этот парень очутится перед нашим домом, он схватится за голову, растерянно оглянется кругом и пристально посмотрит на нашу крышу. Испуганная девушка подбежит к нему и вдруг ни с того ни с сего сделает ему поклон...

Все произошло именно так.

Я рассмеялся.

— Как вам это удалось?

Пегас глубоко вздохнул и выпрямился, подчеркивая важность момента.

— Я обладаю способностью действовать на расстоянии на человеческий мозг. Я уже на правильном пути, но это лишь начало моей работы.

— А что же в конце? Для чего вы все это делаете? Неужели хотите внушать людям свои мысли?

— Смотря как это понимать. Я хочу внушить людям мысли, но не свои...

Пегас собрался было продолжить свои объяснения, но я его перебил:

— Если вы рассказали мне так много, то, может, не откажетесь объяснить, каким образом вы действуете на мозг человека?

— И это я вам открою. Вы знаете этот прибор? — показал он в угол лаборатории.

— По-моему, обычный энцефалограф,— сказал я, бросив взгляд на изображение мозга, светившееся на экране большого кинескопа.

— Превосходно. Итак, вам известно, что энцефалограф представляет собой нечто вроде телевизора мозга. Впрочем, это не обычный энцефалограф. Он не только исследует биотоки в коре головного мозга, он помогает мне одновременно читать мысли. Хотите испробовать на себе?

Я кивнул головой. Пегас надел мне на голову какой-то шлем со множеством электродов. Изображение мозга на кинескопе замерцало. Пегас погасил свет.

— Подумайте сосредоточенно о чем-нибудь определенном, о чем-нибудь определенном,— повторял доктор.

«Перпетуум-мобиле, перпетуум-мобиле»,— твердил я мысленно. Изображение мозга на экране запульсировало еще сильнее.

Пегас внимательно изучал кривую на ленте.

— Вы думаете, что я сумасшедший? — спросил он укоризненно.

— Ни в коем случае,— завертел я головой,— я думаю, что вы гений...

— Возможно,— заколебался Пегас.— Безумцу

недалеко до гения, редактор. Или наоборот. Но свет на экране выдает вашу ложь.

Разноцветные светящиеся точки на изображении мозга действительно в одном месте засверкали, точно реклама, состоящая из постепенно зажигающихся лампочек.

— Прощаю вам,— проговорил снисходительно Пегас.— Главное, я рад, что сумел вас убедить. Мой энцефалограф с легкостью фиксирует не только ту область мозга, которая в данный момент находится в возбуждении, но и раскрывает приблизительно содержание мыслей. Надеюсь, вы уже этому верите. Опыт закончен,— добавил он сухо, снял с меня шлем и включил свет.

Я был искренне рад, что все уже позади.

— Мне все еще неясна связь вашего энцефалографа с вашими опытами на живых людях. Кстати, отдаете ли вы себе отчет, что подобные опыты просто незаконны?

— Ах, редактор, редактор, я считал вас умнее! Не напрасно же я все храню в строгой тайне! А что касается моего энцефалографа, то я действую совсем иначе, чем он. Я иду обратным путем. Я ищу закономерности возникновения биотоков в коре головного мозга и способ действовать на них извне. Как видите, мне это удается...

Слова Пегаса меня разозлили.

— И все-таки я должен вернуться к основному вопросу: зачем вы вообще это делаете? Или вы хотите стать неограниченным владыкой над всеми людьми?

Пегас внимательно посмотрел на меня.

— Не увлекайтесь, редактор. К чему громкие слова? Я хочу помочь человечеству, хочу его спасти. Не больше и не меньше.

— От чего спасти, скажите, пожалуйста?

— От войны, от кошмарной, гибельной для человечества войны.

Я хотел что-то сказать, но Пегас не дал себя перебить. Его горящий взгляд был устремлен сквозь бетонную стену куда-то в пространство. Тяжело дыша, он с жаром говорил, говорил... Я еще и сегодня помню каждое его слово, каждую интонацию его голоса.

— Вас, конечно, интересует, каким путем я этого намерен достигнуть. Я открыл определенный вид гравитационных волн, которыми можно управлять, посылая их в любом направлении и на любое расстояние. Эти волны могут влиять на биотоки головного мозга, то есть на мысли человека. В этом суть моего великого открытия. Сделав его, я вначале растерялся. Я даже сам испугался возможных последствий. И вот тут-то мне неожиданно пришла в голову блестящая идея.

Моя первая задача — навсегда изгладить из человеческого мозга всякие мысли о войне. И не только мысли, но и самые затаенные воспоминания, скрывающиеся где-либо в глубине подсознания. Просто-напросто изгладить их из памяти человечества.

— А будут ли ваши таинственные лучи действовать только на эту часть памяти? — перебил я его наконец.

— Вот к этому-то я и стремлюсь. К сожалению, опыты на живых людях связаны с большими трудностями.

— Но вы же не делаете подобные опыты на людях? — испугался я.

— Пока нет. Но скоро начну. Очень скоро, поверьте мне.

Меня точно окатила горячая волна. Лишь усилием воли я взял себя в руки.

— А чем вы, собственно, собираетесь заполнить образовавшиеся пробелы в памяти?

Я не узнавал собственного голоса.

Пегас улыбнулся снисходительно.

— Волнуетесь? Мне понятно ваше волнение. Я сам вначале переживал подобный кризис. Видно, вы начинаете меня понимать. О пробелах в памяти я тоже подумал. Я заполню их тем лучшим, что было создано человечеством. Просто я запишу в очищенный человеческий мозг содержание библиотеки, которой вы только что восхищались наверху. И когда по всему свету разнесутся мои благотворные волны, каждый станет немножко Аристотелем, Платоном, Декартом или Гете и Достоевским. От каждого философа и классика литературы я возьму лучшее, самое благородное.

— А вы представляете, какая каша образуется по вашей милости в голове человека? И где ручательство, что вы, личность с ярко выраженными индивидуальными склонностями, выберете из культурного наследия человечества самое лучшее?

— У меня для этого достаточно широкое образование, можете не беспокоиться,— надменно сказал Пегас.— Это мне по силам без помощи мудрых советчиков.

Чем дальше, тем сильнее росла во мне уверенность, что я разговариваю с человеком, который уже давно перестал разумно мыслить. Однако я все еще не отказался от надежды убедить его.

— Согласен, ваше открытие и в самом деле имеет громадное значение. Так почему бы вам не отдать его в руки общества? Почему вы беретесь за такое сложное дело в одиночку, в глухой норе? Сомневаюсь, чтобы вам, одиночке, удалось построить настолько сильный передатчик, чтобы охватить весь земной шар.

Пегас судорожно вцепился в крышку стола.

— Пока я не доведу свой план до конца, до тех пор не выпущу из рук своего изобретения. Вы способны вообще представить себе, как могут люди воспользоваться моим передатчиком? Похитить его у меня, украсть, и тогда обо мне и не вспомнят. Разве мало гениальных открытий было подобным образом похищено? Да, мой гравитационный передатчик меня действительно сильно беспокоит. Но я не унываю. Судя по предварительным расчетам, его мощность может быть невелика: меньше, чем у обычной радиостанции.

— А вас не выдаст увеличенный расход электроэнергии? — возразил я.

— Нет, энергию я беру прямо из сети, минуя счетчик... в интересах человечества,— усмехнулся Пегас.

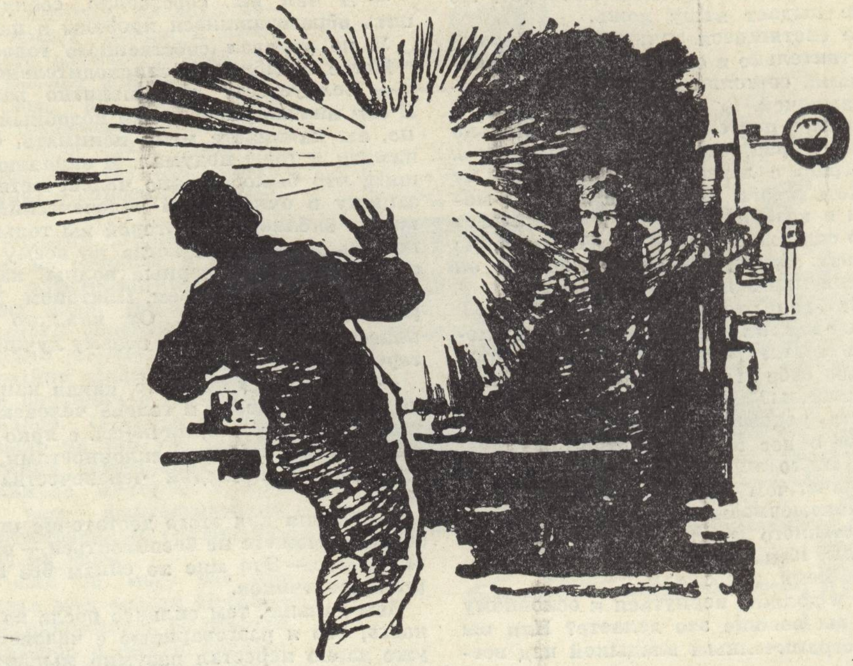
— Удивительно,— сказал я не без злорадства.— Вы боитесь, как бы у вас кто-нибудь не украл ваше изобретение, а сами, мягко говоря, обираете человеческое общество чуть ли не на каждом шагу. Правда, вы говорите, что это в его же интересах. Но где гарантия, что вы сами не злоупотребите своим изобретением, что вы сами не обратите его против человечества?

Тяжелое лицо Пегаса побагровело.

— Не заходите слишком далеко, редактор. Я честный человек.

Я собрался было возразить, что честный человек не крадет, но побоялся обострять положение.

— Мир нельзя спасти никакими таинственными лучами,— сказал я внешне спокойно.— Человечество уже пробудилось ото сна. Я искренне верю, что последняя мировая война была дей-

ствительно последней. Для войны сейчас нет времени. Первый советский спутник Земли, чьи сигналы вы поймали и передали мне по телефону, устремил взоры человечества вверх, в космос. Оставьте в покое мозг человека, это опасно и не нужно. Мозг — чувствительный орган. Это вам не ваш электронный Ферда, с которым, переключая контакты, вы можете делать что вам вздумается.

Пегас некоторое время молчал. Я уже по наивности начал надеяться, что мои горячие слова на него подействовали. Но он разрушил эти надежды, как карточный домик.

— Все красивые слова, редактор! Вы недооцениваете опасности войны. Нам не понять друг друга. Вы литератор, а я хладнокровный ученый. Я знаю, что делаю. Не могу же я допустить, чтобы го́лем, которого вызвала к жизни наука и техника, раздавил население этой планеты. А го́лем уже шагает, сокрушая все на своем пути. Я иду рядом с ним и только ожидаю удобного момента, чтобы превратить его снова в мертвую глину.

— Я не совсем понимаю вас. При чем тут го́лем?

Пегас сощурился, точно ему в глаза попал дым от сигареты.

— И вы еще называете себя автором фантастических рассказов? Это же яснее ясного. Я не имею в виду го́лема из средневековых поверий: глиняного великана, сотворенного силой колдовства и вышедшего из повиновения человеку. Го́лем наших дней — это современная техника, или, точнее, атомная техника. Она ускользнула из рук человека и сокрушает теперь своего изобретателя.

— Этот го́лем с таким же успехом может служить мирным целям, его не надо уничтожать! — отпарировал я.

Пегас вместо ответа вынул из жилетного кармана старомодные часы-луковицу.

— Вижу, нам не договориться. Ваше время истекло, час уже прошел.

— А вы не боитесь меня отпускать? Во всяком случае, я не чувствую никаких обязательств в смысле сохранения вашей тайны.

— Я не знаю, что такое страх; при выполнении столь великой задачи он мне только мешал бы, — холодно ответил Пегас. Он резко обернулся и протянул руку к рычагу на одном из пультов.

В глаза ударил ослепительный свет.

Я потерял сознание.

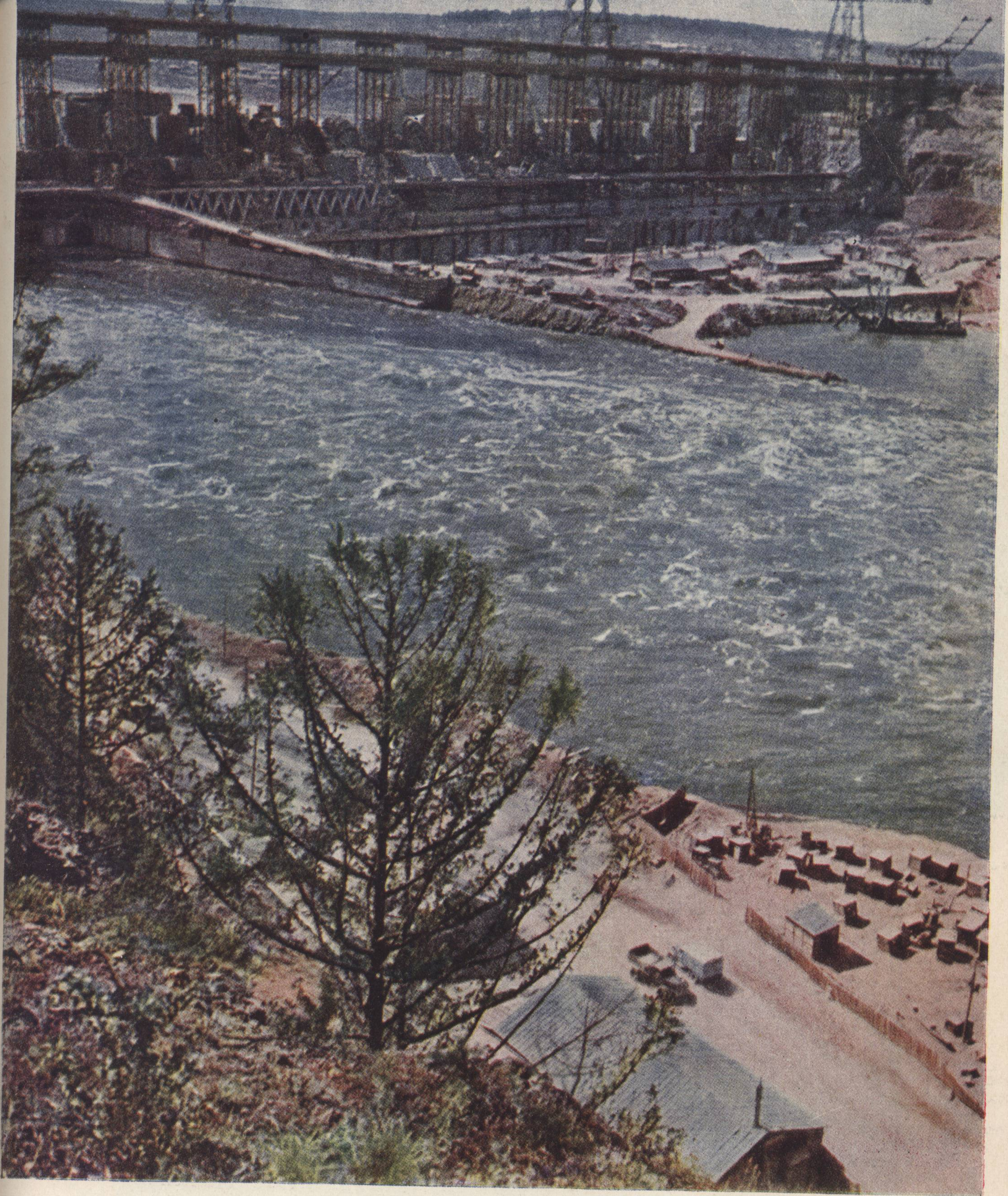
(Окончание в следующем номере.)

Римма ГАЛИНСКАЯ

СНЕЖНОЕ УТРО

Я сегодня встала рано,
Чуть снежок запорошил
Космы жесткие бурьяна,
Крыш заржавленный настил.
В белоснежной шубке вишня,
На березе все бело;

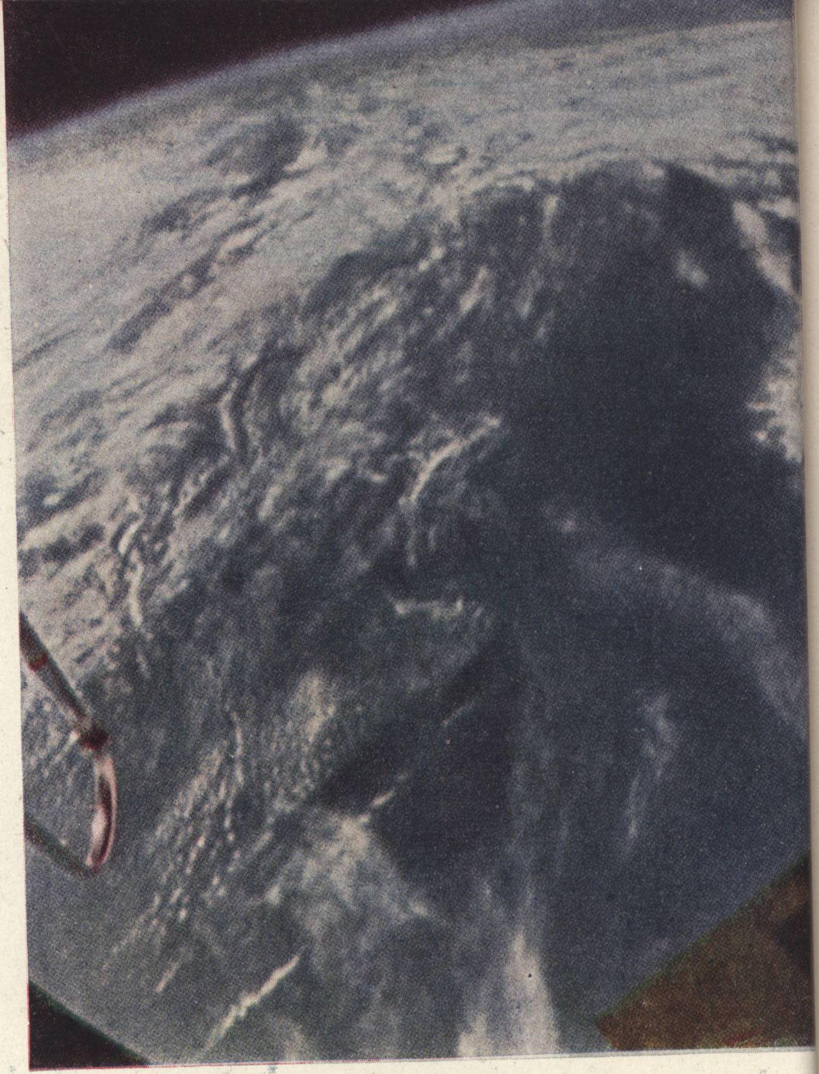
Как лебяжьим пухом пышным
Тропку к дому замело.
Лишь кустарник черной сеткой
Снеговую чертит ширь,
Да сидит на голой ветке
Красным яблочком снегирь!

Крупнейшая в мире Братская ГЭС вступает в строй. На снимке вы видите плотину и вдали, за ней, Братское море.

Фото Д. Ухтомского.

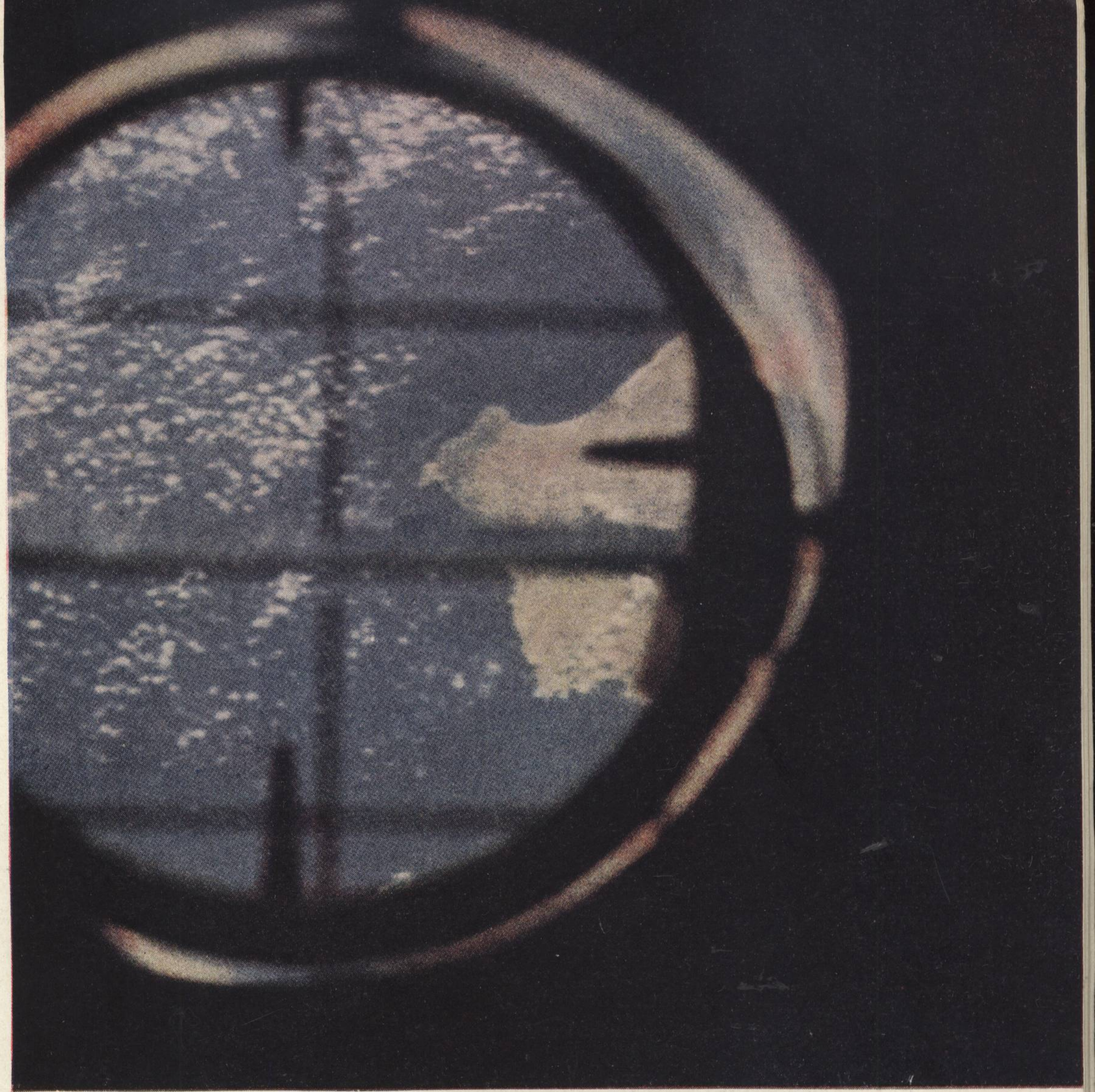
С ВЫСОТЫ 250 КИЛОМЕТРОВ

Так выглядит наша Земля с высоты 250 километров. Вы видите, как изгибается по кругу линия горизонта, окутанная красивым голубым ореолом. Внизу слева — антенна корабля-спутника.

Кучевые облака над Землей. Они отбрасывают на ее поверхность отчетливые тени.

Сквозь легкое кружево облаков синеет море. Справа виден кусочек суши. На первом плане — контуры иллюминатора оптического устройства «Взор».

Нет на свете человека, которому не хотелось бы посмотреть на Землю из космоса. Поэтому Герман Степанович Титов захватил с собой в полет репортерский киноаппарат «Конвас».

Когда «Восток-2» вышел на орбиту, «Конвас» повис в воздухе. Этому позавидовал бы любой кинооператор. Ведь «Конвас» довольно тяжелая вещь, а Герман Степанович обращался с ним без малейших усилий!

Рядом с космонавтом «плавал» и привязанный на шнурке экспонометр. Он, между прочим, не только помогал вести съемку. Когда корабль стал приземляться, экспонометр своим поведением в воздухе первым сообщил космонавту о том, что невесомость кончилась.

Перед вами очень интересные снимки. Все они отпечатаны с цветной кинопленки, заснятой Г. С. Титовым в космосе.

ЗАВТРА ПРАЗДНИК

Э. Хороший.

Смело и бодро вперед!

Кто читает «Пионер» постоянно, тот, наверно, помнит странную телеграмму, помещенную в седьмом номере:

Ночь на десятое июня пионерская коммуна юных фрунзенцев поездом Ленинград — Архангельск выехала Ефимовский район Ленинградской области тчк Начинаем операцию РС тчк Флаг пионерской коммуны поднят деревне Спирово тчк Отряды коммуны действуют территории колхозов «Вперед» зпт «Журавлево» зпт «Ленинский путь» тчк Горячий коммунарский привет всем читателям журнала тчк Смело и бодро вперед тчк

Совет пионерской коммуны юных фрунзенцев

И вот операция «РС» закончена. Коммунары побывали у нас в редакции и рассказывали о своих делах. А уходя, оставили свой знак — треугольный лоскут с буквами КЮФ — «Коммуна юных фрунзенцев». Такое у них правило: всюду, где коммунары бывают, где работают, они оставляют свой знак «КЮФ».

ДОБРОВОЛЬЦЫ, ВПЕРЕД!

Время шло к полночи. В деревенской школе, где в дни летнего лагерного сбора расположился КЮФ, происходил суд над песнями. Пели все песни подряд, какие знали, а потом судили, хорошая песня или плохая. «Албанское танго» и «Мой Вася» были осуждены единодушно.

— Эти песни — порождение ленивого ума и дешевого вкуса, — выносили приговор судьи.

Но вот в одежде молодого рабочего появляется перед ребятами новый «подсудимый». Звучит песня «Я люблю тебя, жизнь».

Слово за «прокурором». Вожатый отряда «Алтай» Саша Прутт разбирает слова песни, говорит о погрешностях стиля.

Публика волнуется. Что скажет «адвокат»? Речь его продумана и обоснована. Он говорит, что нельзя в песне отделять слова от музыки. Песня — это одно целое. А главное, слова тут, по его мнению, замечательные!

В знак одобрения этой речи зал «судебного заседания» дружно поет: «Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...»

Хорошая песня всегда зовет к хорошему делу. И не потому ли так неожиданно кончается этот необыкновенный суд?

— Ребята, смотрите, дождь перестал! Кто пойдет на прополку картошки, поднимите руки!

— Сейчас, ночью?

— Сейчас, ночью!

В комнате, освещенной керосиновой лампой, вырастает лес рук. Да, есть в коммуне такой закон:

Без принужденья коммуна живет,
Дело зовет, — добровольцы, вперед!

Ну и что ж, что ночью? Уже который день льет дождь, а колхозная картошка не прополота.

Хорошая погода пришлась на ночь? Значит, будем работать ночью...

Добровольцы выходят на дорогу с песней. Так заведено: «В коммуне жить — с песней дружить». Над деревней светлое небо. Стоят белые ночи. Вся коммуна идет работать.

Постойте, вся ли? Почему не вышел Миша Кривицкий?

Все, что угодно, отдал бы Миша за то, чтобы шагать сейчас со своим отрядом «Волга». Но на днях Миша был костровым. Все ушли работать, а Миша лег спать. И отряд остался без обеда...

Труд — дело чести. Миша не достоин этой высокой награды. В походе добровольцев ему не место, решил отряд. И это по-пионерски!

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ФРУНЗЕНСКАЯ КОММУНА?

Коммуне юных фрунзенцев скоро три года. Она состоит из пионерских активистов Фрунзенского района Ленинграда.

Три раза в году собирается коммуна: в зимние, весенние и летние каникулы. Главный сбор — на целый месяц! — летом. Из разных дружин собираются вместе пионерские звеньевые, председатели советов отрядов, члены советов дружин и просто пионеры — все, кто хочет. Они учатся вести интересную пионерскую работу. Так что коммуна — это вроде школы, вроде семинара для активистов. Только это необычная школа. Здесь не читают лекций и даже как будто ничему не учат. Ребята живут и работают так, как должна жить и работать каждая пионерская дружина. Коммуна — это, по существу, и есть дружина, только особая, потому что у

нее очень интересные дела, и все, чему коммунары учатся в КЮФе, они стараются перенести в свои отряды и дружины.

В коммуне ребята часто устраивали такие диспуты, что начнешь спорить и до ночи не кончишь, военные игры, интересные походы. Они работали в отрядах РС — разведчиков семилетки, ПЛК — пионерской легкой кавалерии, ДК — друзей книги, КС — красных следопытов и теперь создают такие отряды в районе.

Но самое главное в коммуне — это боевой ритм пионерской жизни, пионерское товарищество, пионерская принципиальность. В коммуне учатся не только работать — учатся дружить и ссориться (уметь поссориться, когда нужно, — тоже очень важно!), мечтать и обсуждать свои дела, подчиняться и командовать.

Каждый вечер после ужина коммуна собирается на «огонек». Усаживаются вокруг костра и начинают всякие интересные разговоры. По традиции разговор на «огоньке» начинается с трех вопросов:

1. Что сегодня было хорошо?
2. Что плохо?
3. Что нам надо сделать?

Хозяева в коммуне сами ребята. Если, например, военная игра не вышла, они не станут ругать вожатых за то, что те установили неточные правила.

Правила устанавливали сами — сами разберут, что было хорошо и что плохо, и, если надо, решат: провести игру заново, учесть ошибки сегодняшней игры.

Одно время были в коммуне переходящие вымпелы: «За заботу о коммуне», «За смекалку», «За бодрое настроение».

Когда несколько дней подряд лил дождь, так что носа нельзя было высунуть из палаток, самым почетным считался вымпел «За бодрое настроение». Но совет коммуны был в затруднении: кому же присуждать вымпел? Настроение было бодрое у всех отрядов!

Когда разговариваешь с коммунарами, очень скоро замечаешь, что они то и дело говорят в рифму. Потом узнаешь: это не простые стихи, это законы коммуны.

С одним законом мы уже познакомились:

Без принужденья
коммуна живет,
Дело зовет,—
добровольцы вперед!

А есть еще и такие, например, законы:

Лишь тот зовется
коммунаром,
Кто не теряет время
даром
И за собой ведет ребят.

* * *

Стал коммунаром —
не пищи,
Легкой работы себе
не ищи.

* * *

В коммуне друзья
Живут без «я».
Всем на удивленье
Одно местоименье:
«Мы».

* * *

Правда, но без громких фраз,
Красота, но без прикрас
И добро не напоказ —
Вот что дорого для нас.

Законы эти не были выдуманы все сразу. Они появлялись постепенно, и каждый связан с каким-то важным событием в жизни коммуны. Когда получилось так, что все отряды стали дружно работать и неизвестно было, кому же присуждать вымпелы, вымпелы решили отменить вовсе. Ребята очень гордились этим своим решением, и кто-то сочинил такие слова:

Только слабый ищет славы,
Только слабый ждет награды.
Обойдутся коммунары
Без почета, без награды.

Стишки эти признали не совсем складными и немножко хвастливыми, но в общем-то они понравились всем. Так появился новый закон коммуны. А вот этой весной совет коммуны (в нарушение закона) установил вымпел «За чистоту» (потому что в спальнях отрядов стало грязновато).

Присудили вымпел одному отряду, стали

вручать, а вожатый отряда (в коммуне все вожатые отрядов из пионеров) вышел вперед и заявил:

— Отряд от вымпела отказывается. Только слабый ждет награды...

И пришлось совету коммуны признать, что он был не прав. И верно, разве это геройство — вовремя убирать постели? Зачем специальный вымпел придумывать?

В коммуне очень строгая дисциплина. Если дежурный по коммуне отдал приказ кому-нибудь из коммунаров, тот отвечает «Есть!», отдает салют и бежит выполнять задание. Не подчиниться дежурному никто не имеет права. Вечером на «огоньке» можешь выступить и сказать, что дежурный поступил несправедливо, а пока что выполняй задание. Раньше бывало, что из коммуны исключали. Одну девочку исключили за то, что она отказалась разбрасывать на колхозном поле навоз, боясь испачкать руки. А этим летом было принято решение больше из коммуны никого не исключать. Потому что теперь в коммуне такой сильный коллектив, что он с любым справится, любого перевоспитает.

ОПЕРАЦИЯ «РС»

Игры, диспуты, походы — все это, конечно, интересно. Но главное дело коммуны, как и у всех пионеров, — работа на пользу людей. Пионеры всегда ищут, чем они могут помочь семилетке, и всегда стараются оказать помощь старшим.

Этим летом вся коммуна выехала в далекий Ефимовский район, Ленинградской области. Весь Фрунзенский район Ленинграда шефствует над ефимовцами. Коммунисты и комсомольцы посылают туда работников, туда направляют оборудование для ферм и колхозных электростанций; ленинградцы-фрунзенцы помогают колхозникам выращивать урожай, убирать его. А пионеры? Разве им не найдется дела в подшефном районе?

Штаб обосновался в деревне Спирово. Оттуда отряды вышли в окрестные колхозы. Заданий не было. Надо было на месте определить, чем могут помочь пионеры, и приниматься за дело. Отряды в коммуне небольшие, по пятнадцать человек, а дел очень много. Во-первых, надо было поработать вместе с колхозными ребятами для колхоза. Каждый отряд по нескольку дней провел в поле: пололи кукурузу, помогали на фермах, возили торф для удобрения и гравий для ремонта дорог.

Во-вторых, надо позаботиться о школе. Ленинградские пионеры взяли обязательство открыть в каждой школе города и области ленинский зал или ленинский уголок. Надо было помочь ефимовским ребятам в этой работе. Оформляли ленинские залы, пионерские комнаты, строили спортивные площадки. И все это вместе с сельскими ребятами.

Коммунары решили: после их отъезда в каждой деревне должен остаться сводный пионерский отряд, который продолжит начатую ими работу. Например, помогли «днепряне» (по традиции отряды называются так: «Кавказ», «Алтай», «Волга», «Днепр») одной очень старой старушке — ей 102 года. Раскололи и распилили пять кубометров дров. На всю зиму хватит. Ну, а кто будет дальше помогать ей? Не ездить же из Ле-

нинграда мыть полы в избе! Но тимуровское шефство передано в надежные руки. Ребята создали в колхозе сводный отряд «Днепр» — спутник коммунарского «Днепра». Он и будет продолжать в деревне работу коммунаров.

Правда, создавать сводные отряды было нелегко. Ира Меркушева из отряда «Урал», чтобы «наладить отношения», вздумала угощать сельских ребят киселем. Те подняли Иру на смех и даже частушку сочинили про городских:

Девчата ходят пузырем,
Угощают киселем.

«Пузырем» — это для рифмы. И для издевки.

Но это было в первый день. А потом подружились и вместе пели, вместе работали, вместе украшали школу. Операция «РС» — «Ребятам села» — удалась на славу.

Сейчас у коммунаров очень много друзей среди пионеров Ефимовского района. А на будущий год их будет еще больше. На будущий год не сто, а пятьсот пионеров поедут в гости к ефимовцам: семь дружин Фрунзенского района по примеру коммуны открывают свои дружинные лагеря в подшефном районе. Операция «РС» разрастается: дело, начатое коммуной, подхватывают пионеры всего района. А как же иначе? Ведь для того и устроена коммуна, чтоб вести за собой все дружины района.

Л. РЕГИНЯ, С. СОЛОВЕЙЧИК

РАПОРТУЮТ КОММУНАРЫ

РАПОРТ ОТРЯДА «ДНЕПР»

Оформили в школе ленинский зал, пионерскую комнату. Сделали спортплощадку с аттракционами. Показывали малышам диафильмы. В поселке «Фанерный завод» организовали сводный отряд «Днепр-2» и вручили ему подарки.

Распилили и раскололи пять кубометров дров для старушки, которой сто два года.

РАПОРТ ОТРЯДОВ «АЛТАЙ» И «СИБИРЬ»

В Озеровской школе покрасили стены и потолки, оклеили классы обоями, расписали школьное крыльцо, покрасили парты. Оформили Доску почета колхоза «Новый быт».

Фотографировали передовиков в колхозе «Ленинский путь». Участвовали в концерте трех колхозов в селе Климово. Работали на кукурузном поле, на свиноферме.

Создали пионерский отряд-спутник.

РАПОРТ ОТРЯДА «КАВКАЗ»

Создали сводный пионерский отряд «Кавказ-2» и при нем группу октябрят «Юный кавказенок». Провели в селе диспут «Человек будущего» и вечер поэзии. Устроили праздник песни трех пионерских лагерей. Провели тимуровский рейд по уборке дров. Пололи и опрыскивали кукурузные поля.

РАПОРТ ОТРЯДА «УРАЛ»

Работали на силосорезке, на картофельном и кукурузном полях, возили торф и гравий для колхоза, собирали сучья на лесном участке третьей бригады.

Оформили клуб и детский сад.

Привели в порядок библиотеку.

Создали в школе пионерский и октябрятский уголок, выставку, посвященную В. И. Ленину. Сделали волейбольную площадку.

Организовали в деревне праздник весеннего сева.

РАПОРТ ОТРЯДА «ВОЛГА»

Во время похода в Журавлево четыре дня работали в поле, сделали для школы семь стендов, Малую Третьяковскую, оформили комнату отдыха, сделали спортплощадку. Провели праздник сева, тимуровский рейд. Создали сводный пионерский отряд «Спутник». Дали два концерта и устроили прощальный вечер.

У ИСТОКОВ ПИОНЕРИИ

О ПИОНЕРАХ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

ПИОНЕРСКИЙ ОТПОР КЕРЗОНУ

Когда английский министр Керзон прислал нашей стране грозную ноту (он угрожал Советской России войной), пионеры под руководством комсомольца из Старо-Оскольского железнодорожного депо Ивана Бартенева (он считался художником) нарисовали Керзона, с клыкастыми зубами, в высоком цилиндре, с пушкой на горбу, а Вильгельм Ильстер составил к карикатуре стихотворную подпись. Вечером мы ходили по улице с зажженными факелами и распевали эти стихи:

Сердитый Керзон ноту шлет
По своей привычке.
А мы Керзона пошлем
К черту на кулички!

Шествие наше называлось карнавалом. Мы пели разные песни: «Наш паровоз, вперед лети», «Взвейтесь кострами...»

Чучело Керзона мы сожгли возле Михайловской церкви, а поп Мазалов вышел на паперть и стал проклинать нас.

Все мы решили участвовать в сборе средств на эскадрилью самолетов «Ультиматум» в знак народного отпора Керзону.

Много подписных листов было заполнено нами. За деньги, собранные на строительство самолетов, нас и всех, кто жертвовал, наградили специальными бронзовыми значками в виде маленького самолетика, у которого вместо мотора и пропеллера был крепко сжатый кулак, а на фюзеляже выпуклая надпись: «Ультиматум».

Может, такой значок у кого-нибудь сохранился?

Эх, хорошо бы на него посмотреть!

АГИТИРУЕМ ЗА ЧЕРВОНЦЫ

Пионерам приходилось много ходить по ярмаркам и базарам и уговаривать крестьян не бояться червонца и охотно брать его вместо «совзнаков». Дело в том, что в ноябре 1922 года Советское правительство ввело твердые деньги, червонцы, обеспеченные золотом и всем достоянием государства. Их курс, то есть покупная способность, не изменялся, а прежние советские деньги все время обесценивались. Продаст человек барана, а через неделю на вырученные деньги не сможет купить даже курицу. А червонец всегда сохранял свою цену. Как видно, для народа была прямая выгода избавиться от старых денег и приобрести червонец. Но тут вмешались со своей агитацией попы, кулаки, спекулянты. Они говорили, что грешно иметь червонцы и что червонцы — обман народа. Вот и приходилось пионерам вместе с комсомольцами и коммунистами ходить по базарам и разъяснять людям пользу и необходимость червонцев.

Оказывается, пионеры Старого Оскола совсем не боялись «взрослых» дел!

ВСЕГДА БУДЕМ ЖИТЬ ПО ЛЕНИНУ

22 января 1924 года в 6 часов 50 минут вечера умер в Горках Владимир Ильич Ленин.

Пионеры Старого Оскола собрались в Красноармейском клубе, на углу Белгородской и Курской улиц.

Холодно было. Не могла обогреть огромный зал маленькая железная печка. Но наши сердца леденели не от холода, а от печали. Глядели мы на обвитый траурными лентами портрет Ильича и плакали горькими слезами.

Выступала на митинге Женя Молозина, пушистоволосая, круглолицая девушка с синими глазами.

Женя призвала нас дать клятву выполнять заветы Ленина. И мы все клялись, хором повторяя за нею слова:

Видно, Женя Молозина — очень хороший друг ребятам. На всю жизнь запомнила ее Софья Борисовна. Пройдут годы, и, наверное, многие ребята так же тепло станут вспоминать своих старших друзей, сегодняшних пионерских вожатых...

«Мы, третье поколение большевистской партии, юные пионеры, клянемся перед светлой памятью вождя, что всегда будем жить по Ленину и никуда не свернем с его пути! Будем всегда и во всем продолжать дело Ленина, не пощадим для этого наших сил и жизни. На зов партии: «Будьте готовы к борьбе за рабочее дело!» — дружно ответим: «Всегда готовы!»

НАШИ ТРАДИЦИИ

Помнится, работали мы по звеньям. Собравшись в комнате или коридоре, мы начинали всегда с занятий физкультурой и строевой подготовки. Потом повторяли пионерские законы и обычаи. Первый закон гласил: «Пионер верен делу рабочего класса и заветам Ильича». Во втором законе говорилось: «Пионер — младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту».

После звеньевых занятий собирался вместе весь отряд. Построившись в колонну, мы выходили в город в костюмах (короткие пышные синие шаровары, белые кофточки и рубашки, алые галстуки, фески. Впереди — пионерское знамя, горн и барабан.

Я была в отряде барабанщицей и запевалой.

Пели мы дружно разные песни: «Красная Армия всех сильней», «Смело мы в бой пойдем за власть Советов», «Картошка».

Наше звено называлось «Юный кооператив». Это название нам присвоили потому, что нам удалось занять первое место по количеству завербованных членов в «Кооператив трудящихся» и потому, что мы всегда очень дружно трудились: чинили и клеймили мешки на кондитерской фабрике, помогали заворачивать в бумажки и упаковывать конфеты, в рабочей столовой и в садовом ресторане помогали поварам, мыли посуду, чистили картошку. И все это делали вместе, по-кооперативному.

Да, если отряд, звено или дружина носит имя, оправданное и заслуженное, то это по-пионерски!

ОБУЧАЕМ НЕГРАМОТНЫХ

Охотно взялись мы за выполнение задания совета отряда по обучению неграмотных.

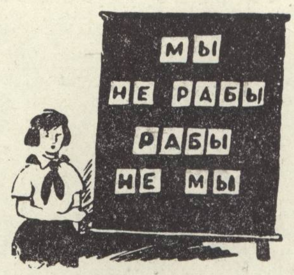
Наше звено обучило пять неграмотных женщин в слободе Гумны. Трудов было положено немало. Ведь мы взялись за дело, не имея опыта. Учительница Прасковья Акимовна Кулибабина дала нам разрезную азбуку и плакат со словами: «Мы не рабы», «Рабы не мы»,— провела методический урок.

У нас не было бумаги. Мы писали и на газетах и на грифельных досках. Наши ученики были во много раз старше нас, так что мы первое время очень стеснялись и чувствовали себя неуверенно. Но потом вполне вошли в роль.

И сколько радости было у нас и у наших учеников, когда они начали читать, а потом заучили стихи и декламировали их наизусть!

Почему-то нравилось нашим ученикам декламировать стихотворение «Прачка». Слова помнятся и поныне:

Моет прачка,
Брызжет мыло,
Брызги пенные летят:
Нет тоски, что раньше было,
Весел взгляд.

Пионеры 20-х годов обучили грамоте сотни тысяч крестьян и рабочих. А ведь и сейчас еще встречаются малограмотные люди. Вот бы взять над ними пионерское шефство!

Теперь я пенсионерка. У меня очень плохое зрение. У меня уже дети— коммунисты, но пионерский и комсомольский задор, каким закалено мое сердце, не позволяет мне быть пассивной. Я и сейчас веду общественную работу.

Работаю с интересом и радостью. И всегда вспоминаю годы пионерской жизни. Признаться, завидую пионерам. И если бы это было возможно, с охотой прошла бы снова весь путь жизни.

Пользуясь случаем, обращаюсь с призывом к пионерам нынешних дней: активнее, мои друзья, участвуйте в построении коммунизма! В годы нашей пионерской жизни коммунизм был еще далекой мечтой, а теперь он стал осязаемой реальностью. И вы, счастливцы, завершите его построение.

Юные пионеры, к борьбе за построение коммунизма будьте готовы!

С. КРАСОВИЦКАЯ-БЕЛЫХ,
ветеран пионерии города Старый Оскол.

Пионеры Старого Оскола!

А как вы дружите с Софьей Борисовной Красовицкой-Белых и другими первыми пионерами вашего города?

Сколько интересных историй могут они рассказать!

Как много хорошего можете вы сделать для них!

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

На воздушных улицах

Идет машина по улице... Шоферу развешаны знаки, все его внимание — дороге, встречным и попутным машинам, пешеходам. Чуть зазевался, чуть растерялся — и готово, авария.

«На улице тесно, толчея машин. То ли дело летчику в воздушном океане! Лети как хочешь и куда хочешь!» — думают несведущие. Как бы не так! Для летчиков существуют свои, невидимые глазом воздушные улицы, разработаны правила воздушного движения.

Ведь столкнутся два автомобиля — и другой раз все обходится вмятинами на бортах да синяками у людей. А столкнись два самолета? Да не только столкновения несут гибель. Пролет на близком расстоянии может породить опасные воздушные потоки, которые разрушат самолет, а то и оба.

На воздушных улицах держатся не правой и левой стороны, а верха и низа.

Встречные самолеты летят на разной высоте. С востока на запад — на высотах 10 тысяч, 8 тысяч и 6 тысяч метров, а с запада на восток — на высотах 9 тысяч, 7 тысяч и 5 тысяч метров и так далее.

Руководят движением диспетчеры на аэродромах. Они следят за порядком в воздухе.

Ю. Клинков

Первая буква

У этих боливийских ребят не совсем обычная школа: нет крыши над головой, а вместо классной доски каменная стена. Но несколько лет назад маленькие индейцы и метисы не знали и такой школы. Большая часть населения этой богатой страны была неграмотной.

В 1952 году с помощью рабочих профсоюзов в Боливии к власти пришло новое правительство. Оно позаботилось о ребятах. Посмотрите, как усердно они учатся. Самое трудное — вывести первую букву. А потом дело пойдет на лад!

Л. Александрова

Железные „усы"

Новосибирским ученым удалось получить (правда, пока еще в малом количестве) железо, которое прочнее обычного в сто раз. Они вырастили так называемые «усы» — крохотные, невероятно прочные кристаллы железа, толщиной всего в несколько микронов и длиной в один миллиметр.

Сейчас ученые стараются разгадать причину необычной прочности «усов». Ведь если мы научимся выращивать «усы» не в миллиметр длиной, а хотя бы в десять сантиметров, то из них можно будет делать железную пряжу и железные ткани. Пропитанное синтетическими смолами, железное волокно даст технике новый материал. Кузов автомобиля из такого материала будет не толще папиросной бумаги. Представляете, как это отразится на скорости и грузоподъемности машин?

Д. Самолвин

Остров бездомных

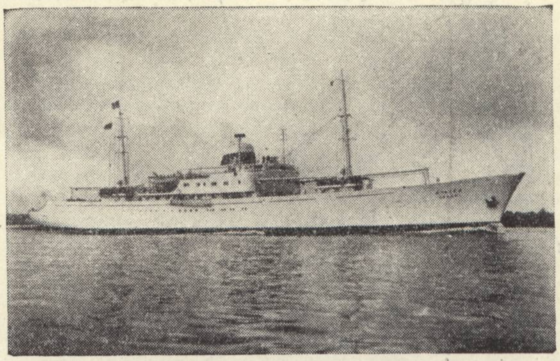

В этих бетонных бункерах, сохранившихся после второй мировой войны, ютятся многие жители Кальяри — столицы Сардинии.

На острове около 60 тысяч безработных. Некоторые из них живут в пещерах. Зато американцы и англичане чувствуют себя в Сардинии как дома. Расходы на содержание их военных баз тяжелым бременем ложатся на плечи местных жителей.

Бананoвозы

Совсем недавно на морских дорогах появились новые советские теплоходы «Кура», «Ингур» и «Арагви». Эти быстроходные суда могут проходить огромные расстояния — около тридцати тысяч километров, не пополняя запасов топлива. Предназначены новые суда для перевозки бананов.

Бананы — нежный, скоропортящийся груз. Чтобы доставить его из тропиков в нашу страну целым и невредимым, на теплоходах все время с помощью рефрижераторных (холодильных) установок поддерживается постоянная температура — 12 градусов тепла.

На банановозах можно перевозить и другие скоропортящиеся продукты. Температура в их трюмах может снижаться до 18 градусов холода.

Ю. Андреев

Молочное дерево

В бассейне реки Амазонки растет дерево совейра. Если рассечь кору этого дерева, из надреза брызнет струя густого беловатого сока. По вкусу он напоминает коровье молоко, только с горьковатым привкусом.

Химики сделали анализ сока совейры и установили, что он по своему химическому составу очень близок к коровьему молоку, а горечь ему придают вредные для человека вещества. Если сок разбавить водой и прокипятить, эти вредные вещества исчезают. С каждого дерева совейры можно «надоить» от двух до четырех литров молока.

С. Пищальников

Вулкан в пустыне

Неподалеку от Бухары в районе газового месторождения мне довелось увидеть необычное зрелище. Природный газ, прорвавшись сквозь трещины на поверхность земли, с клокотанием выбрасывал громадные — в десятки метров — фонтаны грязи. В воздухе плясали увесистые комья глины.

Грязевой вулкан очень опасен. От малейшей искры газ может вспыхнуть пожаром. Кроме того, пускаются на ветер миллионы кубометров ценного топлива и сырья.

Чтобы уничтожить вулкан, бурильщики подводят под него наклонную скважину и закупоривают бетонным тампоном трещину, через которую идет газ. Если пожар уже возник, его тушат взрывом.

Г. Ильина

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки П. Павлинова.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание

«СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА»

Яшка незаметно пробрался в пионерский лагерь и устроился около изгороди, за кустом. Сумерки, сгустившиеся в листве, защищали его.

Ребята сказали, что сегодня здесь будет детское кино — аллоскоп. Конечно, это какое-нибудь «уа-уа», но все-таки интересно: кино во дворе!

В школьную библиотеку Яшка был не ходок, иначе он давно видел бы это домашнее кино — диафильмы. Он потерял взятую в библиотеке книгу, а вернее — ее искурил отец, отрывая по страницам, и поэтому Яшка избегал даже встречаться с библиотекарем. Прийти и рассказать, что случилось с его книгой, Яшка не мог: не очень легко жаловаться на отца чужому человеку. Яшка и стыдился отца и жалел его. А порой яростно ненавидел. И легче всего ему было бы вообще не поднимать речи об отце.

Как он боялся отца, когда был маленький! При одном стуке в дверь, при одном звуке пьяного голоса Яшка вздрагивал и бросался прятаться под кровать, за шкаф и куда попало. В памяти отпечатался страшный вечер, когда Яшка, спасаясь от тяжелой кастрюли с супом, которая летела в его голову, чуть не выпрыгнул из окна со второго этажа. Наутро, собираясь на работу, отец гладил его по голове виноватой рукой, бормотал что-то неуклюже-ласковое. Он как будто даже всхлипывал. Но Яшке уже было все равно, он лишь молча отвел отцову руку. Тогда Яшке исполнилось девять лет, и с этого дня он разучился плакать. Сухими прищуренными глазами он глядел на стену, захлестанную супом, на безобразное темное пятно, распластавшееся на голубых обоях, и хотел только одного — чтобы отец ушел.

С того самого случая началась его дворовая жизнь. Ходил куда хотел, делал что вздумается. Стал пропускать уроки, отбился от рук в школе, отбился от рук дома. И когда его в школе упрекнула вожатая, что он ведет себя недостойно октябренка, Яшка снял с груди свою октябрятскую звездочку и закинул через забор... И после этого для Яшки наступила полная свобода.

Елены Петровны сегодня в лагере не было, аллоскоп устанавливала Зина. Кондрат и Витя Апрелев натягивали на заборе полотно — кто-то принес простыню. Ребята, суетясь и весело переговариваясь, ставили скамейки и табуретки для зрителей. Колокольчатый смех Полянки звенел то здесь, то там. Яшке трудно было сидеть, не вмешиваясь.

— Ну, как поставили скамейку? На бугор! Перекосилась вся.

— Это кто же, Антошка, хлопочет? Эй ты, Антошка-картошка, ставь попрямее, свалитесь все!

Но он не крикнул, он только прошептал это. Скамейка осталась стоять криво, и Яшка плюнул с досады. С полотном тоже не ладилось. Витя держал за угол, Кондрат прибивал.

— Ну, как прибивает? — кипел за кустом Яшка.— Раз — по гвоздю, два — мимо. Ну вот, теперь гвоздь согнул. Так — и второй гвоздь согнул. Эх, мелюзга, ударить молотком по гвоздю не умеет! Наконец-то прибил... Эх! Ну и прибил — все упало! Все — сеанс окончен!

— Что, ребята, не ладится? — сказала Зина. Она уже установила аллоскоп и вставила пленку.— Давайте я вам помогу. Держите простыню.

Зина взяла у Кондрата молоток и гвозди.

— Какие-то гвозди тупые,— проворчал Кондрат,— не забиваются.

— Сейчас забьются.

Зина взмахнула молотком, ударила — мимо. Ударила еще раз — гвоздь вылетел из руки.

Этого Яшка уже не мог стерпеть. Он выскочил из-за куста и ловко перепрыгнул через невысокую изгородь.

— Эх вы, уа-уа! Давай сюда молоток!

В садике наступила внезапная тишина. Все глядели на Яшку, кто с удивлением, кто с опаской, уж очень какой-то разбойный был у него вид. Антон молча отбежал и спрятался за Зину. Зина растерялась, но, тут же спохватившись, спокойно сказала:

— А, Клеткин! Ну, давай прибивай, я подержу.

Яшка взял у нее из рук молоток, влез на табуретку.

— Клеткин, Клеткин,— ворчал он, прилаживая угол простыни,— вот тебе и Клеткин...

Раз, два!.. Гвоздь забит. Яшка переставил табуретку, раз, два — другой гвоздь забит. И еще — чтобы не морщилось, раз, два — третий гвоздь забит. Яшка слез, посмотрел, ровно ли. Ровно. Экран готов.

— Ну и все! — Яшка бросил молоток на табуретку.— А то Клеткин, Клеткин.

— Спасибо, Яша,— сказала Зина,— а ты, оказывается, ловкий.

— Вот еще и скамейку криво поставили,— все еще ворчливо, но уже отметив дружеское «Яша», сказал он и поправил скамейку.

— Спасибо, Яша,— повторила Зина.— Ребята, садитесь: кино начинается. Яша, хочешь посмотреть сказку? Садись.

— Что я, маленький, что ли,— огрызнулся Яша,— сказки ваши смотреть?

Но Зина вдруг каким-то чутьем распознала его. Все огрызается, все ершится, а сам рад, что назвали Яшей, и сказку ему посмотреть, конечно, хочется.

Преодолев свою неприязнь, Зина заставила себя быть с ним приветливой.

— Ладно, ладно, садись,— сказала она,— не захочешь смотреть — уйдешь.

И тут же подумала: «Хоть бы и правда ушел!»

Ребята уселись на скамейки. Маленькие поближе к экрану, старшие — сзади. И на самой задней скамейке уселся Яшка.

Антон постарался сесть от него подальше, на передней скамейке, на самом дальнем от Яшки месте. Он все ежился и все оглядывался на Яшку украдкой. Встретившись с ним взглядом, Антон замер, как зайчонок перед волком. Он увидел знакомую насмешку в этих прищуренных, затененных длинными ресницами глазах. Неужели начнется все сначала, и опять Яшка будет мучить его, и опять будет требовать денег?.. Зачем Зина пустила его, зачем сказала, чтобы Яшка остался?!

Белое квадратное пятно мягко светилось среди летних сумерек. Зрителей значительно прибавилось: пришли жильцы из соседнего дома, завернул на площадку и кое-кто из старших пионеров.

— Сейчас мы будем смотреть русскую сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»! — сказала Зина.

На белом квадрате появился первый кадр, ярко раскрашенная картинка, с которой взглянули на зрителей главные герои — желтоволосая сестрица Аленушка в синем сарафане и румяный голубоглазый братец Иванушка.

— «Жили-были сестрица Аленушка и братец Иванушка...»

— Клеткин, Клеткин,— ворчал Яшка, прилаживая угол простыни,— вот тебе и Клеткин...

— Вот так кино,— вполголоса проворчал Яшка.— Они же не двигаются.

— Это диафильм, Яша,— ответила Зина,— фигуры не двигаются. Но действие движется.

— Дальше! — крикнул кто-то из ребят.— А потом что?

Картинка сменилась — злая мачеха прогоняет из дому сестрицу Аленушку и братца Иванушку.

«— Идите, и чтобы мои глаза вас не видали...»

И вот в вечерней тишине городского двора возникла и потекла чередой ярких картин старая волшебная сказка, полная печальных и трогательных событий, нежной преданности и любви.

Антон призадумался. Он уже забыл о Яшке. Но эта сказка, которая проходила перед его широко раскрытыми глазами, как-то странно мешалась с жизнью. Разве не сестрица Аленушка его старшая сестра Зина, которая оберегает его и учит, как надо поступать и как не надо? И разве он, Антон, не братец Иванушка, который не послушался своей старшей сестры и напился из козьего копытца?

Антон тоже напился. И вот что вышло из этого. Хоть и не стал козленком, а вором сделался. А это еще хуже!..

Сказка идет дальше. И вот уже гибнет сестрица Аленушка, лежит на дне озера, и «зелена трава по рукам свилась, желты пески на грудь легли...» А бедный козленочек бегает по берегу, зовет свою старшую сестру, просит, чтобы она выплыла, потому что козленочка хотят зарезать и защитить его некому!

— Ой, Аленушка! — вдруг всхлипнула Полянка.— Ой, выплыви!

Антон молчал и крепился. Но слезы уже подступили к его глазам. Почему-то не Аленушку он видел на дне озера с желтым песком на груди, это его сестра Зина лежала там!

Он отвел глаза от экрана и поглядел на Зину. Нет, вот она, его старшая сестра! Она живая, она стоит здесь и показывает им сказку. Она здесь, она возле него. Она никому не даст его в обиду. Только слушаться ее надо и не пить никогда из козьего копытца!

Зина почувствовала его взгляд и улыбнулась ему, ободряюще кивнув головой. Это успокоило, снова стало свободно дышать. Яшка словно исчез. Пускай он сидит здесь, пускай щурится на Антона, Антон больше не боится его!

Сказка кончилась. Над воротами загорелся круглый белый фонарь.

Зрители расходились с негромким говором, все очень довольные. Антон пытался помочь Зине уложить пленку. Подбежала Полянка и прижалась к Зине.

— Сестрица Аленушка!

Зина засмеялась. Но Антон сурово отстранил Полянку.

— Это моя сестра.

— И моя! — закричала Полянка.

Антон возмутился.

— Нет, не твоя! Это моя старшая сестра.

— И моя!

— Антон, не толкайся,— сказала Зина.— Полянка права. Вы оба октябрята. А я комсомолка. Значит, я обоим вам старшая сестра. Понятно?

— А все-таки мне сестрее! — возразил Антон.

Яшка встал, лениво потянувшись. Он с интересом смотрел сказку, но сейчас принял небрежный вид.

— Уа-уа! — И зевнул.

Но когда увидел, что Кондрат полез снимать полотно, вскочил и оттолкнул его:

— Ну-ка вы, малявки! Давай я сниму.— И он, ловко выдернув гвозди, снял простыню.

— Если умеешь — сложи,— сказала Зина, убирая аллоскоп.

Яшка не умел складывать простыни, он никогда не убирал постели. Смутившись, он бросил полотно на скамейку.

— Сами сложите!

И, сунув руки в карманы, засвистал песенку и пошел с площадки. Антон с облегчением глядел ему вслед — вот уходит и ничего не может сделать Антону. Пускай только уходит поскорее!

Но вдруг Зина остановила Яшку. Зачем?

— Яша,— сказала она,— если найдешь время — заходи завтра. У нас будет урок фотографии. Кондратов отец, Иван Кузьмич, принесет фотоаппарат, будет показывать, как снимать. Все старшие ребята придут. Может, тебе интересно? Приходи тоже.

Яшка был польщен. Он едва смог скрыть самодовольную улыбку.

— Ладно.— Яшка небрежно пожал плечами,— может, приду.— И тут же показал шик: плюнул сквозь зубы.

Но Зина уже знала, что сегодня она победила. Ей казалось, что между нею и Яшкой протянулся мостик.

«...Мы целый день пробыли в Костроме. Ходили на льняной комбинат имени Зворыкина. Какой же огромный этот комбинат! Там все — и обрабатывают лен, и прядут, и ткут, и красят полотно. В цехах светло, окна большие, воздуха много, только очень шумно от станков. Станки работают изо всех сил, ну, знаешь, будто с цепи сорвались, так яростно работают. А работницы ходят около них тихо и только очень внимательно смотрят, чтобы не оборвалась нитка. Я бы, наверно, не смогла быть такой внимательной целый день. И у меня появились мысли. Ведь каждую вещь делает какой-нибудь человек и вот так внимательно ее делает и отдает этой вещи свое время, свои силы и очень много своей жизни. А мы другой раз этого не понимаем и совсем не думаем об этом и портим разные вещи. Как один раз я посадила березку в школе у ворот — помнишь, может быть? Все поливала ее, чтобы прижилась. А когда прижилась, какой-то идиот ее сломал. А я столько труда положила!»

Зина читала и старалась все это представить себе. И бешено гудящие станки, и пар в красильной над широкими чанами, и бегущее для просушки высоко вверх, под потолок, выкрашенное розовое полотно, и тяжелые катки, через которые это полотно проходит и укладывается, уже ровное и проглаженное, в тюки...

Фатьме нравилась Кострома. Она с удовольствием описывала тихие приветливые улочки, в конце которых светилась волжская синева, небольшие дома с пышно цветущими геранями в окнах, торговые ряды, где продается это красивое костромское полотно, интересный музей, где стоит статуя Ивана Сусанина — ведь он здешний, костромич.

На страницах этого письма Зина увидела и тихую широкую реку Кострому, которая здесь, около города, впадает в Волгу. Узкий мост через реку, а на той стороне — старинный Ипатьевский собор. Нежно-голубое небо, и золотые тяжелые главы, и зеленый берег под крепостной стеной монастыря — все, как в чистом зеркале, отразила река Кострома. Ребята идут по мосту на тот берег и входят в монастырский двор, разглядывают монастырскую звонницу с позеленевшей от времени крышей и покои с расписными

печками и маленькими окошками, где прятался от поляков юный царь Михаил Романов и откуда он вышел, сел в ладью и отправился в Москву на царство.

...«— Ох, сколько всего увидишь и узнаешь, если пойдешь вот так, по всей земле,— и истории, и географии!

А еще тебе скажу, тут есть очень хорошие школы, ребята сажают очень много цветов...»

«Ну, теперь, кроме цветов, уже больше ничего не жди!..» — улыбнулась Зина.

Она не ошиблась, последние страницы были заполнены астрами и гладиолусами, петуньями и георгинами, флоксами и душистым табаком. Вокруг школы — прибой цветов. Прибой этот выплеснулся из школы в город. Цветы на улицах, цветы на площади. И сажают их всюду школьники-юннаты. Вечером весь город пахнет душистым табаком и маттиолой.

«...Почему бы нам тоже так не сделать?

Из Костромы пойдем в колхоз имени 12 Октября к Прасковье Андреевне Малининой посмотреть ее знаменитых коров. Эх, Зина, почему тебя нету с нами!..»

Зина сложила письмо и сказала отцу:

— Когда ты освободишься, почитай. Тебе понравится. Ну, папа, чего ты так смотришь на меня? Думаешь, я расстроилась?

— Думаю, да,— ответил отец, принимаясь за свой чертеж.

Зина улыбнулась.

— А вот и нет, а вот и нет, не угадал!

Она подсела к нему и осторожно вынула из его руки рейсфедер.

— Папа, ты послушай, это важно. Ты беспокоишься из-за меня. Я вижу. А напрасно. Я очень рада, что им так интересно. И письма мне очень интересно читать. И сначала мне очень хотелось к ним, ну, очень, очень!

— А теперь, скажешь, нет?

— Папа, ты мне верь,— а теперь нет. Знаешь, почему? Я начинаю как-то чувствовать, что должен делать пионервожатый, начинаю верить, что я смогу быть настоящей пионервожатой — ну, не сейчас, не сразу. А ты думаешь, это маленькое дело — быть хорошей пионервожатой?

— Думаю, что это очень большое дело,— сказал отец,— очень большое и очень ответственное. Так же, как дело учителя. Из моих рук, например, выходит проволока. Нужная вещь, ничего не говорю. А из рук прокатчика, скажем,— листовое железо. Тоже вещь нужная, очень даже. А ведь из рук людей, которые с детьми работают, выходит человек, его характер, его мировоззрение. А что на свете важнее человека? Вот как я думаю.

— Папка, ну вот и я так же думаю! И если я сумею, если я смогу... то ни о чем другом я уже и не жалею. Потому что мне кажется, что я начинаю уметь. Понимаешь? Ты понимаешь меня?

— Понимаю.

И в первый раз Зина с радостным облегчением отметила, что думает о Яшке без вражды и раздражения. Ну, кто он такой, если разобраться? Маленький, заброшенный, обозлившийся мальчишка — вот и все. Стоит ли и можно ли сердиться на него? Елена Петровна права — его приручить надо, приручить лаской, доверием...

В дверь позвонили, Зина вышла открыть. На площадке стоял Кондрат, взволнованный и смущенный.

— Яшка сбежал,— угрюмо сказал он,— и отцов аппарат унес. Отец поснимать дал, а он...

Зина побледнела. «Приручить доверием!»

— Кондрат,— сказала она упавшим голосом,— давай подождем немного, а может быть, он вернется. А? Может, он все-таки вернется?

ЯШКА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ

Антон одним духом взбежал по лестнице. Зина, заслышав его шаги, открыла дверь.

— Ой, что скажу! Ой, что скажу! — повторял он, задыхаясь, и Зина увидела, что в его широких глазах застыл испуг.

Зина встревожилась, но, стараясь сохранить внешнее спокойствие, улыбнулась.

— Ну, скажи, скажи. Только отдышись сначала! Что там такое — заводская труба упала?

— Нет, что ты! Не труба.

— Так что же? Слон ходит по улице?

— Какой слон? Что ты! Не слон — Яшка вернулся, его милиционер привел! Я гляжу, а это Яшка. А он на меня как цыкнет. «Чего,— говорит,— глядишь? Вот как дам!» И опять на меня — «уа-уа»! И кулак потихоньку показал!

Зина перестала улыбаться.

— С милиционером?

— Ага, с милиционером. А Яшка идет, руки в карманы, будто он один идет, а милиционер — так просто.

— Ты что же — опять боишься его?

Антон потупился.

— Так он же драться будет...

Зина положила ему руку на голову, пригладила белесый чубик.

— А я? — спросила она.— Что же, я-то не заступлюсь, что ли? А ребята, твои товарищи, не заступятся? Нас много, а он один. И мы будем его бояться?

Антон прислонился к Зине и сразу повеселел.

А Зина задумалась. Она не знала, радоваться ей, что Яшка вернулся, или досадовать из-за того, что ей снова придется возиться с ним, уговаривать, воспитывать, искать какие-то способы, чтобы приручить его, говорить ему ласковые слова, подавляя свое раздражение, негодование, свою нелюбовь к нему.

Зина вздохнула. Ну что ж делать? Уж если она собирается стать вожатой, надо уметь бороться за человека. С хорошими-то ребятами и труда никакого, одни радости.

— Ты опять пойдешь к ним? — спросил Антон.

— Надо пойти,— ответила Зина.

Но тут же почувствовала, что не может еще раз войти в эту квартиру. Да и что она им скажет, этим людям?

— Нет, я не пойду,— сказала она,— лучше попросим папу. Пускай он сходит. Скоро гудок, хочешь пойдем встречать его?

— Пойдем! Пойдем! — радостно закричал Антон и, подпрыгивая, побежал к двери.

Отец, выйдя из проходной, удивился и встревожился, когда увидел своих ребят.

— Что случилось?

Зина, засмеявшись, хотела пожурить отца — вот всегда он только и ждет, что случилась какая-нибудь беда. И пока она собиралась объяснить, почему они пришли его встречать, Антон крикнул:

— Яшку милиционер привел!

Что им всем за дело до Яшки Клеткина? У Яшки есть отец, есть мать, оба могут работать, а значит, могут хорошо жить. Кто же виноват, что они не хотят этого? Почему же это им, Стрешневым, нужно

думать о том, как помочь Яшке, как вывести его с темных и кривых дорог, по которым он шатается? Но Стрешневы шли и озабоченно думали об этом. Стрешнев — коммунист. Зина — комсомолка. Как же могут они пройти мимо, если видят, что гибнет человек?

— Схожу к ним еще раз,— сказал отец,— а там видно будет, как решить это дело.

В тот же вечер Андрей Никанорыч пошел к Клеткиным.

— Антон,— сказала Зина,— я пойду сбегаю к тете Дариме, может, есть письмо от Фатьмы. Ты пойдешь со мной?

Но Антон уселся читать сказки, и ему никуда не хотелось идти.

Июльский вечер был душный и жаркий. Стены домов, асфальт, мостовые — все дышало накопленным за день зноем. Зина страдала от этой духоты, она заметно осунулась и побледнела за последнее время. Но Зина не задумывалась над этим и не замечала этого. Ей было просто грустно сейчас. Нет никого из подруг — ни Фатьмы, ни Симы, ни Маши Репкиной, ни Шуры... Тамары, и той нет. Все-таки молодец Тамара, вырвалась из душного мира мещанки-матери. Там, у отца, она дышит теперь свежим воздухом, общается с хорошими, трудовыми людьми, а не с этой «плесенью» — всякими Олечками, Янами. Там отец заставит ее работать, научит что-нибудь делать, и осенью она вернется другим человеком. Да, впрочем, вернется ли? Едва ли. Там будет кончать школу, там вступит и в комсомол...

Вот и знакомый зеленый заборчик, и ветки сирени свешиваются над ним. Но листья уже не сверкают свежестью, они пожухли от зноя и уличной пыли.

Зина подошла к калитке, но не успела открыть ее, как негромкий хриплый голос окликнул ее:

— Стрешнева!..

Зина удивленно обернулась.

Перед ней, запустив руки в карманы, стоял Яшка. С оторванными пуговицами, косматый, немытый, стоял он перед ней, скосив глаза куда-то в сторону и нахмурив брови.

Зина не могла скрыть своей неприязни и брезгливости. Неряха, воришка. Ему доверяли как человеку, а он...

— Ты? — сурово сказала она.— Чего тебе еще?

— Ничего,— резко ответил Яшка, не поднимая глаз.— Я только хотел сказать, что... это не я стащил аппарат... Это отец его пропил.

— Что? Как? — Зина схватила его за плечо.— Что ты сказал?

— Ну, отец пропил. Стащил и пропил. Вот и все. А мне ничего не надо.

Он вывернулся из-под ее руки и пошел. Но Зина не дала ему уйти.

— А зачем же ты сбежал? Пришел бы да сказал нам!

— Сказал бы... Так бы вы и поверили! Схватили бы — да в колонию. Да и Ялту хотел посмотреть... Ну все, сеанс окончен.

Яшка решительно перешел на другую сторону и скрылся в переулке. Зина стояла и смотрела ему вслед, на его понурую спину, на его косматый затылок, на клетчатую рубаху, разорванную вдоль спины. И вдруг не выдержала, бросилась догонять Яшку.

— Яша, подожди! — кричала она.— Пойдем к нам! Подожди, ну!

Но Яшка нырнул в какие-то ворота и исчез в темноте. Отец вернулся от Клеткиных очень сердитый. Он молчал за чаем, думал о чем-то. После чая, когда Зина убрала посуду, отец сел на диван.

— Ребята, идите-ка сюда,— сказал он.— Давайте советоваться.

Антон тотчас взобрался на диван и притулился к отцу. Зина села рядом, пытливо поглядывая на отца: что это такое он задумал?

— Вот такое дело,— начал он, смущенно поглаживая Антона по голове,— советуют мне тебя, Антон, отдать в школу-интернат.

Оба — и Антон и Зина — встрепенулись. У Антона забегали глаза: на отца, на Зину, опять на отца, опять на Зину. Неужели отец отдаст его в интернат? Неужели Зина на это согласится?

Зина тоже расстроилась.

— Папа, а зачем же?

— А я думал, вы обрадуетесь,— удивился отец,— ведь уж очень там хорошо, в интернатах-то...

— Конечно, там хорошо,— согласилась Зина.— И одевают хорошо, и учат. Но, папа, ты же знаешь, туда берут из бедных семей или где дети без присмотра. А что же, ты считаешь, наш Антон такой уж заброшенный...

— Да ведь тяжело тебе, дочка...— начал было отец.

Но Зина прервала его.

— Ничего мне не тяжело. Когда маленькая была, то конечно... А сейчас, да что ты, папка, выдумал!

— А мне уже на заводе обещали... Значит, отказаться?

— Откажись! Откажись! — в один голос закричали Антон и Зина.

— Ну, тогда слушайте, что я придумал,— сказал отец и поерошил Антонов чубчик.— Отдадим-ка мы это место в интернате Яшке Клеткину. А?

— Правильно, правильно! — живо подхватила Зина.— И почему это мы раньше не догадались, а, папка?

— Да ведь ты сама говоришь, что в интернат берут кто победнее, да за кем присмотра нет, да сирот... А он разве сирота? И отец есть и мать есть...

— Он сирота, папа, он сирота! — горячо сказала Зина.— Отец всегда пьяный, а мать совсем не смотрит за Яшкой. Ты же сам знаешь! Ну вот, ты ходил — ты же видел!

Отец махнул рукой.

— С ними что говори, что не говори. А ведь какая хорошая работница была Клавдия-то Клеткина. На доске почета каждый раз. А вот из-за пьяницы этого будто и не человек стала, не то живет на свете, не то нет. Ну, так решили: отдадим интернат Яшке?

— Отдадим! — крикнули Зина и Антон.

На этом совет закончился. Стрешнев решил хлопотать, чтобы вместо его Антона в интернат приняли Яшку Клеткина, у которого хотя и есть родители, но который живет, как самый настоящий сирота.

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Где-то в лесах вышел из чащи олень и ступил копытом в летнюю реку. И как только ступил,— захолодела вода по всем рекам и озерам. Этой легендой отмечает народ начало последнего летнего месяца — августа.

И в самом деле, еще как будто лето сияет и зеленеет на земле, и ребятишки бегают в одних рубашонках, и солнце блестит в оконных стеклах, и ни один лист еще не упал с дерева, но уже нет-нет да и пролетит по улицам холодный ветерок и напомнит о том, что осень близко.

Зину всегда, неизвестно почему, волновало наступление осени, какая-то непонятная грусть возникала в

душе, какое-то светлое раздумье заставляло ее подолгу стоять у открытого окна, в которое заглядывали сквозистые ветки клена.

Как-то утром, медленно расчесывая свою белокурую косу, Зина подошла к окну и увидела среди зеленых ветвей тронутый оранжевым отсветом лист.

— Здравствуй, осень! — прошептала она.

И тут же радостно подумала, что скоро должны вернуться из похода ее товарищи.

— Надо сходить к Дариме, узнать,— решила Зина.

Антон позавтракал и убежал в пионерский лагерь: он теперь никого не боялся, Яшка Клеткин исчез с его горизонта. Зина проводила его, взялась было за щетку и тряпку, чтобы прибрать квартиру, и вдруг почувствовала, что не может оставаться дома ни на одну минуту. Она сунула щетку в угол, бросила тряпку, сняла передник — ну, может же она хоть раз не убрать квартиру вовремя!

Зина почти бежала по улице. Она сознавала, что уже не маленькая, чтобы так вот бегать по улице, но проворные ноги бежали сами и остановить их было нельзя. Непременно, непременно у Даримы есть письмо от Фатьмы, и Дарима знает, когда они приедут!

Дом номер пять совсем недалеко. Вот уже начался его зеленый забор, вот и калитка, закрытая на щеколду. Но лишь Зина протянула руку, чтобы нажать на щеколду, как зеленая калитка порывисто распахнулась, и перед Зиной появилась Фатьма.

— Фатьма!

— Зина!

Они бросились друг к другу и крепко обнялись.

— Я так и знала! Так и знала! — кричала Зина, прижимаясь щекой к плечу Фатьмы.— Я с утра чувствовала!

Девочки бросились друг к другу.

— А я сразу, как приехала — к тебе! Гляди-ка, и не умылась даже! Пойдем к нам, я хоть умоюсь!

Подруги, смеясь от радости, не разнимая рук, вошли во двор. По двору шла Дарима с метлой и ящичком для мусора в руках.

— А, встретились! — улыбнулась она, и белые крупные зубы ее так и засияли.— Эй, Фатьма, сколько она тут бегала без тебя туда-сюда!

Подруги уселись на лавочке под кустами сирени. Сколько разговоров, сколько рассказов тут началось!

— Иди умойся, руки грязные! — крикнула Дарима Фатьме, но Фатьма только отмахнулась. Она должна была немедленно, тут же, не сходя с места, рассказать Зине все, все, что они видели, что делали, что пережили за эти два месяца далекого похода.

Фатьма не умела рассказывать по порядку. Тут, конечно, были и ночные костры в лесу на полянах, когда красные искры летели в звездное небо. И белые тропки, убегающие все вдаль и вдаль через цветущие луга. И приключения на речных переправах, и песни, которые сами сочиняли и пели, и шумные сенокосы в колхозах, встретившихся на пути...

— До чего хорошо сено убирать! Я раньше думала: как это в колхозе работать? Артемий говорит, если понадобится где наша помощь, конечно, поможем. А я говорю: «Ни за что я не буду, я не умею ничего, только на смех!» А Сима: «Мы все не умеем!» А этот Гришка свое: «Зато пообедать дадут, а то надоел этот ваш кулеш с дымом, с углями, со всякими ветками». И вот идем, видим, туча заходит — ну, прямо так и встает над лесом! Как гора, да такая черная, страшная! А впереди — колхоз, крыши видны. Мы бегом прятаться от дождя. А тут — луг. Огромный, около самой реки. И колхозники все на лугу — спешат скорей сено убрать, работают без оглядки, сгребают, на машины грузят и тут же в стог складывают. А сено раскинулось — даже краев не видно. Тут Артемий нас останавливает:

— Куда бежите? Поворачивай на луг!

А в это время Андрюшка:

— А если дождик?

Тут все на него: подумаешь, мятный пряник, дождя испугался! Колхозники нам обрадовались! Бригадир у них такая румяная тетка, глазастая. Сразу нам грабли в руки, показала, как подгребать, а сама — к машине. Я думаю: «Ни за что не сумею!» И, знаешь, сумела! И все сумели!

— И... Артемий тоже?

— А то как же? Как взялись, как взялись, подгребаем, охапки таскаем — запалились прямо! А сена набилось всюду: и в волосы и за шиворот, колется, кусается! А туча все ниже, все ниже... Ох, и не помню даже, как это сено убрали. И потом бежали под дождем — мокрые до нитки! Ну, зато дождик с нас всю пылищу смыл!

— А... что Артемий?

— Ну, и он бежал! Всех перегнал. Он же длинноногий! А у самой деревни как шлепнется! Мы чуть со смеху не умерли. На глине поскользнулся. Разозлился сначала. А потом — мы смеемся, ну, и он начал смеяться. Он хороший, очень хороший!

Зина ласковыми глазами глядела на Фатьму. Как она загорела, какой земляничный румянец у нее на смуглых щеках, как ярко блестят ее черные, чуть раскосые глаза!

— А потом уж и накормили нас — ух ты! Мы, наверно, молока целое ведро выпили. Гришка ел-ел! А потом в школу натаскали сена — классы-то пустые — и спали на сене. Ух, и спали же! Дождик в

окна стучит, а мы спим себе: уж очень устали. А наутро...

— Так я и знала!

Калитка распахнулась, влетела Сима Агатова, загорелая, похудевшая, белозубая.

— Я так и знала, что Зина здесь! Захожу к Зинке — никого! Думаю, у Фатьмы. Ну, так и есть! Ну, как ты здесь поживала без нас?

Симу, несколько чопорную, строгую и неулыбчивую, нельзя было узнать. Словно растаял внутренний ледок, который раньше сковывал ее.

— Ну, как жалко, как жалко, что ты не пошла с нами, Зина!

— Я не могла,— напомнила Зина.

— Ну, тогда очень жалко, что ты не могла. Смотри, какая ты бледная и не загорела нисколько!

— Ничего. Когда-нибудь загорю.

— Если бы ты искупалась, а потом полежала бы на песке...— начала Фатьма.

Сима подхватила:

— Ой, как мы купались в Днепре! В самом Днепре, подумай! А потом лежали на песочке...

Грубоватый, ломкий голос вдруг вмешался в разговор:

— Ага! Вы только и знали, что на песочке лежать, а мы...

— Васька! Откуда ты взялся?

— Зина, смотри, на кого он похож!..

Вася Горшков вышел из-за угла дома — он не пошел в дальний путь, в калитку, а перелез прямо через забор. На щеке у него краснел шрам.

— Где ты так разукрасился, Васька? — засмеялась Зина, всплеснув руками.— Дрался с мельницами, что ли?

— Ну, он же у нас строитель! — важно сообщила Сима.— Телятник строить помогал! Крышу крыть полез — да сорвался, и вот... Красавчик!

— А ты чего дома не сидишь? — накинулся Вася на Зину.— Я тебе орехов принес. И ребятам вашим. Прихожу, а она бегает где-то...

— И ты был у меня?

— Не веришь — ступай погляди. Целую наволочку орехов приволок!

Зина чувствовала, как радость согревает ее. Чувствовала, что щеки ее розовеют и к глазам подступают слезы. Она поморгала своими короткими темными ресницами, чтобы ребята не заметили, что она готова заплакать,— так она была признательна за их внимание, за теплоту к ней, за их дружбу.

— Ой, ребята, спасибо...

— Пускай смеются,— Вася кивнул на Фатьму и Симу,— а я могу сказать, я имею право сказать: в колхозе «Дружба», в области Воронежской, в новом телятнике дверца сделана собственными руками комсомольца Василия Горшкова и этими же руками на крыше проложено пять рядов дранки. Плохо?

Зина, смеясь, глядела на него.

— Васенька! Да когда же ты научился строить телятники?

Калитка снова открылась, и во дворе появилось сразу двое — Андрей Бурмистров и Зыбина Шура.

— А мы у тебя были! — сообщил Андрей неожиданно хриплым голосом.

— И вы были! — засмеялась Зина, снова чувствуя, что ресницы у нее намокают.— И вы!.. Андрей, почему ты охрип? Шура, здравствуй! Ну и загорела, нос-то совсем облупился!..

Шура, как всегда спокойная и ласковая, медленно подошла и обняла Зину. Лицо ее потемнело от румяного загара, голубые глаза стали светлее, будто немного выцвели от солнца, сама она похудела, и Зине показалось, что Шура еще никогда не была такой красивой.

— Ой, как же хорошо, что вы вернулись, ребята! — сказала Зина, волнуясь.— Я и не знала, что так соскучилась по вас. Ой, как хорошо, что вы приехали! Андрюшка, почему ты хрипишь?

— Он заблудился! Целую ночь по лесу проходил!

— Весь мокрый и тапочку потерял!

— В стогу в каком-то ночевал — вот и хрипит теперь!

Рассказывали наперебой, но главным рассказчиком была Сима.

— А я телят поила,— начала было Шура.

Но Сима тут же перебила ее:

— Там девушки-телятницы все комсомолки, хорошие такие девчата. Говорят, давайте и нам помощь! А я тогда говорю: «Дадим!» И говорю: «Ребята, кто желающие?» И никого желающих. Тогда я говорю Шуре: «Ты иди. Ты сама смирная, как теленок, ты с ними отлично поладишь!»

— И пошла?

— Пошла,— с улыбкой сказала Шура своим ровным, спокойным голосом.

— Ну, и как? Не забодали они тебя?

— Нет. Они хорошие. Лижутся. Я их все время поила, семь дней.

— Семь дней мы в этом колхозе жили,— пояснил Вася,— и я там телятник строил, а Андрюшка в лесу под дождем блукал!

Андрей схватил Васю за плечи и опрокинул его с лавочки. Поднялся хохот.

— А потом мы пришли в Киев,— начала Фатьма.

Но Сима тотчас захотела рассказать об этом сама.

— Я, то есть мы с Артемием, сразу пошли в обком комсомола, нас устроили в общежитие, и потом ходили везде, ездили.

И опять зашумели рассказы о том, какой красивый Киев, какой широкий Днепр, как ездили по Днепру на пароходе и как ходили в музей...

Вдруг вышла из своего дворницкого домика Дарима и прервала все это необычное, пестрое, озаренное весельем и смехом повествование.

— Картошка сварилась, идите картошку есть! — сказала она.— Целый таган, на всех хватит!

Ребята гурьбой ввалились в тесную квартирку Даримы и, увидев дымящуюся на столе гору картошки, да красную гору помидоров, да горку зеленых огурцов, захлопали в ладоши и запели песню, которую пели у костра в лесу:

— Ах ты, милая картошка-тошка-тошка!

И нарасхват бросились занимать места у стола.

Зина слушала рассказы, все было ей интересно. Этот невиданный мир, в котором побывали ребята, пахнул на нее теплыми запахами лесов и полей, он немного ошеломил ее. Зина была счастлива, что все ее друзья привязаны к ней так же крепко, как и до разлуки, и даже крепче,— они почувствовали ее отсутствие, она была нужна им и там, в тех заманчивых, полных неожиданностей и открытий краях.

— Ты все время была с нами,— сказала Фатьма, обжигаясь картошкой,— все время!

— Да, правда,— подтвердила Шура,— ты бы нарисовала моих телят.

— И мой телятник,— добавил Вася.

— И молочка попила бы с нами парного,— сказал Гришка,— прямо тепленького!

— И у костра с нами поночевала бы,— отозвался Андрей.— Эх, хорошо, костер пригаснет, а ты лежишь и смотришь на небо, а там звезды, звезды мигают, переливаются...

— А крупа из мешка в это время рассыпается,— сказал Вася.

— Почему крупа?

Оказывается, Андрей, заглядевшись на звезды, вытянул свои длинные ноги и опрокинул корзинку, в которой лежала приготовленная к утру крупа. И снова воспоминания, рассказы, смех...

И все-таки Зине чего-то не хватало в этих рассказах. Почему-то имя Артемия звучало не так часто, как ей хотелось бы. Вспоминал ли он о ней? Ну, хоть изредка? Ей хотелось знать о нем все-все: и как он идет с рюкзаком за спиной, и как он узнает дорогу по азимуту, и как он учит ребят разжигать костры, и как он разговаривает с колхозниками... И уже она сама еще раз хотела спросить: а что же Артемий? Как он отнесся к тому, что крупа рассыпалась,— как вдруг открылась дверь, и сам Артемий, коричневый, светловолосый и темноглазый, со знакомым светлым шрамчиком над бровью, появился в комнате.

Ребята заорали «ура!» Сейчас же задвигались, гремя стульями, чтобы освободить ему место, начали придвигать ему картошку, помидоры, огурцы...

— Спасибо, ребята,— сказал Артемий и уселся к столу.— А я ведь, по совести сказать, пришел узнать, как жила тут без нас вот эта беленькая девочка,— он указал глазами на Зину,— и как она выполняла свой долг.

Зина так и загорелась румянцем, она не знала, куда ей деться от смущения, картошка выпала у нее из руки и свалилась под стол. Ребята подняли смех. Но Артемий повторил свой вопрос, серьезно глядя в ее светло-серые, очерченные черными короткими ресничками глаза:

— Ты сделала то, для чего осталась, Зина?

Зина ответила не сразу. Она хотела ответить так, чтобы это было по-настоящему правдой. И, мгновенно перебрав в уме недавнее прошлое — пионерский двор, Антон, Яшка, устроенный в интернат,— она ответила спокойно и твердо:

— Да. Сделала.

Вернувшись домой, она застала Антона около наволочки с орехами. Он в восторге вынимал орехи горстями и клал их на стол — он никогда не видел, чтобы они были в таких хорошеньких шершавых оберточках с мохнатой бахромой.

— Зина, Зина, иди сюда, скорей, гляди-ка, кто это принес нам орехов?!

Зина взъерошила его светлый чубчик.

— Это наши ребята принесли. Прямо из леса, из самого настоящего леса,— ответила она.— У нас с тобой, оказывается, очень много друзей, Антон! И знаешь что? Возьми-ка побольше орехов да отнеси своим друзьям, угости!

Антон живо набил карманы орехами и умчался. Зина закрыла дверь. Ей необходимо было остаться одной, чтобы разобраться в своих чувствах, чтобы хоть как-то справиться со своей радостью, которая не умещалась в сердце. Он пришел узнать, как она жила! Он помнил, он не забывал! Он пришел, чтобы узнать!

Зина ходила по комнате, прижимая руки к своим горячим щекам. Ей хотелось кричать, скакать, петь!

Неожиданно припомнилась песенка, которую они пели с мамой, когда Зина была еще совсем-совсем маленькой.

Отчего мне весело?
Оттого, что солнышко,
Оттого, что солнышко
Глянуло в оконушко!

Отчего мне весело?
Оттого, что песенка,
Оттого, что песенка
Села к нам на лесенку!

Почему мне весело?
Улица вся светится,
А на этой улице
Кто-нибудь да встретится!

Мама! Грустная милая улыбка ее, светлые ласковые глаза... Она умерла, и лишь немногим больше двух лет прошло с тех пор, а вот Зина уже и веселится и поет!.. Как же это так? А ведь она так отчаивалась тогда, думала, что после такого горя она уже никогда и не улыбнется больше. Какая страшная это была ночь, когда пришла «скорая помощь» и увезли маму в больницу! И еще страшнее было утро, когда пришел из больницы отец с почерневшим от горя лицом и сказал, что мама умерла... Как они все плакали тогда, какой беспросветной казалась им жизнь!

А нынче?

Зина притихла, задумалась... Она подошла к маленькому портрету мамы, висевшему в спаленке. Мамины глаза улыбались Зине, они все видели, эти глаза, все понимали.

И снова мама стояла здесь, около Зины, и снова ласково говорила с ней.

«Не надо так омрачать свою жизнь, Зина,— говорила она,— живым надо жить. Надо работать, веселиться, любить друг друга. Это закон природы. Я знаю, что я, твоя мама, у тебя всегда и в сердце и в памяти. Но неужели ты думаешь, что мне было бы приятно, если бы ты всегда грустила и никогда бы ничему не радовалась? Любимые мои, меня нет с вами, но я всегда была счастлива вашим счастьем и радостна вашей радостью. Радуйся, дочка, жизни, не упрекай себя...»

«Хорошо, мамочка, хорошо,— мысленно ответила Зина своей маме,— только ты знай одно, что я никогда не забываю о тебе, и никогда я тебя не забуду, и никогда не перестану тебя любить, и всегда, всегда ты будешь нам нужна... И если я веселюсь, то не думай, что я про тебя уже забыла! Но я сегодня так счастлива, мамочка, так счастлива!»

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Лето было очень жаркое, с ливнями, с грозами. И столько тепла было в этом году, что хватило его и на первое сентября.

Первое сентября — особенный день, значительный и волнующий. В календаре стоит строгое число рабочего дня. Тысячи, миллионы маленьких людей в этот день после летнего отдыха идут в школу, принимаются за работу.

И все-таки это не будни — слишком много волнений, радостных встреч, новостей и цветов в этот день первого сентября! Это ошибка, что он ничем не отмечен в наших календарях.

Утро наступило свежее, ясное, украшенное румяными листьями клена и по-летнему белыми облаками. По всем улицам ребята шли в школу — и маленькие, цепляющиеся за матерей, и взрослые, встречающие свою юность.

Шла в школу и Зина. Рядом с ней солидно шагал Антон с большим желтым портфелем. И, крепко дер-

жась за ее руку, семенила в школу Изюмка. Они шли с букетами осенних цветов, с красными георгинами, с белыми и розовыми гладиолусами, которые высоко поднимались над головой, прямые, как стрелы.

Зина крепко, но бережно сжимала маленькую шершавую руку Изюмки. Вот и она здесь, с ними, их маленькая сестренка, вот и она шагает рядом своими крепкими ножками в тупоносых башмаках. Жалко, что не мама ведет ее сегодня в школу, но что ж делать, мамы у них нет. В этот радостный и тревожный день ведет Изюмку Зина, старшая сестра.

Зина пожимает руку Изюмки — не волнуйся, я здесь, с тобой. И поглядывает на Антона со скрытой лаской. Сколько горя и тревог причинил ей этот голубоглазый парень, но вот выбрался, выправился, идет, как большой, чуть-чуть наморщив светлые брови. В этом году его будут принимать в пионеры.

И вдруг Зина, словно только что увидев их, поняла, что ее младшие брат и сестра уже совсем большие, уже школьники! Чувство счастья и гордости наполнило ее сердце. Ведь это она помогла им вырасти, ведь это она варила для них обед, одевала их, укладывала спать, находила для них радости, выручала из беды, она, их старшая сестра!

Фатьма уже ждала их у своей калитки. В руках она держала желтую охапку золотых шаров, которыми ее мать, дворничиха Дарима, заполнила весь двор дома номер пять.

— У! Школьники! — закричала Фатьма и подбежала к Изюмке, хотела подхватить ее на руки. Но Изюмка сурово отстранилась:

— Сумку испортишь. И цветы.

— Ой, извини! — засмеялась Фатьма.— Я и забыла, что ты уже большая!

Стайка школьников, оживленная, шумная, с портфелями и цветами шла по той стороне. Вдруг один из ребят, коренастый, с широким лбом и густыми бровями, остановился.

— Зина Стрешнева! — сказал он и заулыбался.— Зина, здравствуй!

Зина оглянулась.

— А! Кондрат! Здравствуй, как поживаешь?!

Кондрат перебежал дорогу и пошел рядом с Антоном.

— Правда, что ты у нас будешь пионервожатой? — спросил он, заглядывая Зине в глаза.— А? Правда?

Зина улыбнулась, порозовела.

— Не знаю, Кондрат. Может быть. Если дадут такое поручение, не откажусь!

— Дадут! Дадут! Ты скажи, чтобы дали!

Из ворот дома восемь выбежала маленькая Полянка в красном пальто и синей шапочке.

— Зина, я с тобой, я с тобой! — закричала она, размахивая оранжевым букетиком ноготков.— Я тоже с тобой!

Полянка подбежала, оттолкнула Антона и схватила Зину за рукав: рука у Зины была занята портфелем и цветами. Антон рассердился.

— Чего толкаешься? Она моя сестра, а не твоя!

— Нет, моя. Все равно моя!

И чем дальше шли они по улице, тем больше ребятишек оказывалось около Зины. Вот Юля прибежала, вот Витя Апрелев. А вот и еще какие-то ребята цепляются к Зине, может, они были на площадке пионерского лагеря, а может, просто товарищи тех, что были там.

— С тобой невозможно ходить по улицам! — возмутилась наконец Фатьма.— Что у тебя, магнит есть, что ли, для этих малявок?!

— Как живется? — спросила у Яшки Зина.

— Магнит, магнит,— ответила Зина,— очень простой магнит,— я их люблю! Уж больно ребята хорошие!

Но тут вспомнился Яшка Клеткин. Как-то он? Тоже садится сегодня за парту. Будет ли учиться как следует? Как обещал?

Зина недавно навестила его. Она увидела Яшку во дворе. С бадейкой и кистью в руке он азартно красил ярко-зеленой краской железные прутья изгороди, окружающей интернатский сад.

Зина подошла к нему, поздоровалась. Яшка вытер рукавом вспотевший лоб, поднял голову, слегка улыбнулся. Зине показалось, что веснушки на его широком носу побледнели, и сам он, чисто умытый, подстриженный, подтянутый ремешком, выглядел неплохим парнем.

— Как живется? — спросила Зина.

— Ничего, живем,— ответил Яшка и снова принялся красить изгородь,— работа есть, скучать некогда.

Он оглянулся на других ребят, тоже с ведерочками красивших изгородь.

— Э, малявки, отстают. Я сейчас закончу свой участок — и все. Сеанс окончен.

— А потом гулять?

— Гулять? Что я, маленький? Там у меня... проявлять надо. У нашей Татьяны Даниловны день рождения — фотографию хотим ей подарить.

— Ну и хорошо. До свиданья,— сказала Зина и пошла со двора.

Яшка с недоумением посмотрел ей вслед: почему же она пришла, постояла у изгороди и пошла обратно? Зачем же она тогда приходила?

— Я тебя навестить приходила,— обернувшись, улыбнулась Зина.

Яшка недоверчиво хмыкнул:

— Ну, да еще! Кто это будет из-за меня приходить!

— Я буду приходить.

Яшка опустил глаза, сквозь веснушки на его щеках проступил румянец, и он принялся усердно работать кистью.

— Ну... Коли делать нечего... Тогда, конечно.

— Эх, ты! — с упреком сказала Зина.— А когда это бывает, чтобы человеку делать было нечего? И потом, что ты думаешь, дела важнее человека?..

...А сегодня рано утром вместе с газетами Зина получила от Яшки открытку с яркими настурциями. На открытке накарябано поздравление:

«Поздравляю с первым школьным днем. Я тоже обещаю хорошо учиться. Мне только взяться. Яков Клеткин».

И в уголке мелкими буквами написано: «Спасибо».

Эта открытка лежала сейчас в школьной Зининой сумке. Это скупое «спасибо» было для нее дороже, чем самый дорогой подарок.

Около школы уже толпились ребята — и маленькие и большие. Встречались, здоровались, окликали друг друга, смеялись.

— Вон Васька Горшков машет нам! — сказала Фатьма и сама начала размахивать своим букетом.— А вон и Сима и Андрюшка... Эй, здравствуйте! Здравствуйте!

Фатьма побежала им навстречу. Зина тоже рванулась было за ней. Но ребятишки, ухватившись кто за рукав, кто за фартук, завопили на разные голоса:

— Ты с нами! А мы как же? Мы тебя не пустим!

Зина остановилась, поглядела в их встревоженные глаза и усмехнулась:

— С вами, с вами. Куда же я без вас?

Зина шла, окруженная ребятишками, и в сердце ее росла горячая добрая радость.

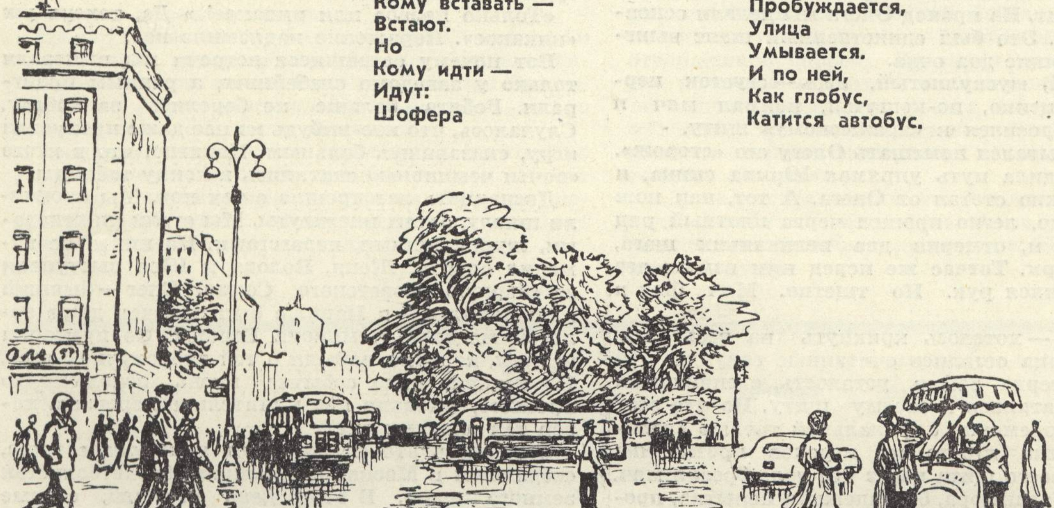
«Личное счастье! — думалось ей.— Разве вот это не личное счастье? И разве можно быть счастливым, если увидишь чужую беду и пройдешь мимо? Нет, видно, тогда по-настоящему может радоваться человек, когда и все вокруг него радуются. Вот это, видно, и есть настоящее личное счастье».

Улица

Игорь ХОЛИН

Рисунок В. Цельмера.

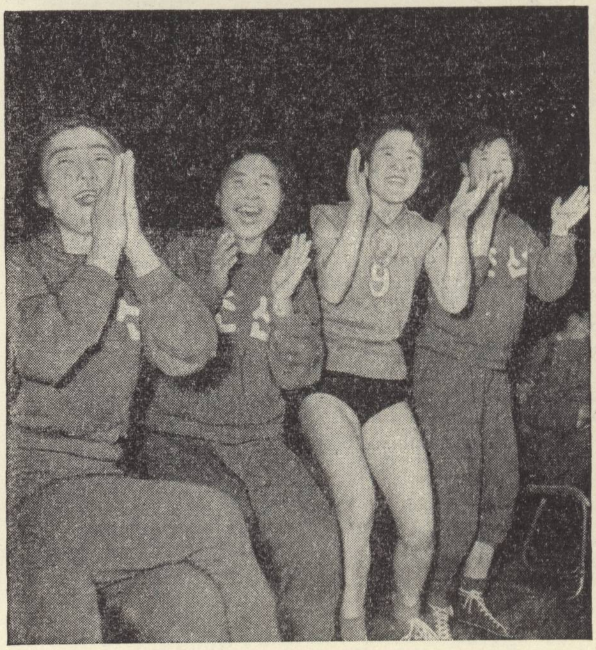
Время — шесть часов утра.
Это
Ранняя пора.
Но
Кому вставать —
Встают.
Но
Кому идти —
Идут:
Шофера
И крановщицы,
Доктора
И продавщицы.
Улица
Пробуждается,
Улица
Умывается.
И по ней,
Как глобус,
Катится автобус.

ШЕСТОЙ ПРИЗ

П. МИХАЛЕВ

Фото А. Бочинина.

На скамье запасных. Корейские девушки шумно радуются: «Мяч у наших!»

Истекала последняя минута баскетбольного поединка. Сборная команда нашей школы проигрывала очко. Возгласы болельщиков слились в сплошной гул. Даже у судей пот градом катил со лба.

Да, матч был необычайно напряженным. Он решал, кому достанется звание чемпиона города среди школьников. И мы твердо верили в победу.

Еще бы! Наши игроки входили в сборную города, не раз выступали на всесоюзных соревнованиях. Можем ли мы проиграть каким-то обыкновенным школьникам! «Только первое или никакое!» — говорили наши ребята.

Потные, взлохмаченные, мы ринулись в последнюю решающую атаку. План этой атаки казался удивительно ясным.

Высокие прыгучие Володя и Женя займут места под корзиной противника. Юра поставил «заслон» игроку, стерегущему Олега, чтобы Олег, капитан команды, мог совершить свой коронный рейд под щит. На проход Олега мы делали основную ставку. Это был единственный шанс выиграть решающие два очка.

Загорелый, мускулистый, весь — сгусток нервов, Олег цепко, по-кошачьи, поймал мяч и стремглав бросился к «вражескому» щиту.

Тщетно пытался помешать Олегу его «сторож». Ему преградила путь упрямая Юрина спина, и он безнадежно отстал от Олега. А тот, как нож сквозь масло, легко прошел через плотный ряд «опекунов» и, отмерив два великаньих шага, взлетел вверх. Тотчас же перед ним взмыл лес защищающихся рук. Но тщетно. Мяч был в кольце!

«Победа!» — хотелось крикнуть на весь зал. Ведь до конца остались считанные секунды.

Наша пятерка, забыв усталость, с сияющими лицами откатилась к своему щиту. Но что это? Почти одновременно с финальной трелью судейского свистка кто-то из игроков противника прямо от своего щита через все поле бросил мяч.

Это была авантюра, безнадежная попытка, продиктованная отчаянием. Но... чего не бывает в спорте! Мяч метеором описал дугу и, словно распоров сетку, прошел нашу корзину.

Вот тебе и считанные секунды!

Понурые, выстроились мы на штрафной линии. Без всякого энтузиазма, как-то заученно прокричали традиционное «физкульт-ура» и гурьбой ушли с поля.

В раздевалке мы тотчас же перессорились. Было ясно, что противник теперь никому не уступит лидерства и это последнее очко решит судьбу чемпионата.

«Только первое или никакое!..» Да, теперь уж «никакое». Поражение надломило нас.

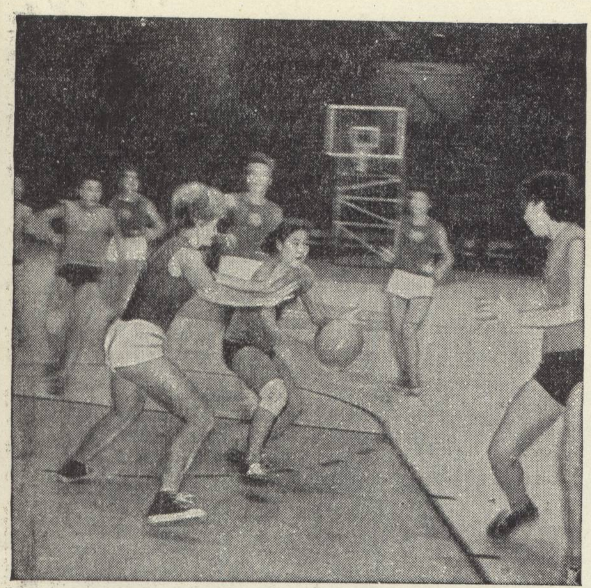
Вот почему оставшиеся встречи мы выиграли только у заведомо слабейших, а равным проиграли. Ребята больше не боролись за победу. Случалось, что кто-нибудь из нас даже пропускал игру, сказавшись больным. Понятно, что в итоге «почти чемпионы» скатились к концу таблицы.

Двенадцать лет прошло с тех пор. Мы окончили школу, затем институты. Мы стали инженерами, журналистами, педагогами. Но никто не изменил спорту. Женя, Володя и Юра выступали за сборную Советского Союза. Олег — бывший наш капитан — в Париже был отмечен даже золотой медалью чемпиона Европы. Со временем все мы, конечно, забыли о той злополучной игре. Но недавно одно событие вновь всколыхнуло прошлое, заставив нас мучительно пережить позор тех далеких дней.

Случилось это на женском чемпионате мира, собравшем в Москве сильнейших баскетболисток земного шара. В этот день все мы, старые друзья, собрались на трибуне.

Арбитры вызвали команды Румынии и Корейской Народно-Демократической Республики.

спорт

В игре. Кореянки овладели мячом. Сзади слева — спешит на помощь атакующим быстрая Лян, «четверка».

С первых же минут на площадке разгорелась борьба, заставившая вспыхнуть страсти и на многотысячных трибунах Дворца спорта.

Миниатюрные, но удивительно стойкие и цепкие кореянки как равные вели поединок с опытными румынками, закаленными в боях. Эти новички чемпионата проявили в игре столько мужества, что даже баскетболистки румынской команды на скамье запасных аплодировали им.

Львиная доля оваций досталась четвертому номеру: смуглой, с блестящими и черными, как смоль, волосами девушке. Ее снайперские броски то и дело поражали цель.

Но вот тревожно пропела судейская сирена, и «карающий» перст арбитра указал на провинившуюся — все ту же «четверку». Лян Кен За, получившая пятое персональное замечание, устало опустилась на скамейку запасных.

Воспрянувшие духом румынки мгновенно сравняли счет, а затем вышли вперед. И вот уже гордо звучит гимн их страны. Замерли шеренги спортсменок. Флаг медленно скользит вверх, выхваченный из полумрака лучом прожектора.

Наступила минутная тишина. Вдруг ее нарушили всхлипывания. По-детски растирая загорелым кулачком слезы, плакала восемнадцатилетняя Лян Кен За.

Нет, она не плакса. У себя в родном Пхеньяне Лян — гроза шоферов-лихачей. Ее полосатый жезл регулировщика, как шлагбаум, неумолимо встает на пути всех нарушителей правил уличного движения. Да, твердый сержант милиции отнюдь не плакса. Просто Лян обидно, нестерпимо обидно, что упущена победа.

Но слезами горю не поможешь. Наутро болельщики были свидетелями нового «боя», который юные кореянки на этот раз дали чемпионкам Европы — прославленным болгарским баскетболисткам. Обладательницы золотых трофеев, болгарки шли триумфально, без поражений. Но тут они споткнулись о стойкость новичков. На отдых после первого тайма кореянки ушли победительницами — 28 : 24.

Ценой невероятных усилий болгарки лишь на последних секундах вырвали победу со скромным перевесом. И когда звучал гимн Болгарии, Лян уже не плакала. Лян была горда.

Подошел вечер торжественного закрытия чемпионата. Звонкие фанфары возвестили победу сборной СССР, ставшей чемпионом мира. Серебряные и бронзовые медали украсили майки болгарских и чехословацких девушек.

Но это были не единственные награды. Одна за другой подходили к главному судье баскетболистки разных стран, получая из его рук личные призы. Кто — за наивысшую меткость, кто — за наилучшую технику игры, кто — как лучший предводитель атак. Пять сувениров отметили мастерство баскетболисток.

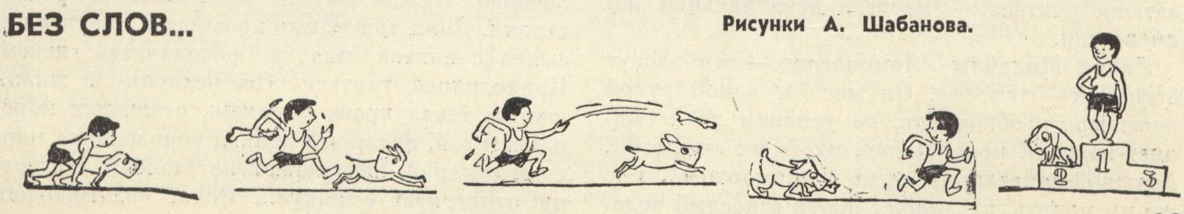
Наконец на столике осталась только одна хрустальная ваза. Кому она предназначена? Ведь призы заранее объявлены, известно, что их пять, и они уже вручены владельцам.

Загадка разрешилась быстро. К столику вызвали Лян Кен За и ее подруг — команду, которая не одержала ни одной победы, но каждую из них уступала лишь в честной, упорной, самоотверженной борьбе. Кореянки покорили всех. Вот почему экспромтом, в последний момент, было решено утвердить новый, шестой приз «за мужество» специально для них. Вот почему журналисты назвали московский турнир «чемпионатом без слабых».

...Да, в спорте важны не только завоеванные очки и забитые голы. Есть нечто другое, более важное, закаляющее характер людей, формирующее их души.

БЕЗ СЛОВ...

Рисунки А. Шабанова.

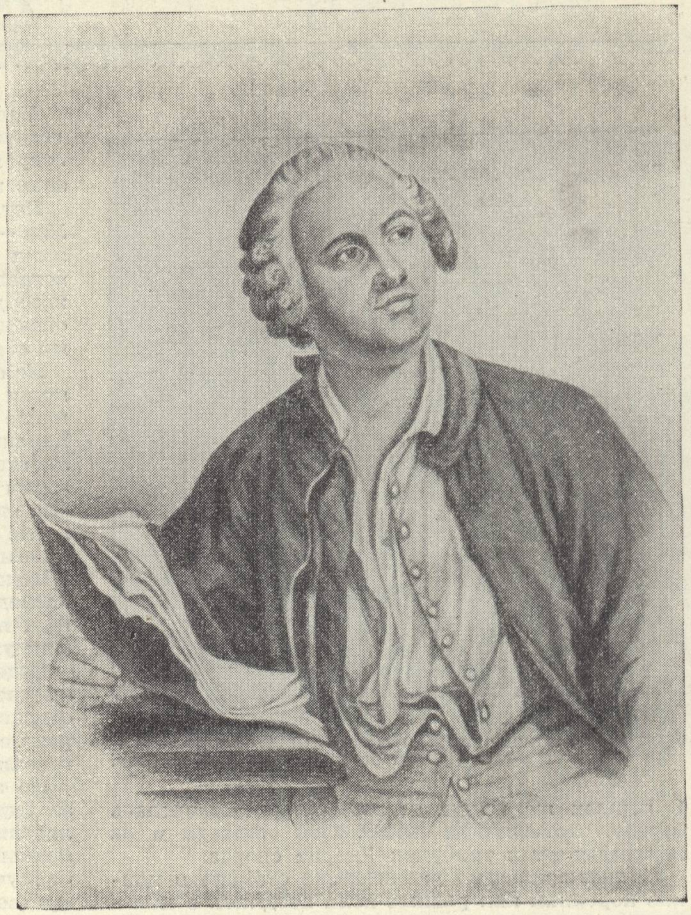

Ю. НОВИКОВА

Жизнь— подвиг

К 250-летию со дня рождения

М. В. Ломоносова

БЛАГОРОДНАЯ УПРЯМКА

Мы с вами вряд ли назвали бы это помещение классом... Представьте себе низкую, полутемную комнату, свет с трудом проникает сквозь узкие монастырские окна. Зимой здесь стоит лютый холод, пар клубами вырывается изо рта учителей и учеников. А ученики!.. Какой разношерстный народ собрался здесь, в Спасских школах, как запросто называют в Москве «Греко-славяно-латинскую Академию». Здесь и двенадцатилетние ребята и «недоросли» куда постарше. Но даже и среди самых рослых выделяется богатырская фигура с открытым, мужественным обветренным лицом.

— Смотри какой!.. В двадцать лет пришел латыни учиться! — тычут в него пальцем насмешники.

Лицо Михайлы Ломоносова — так зовут богатыря — темнеет. Он мог бы одной рукой расшвырять обидчиков, но усилием воли смиряет горячий нрав. Ладно, пусть их смеются!.. Должно, привели их сюда силком отцы... Где же им понять, как может почти взрослый человек по доброй воле сесть на школьную скамью, да еще совершить для этого долгий вьюжный путь, прийти в Москву пешком с берегов Северной Двины!.. Ни славы, ни почета Михайла не ищет. Какая там слава! Видел он у себя на Севере, как маются в жизни ученые люди. И все же не мог он поступить иначе... Вопреки воле отца ушел из родной деревни, даже скрыл свое происхождение: ведь крестьянских детей в академию принимать не велено. И вот он в Москве.

...Это было в январе 1730 года. Именно тогда добрался наконец до златоглавой столицы будущий великий поэт и ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Москва встретила его неласково. Ну, да ему не привыкать к препятствиям. Дома тоже было не сладко... Застав пасынка с книгой, мачеха распалялась гневом. Приходилось таиться. Но недаром в жилах юноши текла кровь упрямых, отважных мореплавателей, недаром сызмала боролся он с морской стихией, швырявшей из стороны в сторону отцовскую «Чайку»... Воля, «благородная

упрямка» одолела все. Как ни злилась мачеха, Михайла выучил назубок «Арифметику» Магницкого и «Грамматику» Смотрицкого. Да не только выучил, а уразумел суть, упорно продираясь сквозь дебри непонятных, мудреных слов.

И вот он в Академии. Стойко переносит он насмешки и несказанную бедность. Легко ли здоровому парню прокормиться на три денежки в день!.. И как назло тут же, возле самой Академии, на Красной площади, кипит торг.

— Сбитень, сбитень горячий! — звонко предлагает свой напиток сбитенщик.

Заманчиво пахнет подовыми пирогами. Но хотя юноша постоянно голоден, больше всего прельщает его другой товар, разложенный тут

же на столах. Книги, книги — вот что манит к себе Михайлу Ломоносова. К ним влечет его неудержимая страсть...

ГОДЫ УЧЕНИЯ

Жажда знания — так называется эта страсть. «Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей»,— писал о Ломоносове Пушкин.

Эту страсть нельзя было не заметить. И как бы ни относились к «безнатному» и непоклончивому юноше профессора Академии, они не могли не признать его блестящих дарований, его беспримерной любви к учению. В числе лучших Михайло Ломоносов был послан в Петербургскую академию, а затем за границу, в Германию, обучаться горному делу.

Жадно набирается он знаний. И — таково свойство его живого ума — он ищет знания не только в книгах.

«Естественную историю нельзя изучать в кабинете, нужно самому в разных рудниках побывать»,— горячо утверждает он. И в этих словах перед нами встает будущий Ломоносов, неутомимый исследователь тайн природы.

Молодой «московит» вовсе не склонен восхищаться всем, что видит в иноземных странах. Насмешливо наблюдает он за человеком с «волшебной вилкой»: этот заколдованный инструмент будто бы сам находит руду под землей... Ясный разум молодого ученого не желает признавать волшебства. Уже тогда, видимо, зреет у Ломоносова мысль, что законы природы можно и должно познать разумом... Во имя человеческого разума вступит он в спор с представителями старой науки и будет всю жизнь неутомимо, словом и делом, бороться с гонителями наук, с духовенством, со всяческими мракобесами... В этой борьбе он истратит немало сил, но не уступит ни пяди.

Но пока что он учится и зорко присматривается к иноземной жизни. Чутко откликается он на человеческие страдания... Его волнует положение детей на рудниках, тех, что «в нежном своем возрасте тяжкой работой... здоровье тратят и на всю жизнь себя увечат...». Разве не чувствуется в этих словах будущий поэт Ломоносов, тот, кто позднее в своем стихотворном «Письме о пользе стекла» с горячим сочувствием вспомнит о горькой участи американских индейцев, загубленных жестокими завоевателями?..

ПОЭТ ИЛИ УЧЕНЫЙ!

Но кем же все-таки стал Ломоносов, поэтом или ученым? Что было дороже ему: наука или искусство?..

На этот вопрос можно, пожалуй, ответить так: Ломоносов был великим поэтом-ученым. Крылатое воображение поэта помогало ему делать научные открытия, опережавшие его время на сотни лет. Поэзия помогала прославлять науку.

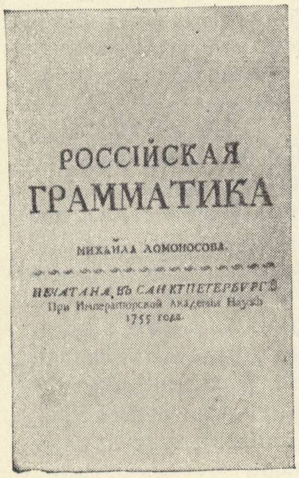
Труды поэтические идут у Ломоносова рука об руку с научной работой. Из Германии, где он изучает металлургию, Ломоносов шлет в Россию патриотическую оду в честь победы над турками. Эта ода, сделавшая переворот в русском стихе, начинается такими строками:

Восторг внезапный ум пленил.
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл
В долине тишины глубокой...

Конечно, сейчас, более двух веков спустя, нам трудно понять восторг некоторых современников, читавших оду на взятие Хотина. Но тогда стихи звучали пленительно ново... Сравните строки Ломоносова хотя бы с такими:

Чрезвычайная летит — что за перемена.
— Слава носящая ветвь финика зелена.

Правда, неудобочитаемо и непонятно? А ведь именно эту оду другого стихотворца царица Анна Иоанновна и ее придворные предпочли стихам Ломоносова. Может быть, эти неуклюжие строки пришлись им по вкусу отчасти потому, что были написаны по правилам привычного слогового стихосложения.

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
НАПЕЧАТАНА, ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

С этим старым «слоговым», «силлабическим» стихом и вступил в борьбу поэт Ломоносов. Первооткрыватель в науке, он стремился обновить и русскую поэзию, облегчая ее звучание и язык. Красотой родного, русского языка Ломоносов не уставал восхищаться. Он находил в нем «великолепье испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость латинского и греческого».

Но Ломоносов был новатором не только в области поэтической формы. Он пытается внести новое и в содержание торжественных стихотворений — од. Конечно, и в ломоносовских одах, как в то время было принято, восхваляются цари. Но если мы вчитаемся в эти восхваления, то увидим их особый характер.

Ломоносов не столько прославляет, сколько наставляет царей, внушает им мысли о пользе просвещения... Не случайно в оду, посвященную Елизавете, он вводит хорошо известные вам стихи о науках, которые «юношей питают, отраду старым подают»... Должно быть, все вы учили наизусть этот гимн о науке, обращенный к будущим русским «Платонам и быстрым разумом Невтонам», и, может случиться, эти стихи казались вам слишком торжественными, далекими...

Но представьте себе ту эпоху, полную суеверий, пышный двор, царицу, помышляющую только о своих забавах... Вообразите себе все это, и совсем иначе прозвучит для вас твердый голос поэта, вчерашнего крестьянина, смело напоминающего «самодержице» о талантах, скрытых в народе...

Удивительно преобразил Ломоносов и так называемые «духовные» оды. Вместо того, чтобы прославлять «божье величье», как полагалось бы в таких стихах, он опять-таки славит разум человека. Именно в этих стихах страстная пытливость смелого исследователя природы сказалась с особой силой. Поэт горячо переживает то, к чему устремляется мыслью ученый. Северному сиянию, не раз виденному в детстве, Ломоносов-поэт посвятил звучные, величественные строки. Ломоносов-ученый первый объяснил причины этого явления.

Иной раз догадка поэта опережает мысль ученого.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов.
Там вихри пламенны крутятся...
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят,—

писал Ломоносов о солнце.

«Пламенны вихри» и «горящи дожди» на солнце были как будто лишь поэтической фантазией. Но прошло время, и астрономы узнали, что в светоносной оболочке солнца действительно возникают вихри...

А совсем недавно ученым, изучающим солнце, стало известно явление, весьма напоминающее «дожди горящи»...

МОГУЧИЙ ГЕНИЙ

Ломоносов говорил, что лучший способ похвалить великого человека — перечислить его труды, если только возможно... Слова эти удивительно подходят самому Ломоносову. Чтобы дать представление о его значении, достаточно было бы привести полный перечень его трудов. Но это, и вправду, почти невозможно.

«Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник, стихотворец, он все испытал и все постиг,— писал о нем Пушкин.— Он создал первый наш университет, он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Пожалуй, нет ни одной области русской культуры, в которой по праву не упоминалось бы имя Ломоносова. Его научные заслуги огромны. Он открыл основной закон современной химии — закон сохранения вещества. Убежденно отстаивал существование мельчайших частиц — атомов, страстно спорил с учеными, объяснявшими явление горения наличием особого вещества — «флогистона». Он заложил основы новых наук: физической химии, экономической географии. Сделал ценнейшие открытия в астрономии, геофизике, землеведении. Действительно, всего не перечислишь...

Две мысли, два горячих чувства руководили им во всех делах: убежденность во всемогуществе человеческого разума и великая любовь к отечеству, к своему народу. Ради славы родной земли, ради ее процветания не щадил он своих сил.

Ломоносов умер в «золоченой опале». Новая царица, Екатерина Вторая, отнеслась к нему с неприязнью. Враги Ломоносова подняли голову... Но он думал не о себе. Об одном тревожился он, умирая, «что не совершил всего того, что предпринял для пользы Отечества», одного опасался, что многие его полезные начинания исчезнут вместе с ним...

Этого не случилось. Труд Ломоносова живет в науке, в нашем быту, в нашем языке. Какое дело не изберете вы в жизни, вы наверняка встретитесь с плодами этого труда. Да и сейчас вы постоянно сталкиваетесь с ними. Раскрывая школьные учебники, вы произносите слова «минус», «квадрат», «удельный вес»... Эти слова в том звучании, которое вы знаете, ввел в наш научный язык Ломоносов. А слово «горизонт»? А термин «огнедышащая гора»? Как великолепно сочетались в этом образном определении точный глаз ученого и изобразительная сила поэта!..

Здание кунсткамеры, в котором расположен музей М. В. Ломоносова. Ленинград.

О жизни Ломоносова писали многие писатели и исследователи. Сейчас, когда со дня его рождения исполнилось двести пятьдесят лет, появятся и новые книги. Прочтите хоть две-три из этих интересных книг. Только тогда вы оцените по-настоящему, как велик и труден был жизненный подвиг этого гениального человека, и поймете, что прав был Белинский, писавший о Ломоносове: «Юноши с особенным вниманием, с особенной любовью должны изучать его жизнь».

О ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

В одном московском доме целую неделю жил медвежонок. Настоящий медвежонок из леса. Его привез с охоты писатель **Марк Семенович Ефетов.**

О том, как он нашел в берлоге медвежонка, как этот маленький лесной житель жил в городской квартире, спал в ящике, сосал из бутылки молоко и восхищал ребят со всей улицы, писатель и задумал рассказать в книжке **«Валдайские колокольцы».**

Но вышло как-то так, что хотя обо всем этом автор написал, и очень подробно, а книжка-то получилась не только о медвежонке, а о многих других интересных и важных вещах. Потому что настоящие писатели видят и замечают то, что у других проходит порой мимо глаз.

Так и здесь. Марк Ефетов ехал на Валдайскую возвышенность, охотился на медведицу, возился с медвежонком, а сам примечал, каким стал теперь прежний захолустный городок, какие люди в нем живут, чем занят секретарь райкома. И получилась книжка не столько об охоте, сколько о хороших советских людях. И читать эту книжку нельзя без волнения и гордости. До чего же славные люди в нашей стране!

Кто из вас может точно сказать, чем занят с утра до поздней ночи секретарь райкома? А из этой книжки вы узнаете, что нет ни одного большого дела в вашем районе, в вашем городе, которое делалось бы без его заботы и помощи.

В том городке, где побывал писатель, секретарем райкома работает чудесный человек, герой войны с фашистами, знаменитый снайпер Яков Федотов. На войну он ушел безусым парнишкой, но сумел так насолить гитлеровцам, что те обещали большую премию тому, кто сумеет его убить, и шесть раз печатали в своих газетах, что это совершилось. А Федотов продолжал уничтожать фашиста за фашистом.

У этого человека и гостил писатель и видел, как с утра до вечера тянутся к Федотову люди, звонит телефон.

В одном селе школу никак не могут отремонтировать, а из другого приглашают на елку в детский дом. На молокозаводе не хватает цистерн для молока, а в артели плохо делают грабли. Там девочка осталась сиротой, надо о ней позаботиться, а там лучший тракторист просит перевести его в отстающую бригаду, чтобы помочь и ей стать передовой.

И до всего Федотову дело. Потому что он коммунист. А коммунист — это такой человек, которого все касается.

Таких хороших людей у нас много в каждом городе, в каждом селе. Стоило заблудиться в лесу городскому мальчишке Славе, как на помощь ему пришли люди со всех сторон. Они бросили свои дела, забыли и об отдыхе после работы и прочесывали дремучий лес, пока не нашли пропавшего.

И об этом тоже рассказано в «Валдайских колокольцах».

Написана эта книжка с хорошей, доброй улыбкой. Читать ее приятно и радостно.

А. ДОРОХОВ

Почемучкам о завтрашнем дне

Сядем рядом, дружок, и поговорим о хорошей книжке. Помнишь книжку Бориса Степановича Житкова «Что я видел» про мальчика Алешу по прозванию Почемучка? Алеше все было интересно, и он поминутно спрашивал у старших: «Почему?»

Мне пришла на память эта книжка оттого, что все ребята на свете такие же почемучки, как Алеша в житковской книжке, и каждую минуту жизнь вызывает у них новые и новые «почему».

Ты, конечно, дружок, тоже почемучка! Так вот, знаешь ли ты, что вышла книжка как раз для тебя! Книжка, которая, как по-щучьему веленью, отвечает на вопросы, которые ты уже задал или еще только собираешься задавать. Книжка так и называется: «33 ответа на 33 вопроса», и, по правде говоря, она как раз потому и появилась на свет, что живут во всех уголках нашей страны почемучки, и задают свои вопросы, и хотят про все знать.

Вот, например, в Издательство детской литературы пришло от

ребят много тысяч писем с вопросами. Почемучки задавали вопросы о великом плане, о том, как все будет, когда он выполнится и настанет коммунизм. Ты, конечно, тоже хочешь знать про это! Может, тебя, как Иру Новикову, интересует, что такое душа населения и почему этой душе каждый год нужно двести с лишним килограммов стали!

Или тебе хочется знать, как Ларе Антроповой, умеет ли электронная машина решать задачи для пятого класса! Или про шахты без шахтеров! Или как токарный станок читает чертежи!

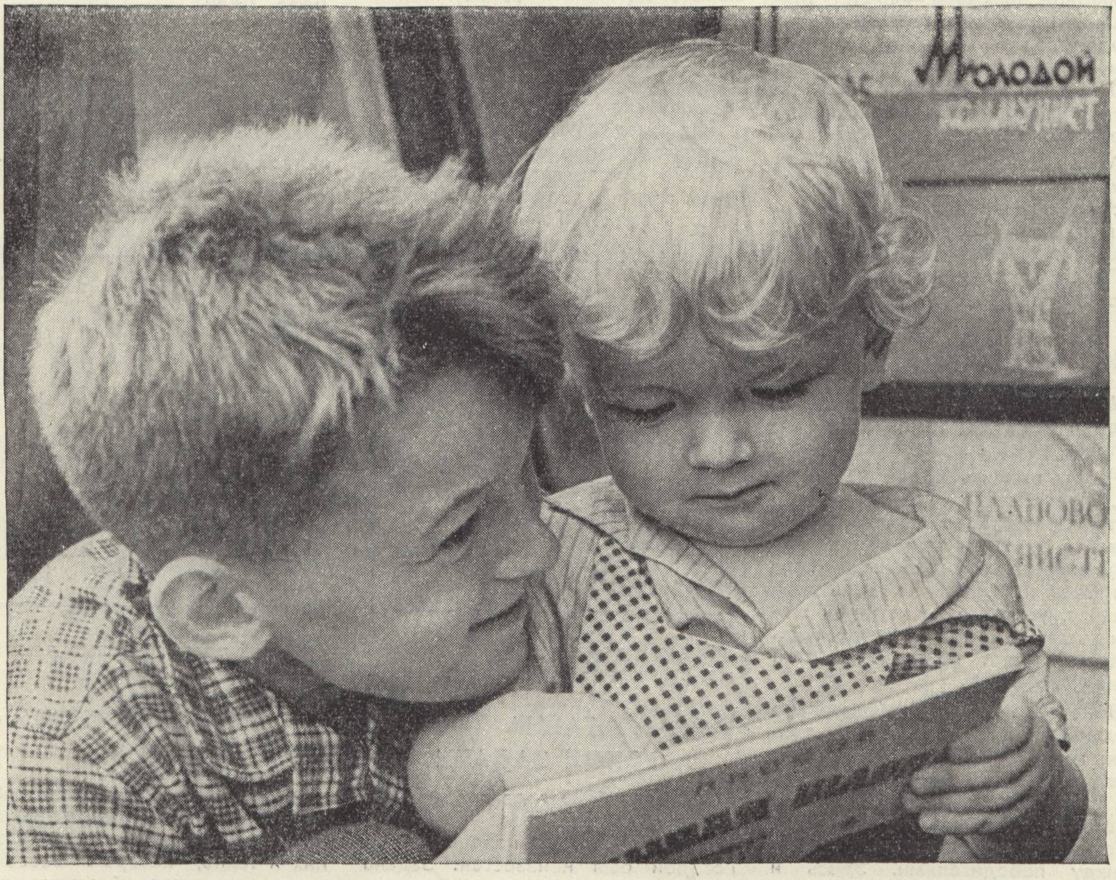
Все это есть в книжке! Ты узнаешь про шагающие под землей, в рудничных штреках, крепежные столбы, про роботов-невидимок, про 280 новых городов. Ты узнаешь, как помидоры сами за собой ухаживают и как трактор пашет сам по себе. Узнаешь о домах, которые строятся, начиная прямо с крыши, о стеклянных платьях и платьях из еловых бревен, об электронном докторе, о шелковых и шерстяных реках и о многом другом.

Из ответов на вопросы ребят у авторов этой книги И. Дубровицкого и В. Орлова получился рассказ о нашем близком и прекрасном будущем, о том, как Советская страна шагает в коммунизм.

Эта книга понравится тебе да и всем другим почемучкам. Ты непременно ее прочитай!

Е. РУБЦОВА

«Красивые картинки, правда? А что тут за буква, круглая, как бублик? А эта, похожая на молоточек? Не знаешь? Ничего! Вот подрастешь, выучишься — будешь тогда книжки читать, как я!»

Фото В. Воронина.

В СЕЛЕ КАНУКОВО

Вот какое письмо прислал мне из села势Кануково (Сарпинский район, Калмыцкой АССР) Миша Дудкин.

«Многие ребята у нас в селе полюбили шахматы,— пишет Миша.— Участвуем в соревнованиях, что проходят в стране шаха. Летом, правда, тренировались мало: было горячее время на уборке хлебов. Все ребята помогали взрослым.

А теперь в школе снова займемся и шахматами. Раньше у нас не было школьного кружка. Мы решили обязательно организовать такой кружок.

Просим рассказать, как лучше провести первенство школы».

КТО ЧЕМПИОН ШКОЛЫ?

Друзьям своим из села Кануково и всем другим ребятам хочу дать такой совет.

Чтобы выявить чемпиона школы, лучше всего начать проводить первенство в классах. Организуйте турниры при одиннадцати-двенадцати участниках. Если в классе нет стольких любителей шахмат, устройте турнир при шести участниках; только тогда пусть ребята играют по две партии между собой.

В каждом турнире обязательно должен быть свой судья. Он должен вести таблицу результатов и следить за тем, чтобы игра велась по правилам и без споров. Когда пройдут турниры по классам, проводится общешкольный турнир между победителями. Здесь и определится, кто чемпион школы.

Таблицы всех турниров надо послать в Совет спортивных обществ и организаций, чтобы ребятам присвоили спортивные разряды.

1 700 РАЗРЯДНИКОВ

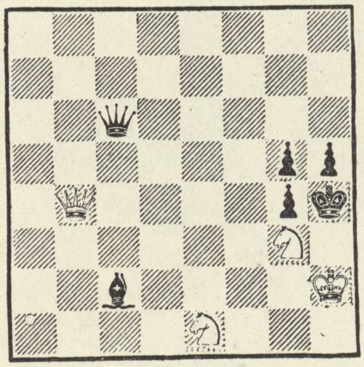
Вот сколько шахматистов, имеющих спортивные разряды, подготовили за два года сами ребята в Оренбурге! Турниры юных любителей шахмат устраивают общественные инструкторы, воспитанники шахматного клуба Оренбургского Дворца пионеров.

Умело ведут массовую работу в школах и пионерских лагерях Саша Цветков, Женя Леванов, Вова Новиков, Миша Заранкин, Иосиф Рашбаум, Нина Назарова и Рита Ошерович. Рита и сама добилась хороших спортивных результатов. Она получила второй разряд и стала чемпионкой области среди девушек.

Рад успехам оренбургских ребят и награждаю их шахматный клуб грамотой «ферзя и ладьи».

Недавно в Оренбурге состоялись областные соревнования команд Домов пионеров. Участвовали 15 команд. Первое место заняли оренбуржцы. Хорошо выступили ребята из Бугуруслана, Ново-Троицка, Бузулука, Соль-Илецка и Сорочинска.

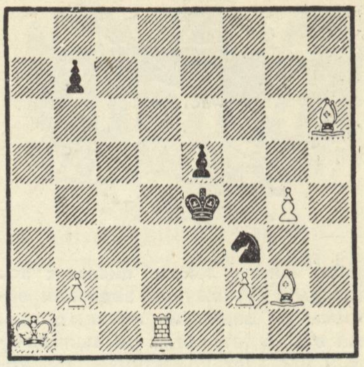
Ряд интересных партий сыграл бузулукский пионер Гена Портнягин. Гена увлекается и составлением задач и этюдов. Попробуйте решить задачу Гены Портнягина.

В этом положении белые дают мат в три хода черному королю.

ТАЙНА ОДНОЙ ЗАДАЧИ

В начале 1845 года в одном из шахматных журналов появилась присланная из Индии задача, автор которой был неизвестен. Задача очень понравилась любителям шахмат оригинальностью своего замысла и красотой решения.

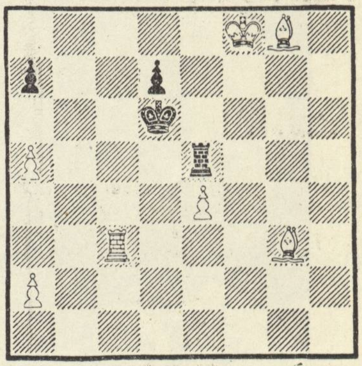

Как дать здесь мат в четыре хода? Оказывается, единственный путь к цели — отступление слона на c1. Затем белые блокируют черную пешку b7, третьим ходом играют ладьей на d2, вынуждая черного короля стать на f4. Тогда к мату ведет двойной шах ладьей на d4.

Долгое время автор этой интересной задачи оставался неизвестным. Наконец тайна раскрылась: задачу составил Г. Ладвей из города Дели.

Тема этой задачи названа была индийской. Уже более ста лет задачи на «индийскую тему» привлекают внимание шахматистов.

Много таких задач получаю и я от ребят. Попробуйте решить задачу, которую прислал мне ученик шестого класса 24-й школы города Малая Вишера Валя Платонов.

В этой позиции белые дают мат в 3 хода черному королю.

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ

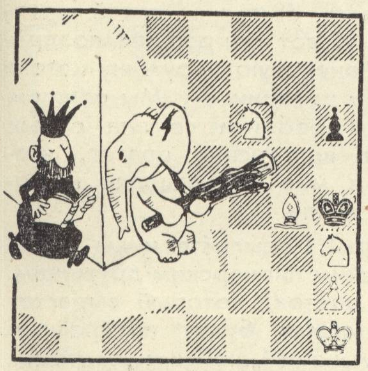
Бывает так: составляют ребята задачу, разместят на доске почти все фигуры и пешки; есть среди них и такие, которые вовсе не нужны для матовой атаки, есть и такие, которые выполняют одну и ту же работу. А ведь недаром го-

ворится: «Мал золотник, да дорог». Даже каждая пешка может сказать в шахматной позиции веское слово.

У хороших мастеров в задачах фигур и пешек мало, а комбинаций много. Этому надо учиться.

СЛОН В ЗАСАДЕ

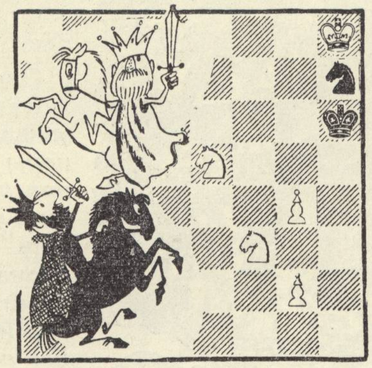
Это задача известного русского мастера А. Галицкого. Она тоже составлена на индийскую тему.

Найдите, как здесь белые дают мат в четыре хода черному королю.

ПОЕДИНОК НА КОНЯХ

В следующей задаче А. Галицкого белый и черный короли ведут поединок на конях. Ловко маневрируя, белые могут, начав игру, дать мат в 3 хода черному королю. Каким образом?

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ!

Кто из великих русских писателей был не только большим любителем шахмат, но и принимал участие в крупных соревнованиях? Писатель этот был вице-президентом Международного шахматного конгресса в 1870 году. Знаете ли вы произведение этого писателя, в котором есть следующие строки:

«Я с детских лет пристрастился к шахматам. О теории не имел понятия, а играл недурно. Однажды в кофейной мне пришлось быть свидетелем продолжительной шахматной баталии между двумя игроками, из которых один, белокурый молодой человек лет двадцати пяти, мне показался сильным. Партия кончилась в его пользу; я предложил ему сразиться со мной. Он согласился... и в течение часа разбил меня шутя три раза сряду.

— У вас есть способности к игре,— промолвил он учтивым голосом, вероятно, заметив страдание моего самолюбия,— но вы дебютов не знаете. Вам нужно книжку почитать Альгайера или Петрова.

— Вы думаете? Но где я могу такую книжку достать?

— Приходите ко мне, я вам дам».

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даю приказ всем оруженосцам своим провести в школьных шахматных секциях конкурсы на решение четырех задач из этого номера. А ребята, которые пришлют мне не позднее чем через месяц после получения журнала подробные и правильные решения всех задач и ответы на вопросы мои, получат грамоту «ферзя и ладьи».

ПОЖАЛУЙСТА!

Г. МАМЛИН

Мы из нашего отряда
Выделяем мастеров.
Обойдет в селе бригада
До обеда пять дворов.

— Вам паять!
Пожалуйста!
— Вам чинить!
Пожалуйста!
Вот сидит с иглой старушка.
Не проходит нитка в ушко!
Вденем нить —
Пожалуйста!

Дед столетний Опанас
Кланяется низко,
Приглашает в хату нас:
Прохудилась миска.

— Вам лудить!
Пожалуйста!..
— Вставить дно!
Пожалуйста!..

Мы с ведром пойдем на речку,
Мы истопим жарко печку
Заодно...
Пожалуйста!

Но приходим мы вчера
К дяденьке Игнату.
— Починить бы мне пора
Обушок у топора,
Только знать бы, мастера:
За какую плату!

— Спрячьте, дяденька, пятак,
Мы работаем за так...

— Вам белить!
Пожалуйста!
— Вам строгать!
Пожалуйста!
Мы выводим даже пятна.
Очень людям нам приятно
Помогать!..
Пожалуйста!

ЦВЕТЫ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖБЫ

Буча — такое же село, как другие венгерские села, но недавно о нем узнали все пионеры Венгерской Народной Республики.

Буча — очень красивое село. Его главная улица и школьный двор утопают в цветах.

Кто же так здорово украсил село?

Вот что мы прочитали, когда нам перевели эту страничку венгерского еженедельного журнала «Пайташ» (по-русски это значит «Пионер»):

«Мы, пионеры Бучи, разбили парк в нашем селе и вырастили в школьном дворе целый сад цветов.

Мы сажаем цветы, потому что очень любим их, но главное, потому, что у нас есть необычный план.

Один пионер нашего села подружился с советским пионером и узнал, что 19 мая 1962 года пионеры Советского Союза будут праздновать 40-летие своей организации. И вот мы решили поздравить пионерскую дружину этого пионера с праздником. Мы пошлем советским ребятам семена самых красивых венгерских цветов, чтобы уже в мае они зацвели на советской земле.

Пионеры! Посылайте и вы семена советским пионерским дружинам. Каждый цветок, который вырастет из этих семян, будет прекрасным символом нашей любви к советским пионерам.

По поручению пионерской дружины № 235 имени Ференца Ракоци

Мария Токач, Ильди Кокинчеш, Эржибет Щоцо, Эва Пойлк и Георг Фаркошинский».

С тех пор редакция «Пайташа» получила очень много писем и телеграмм. Предложение бучских ребят понравилось всем.

Вот одна из телеграмм:

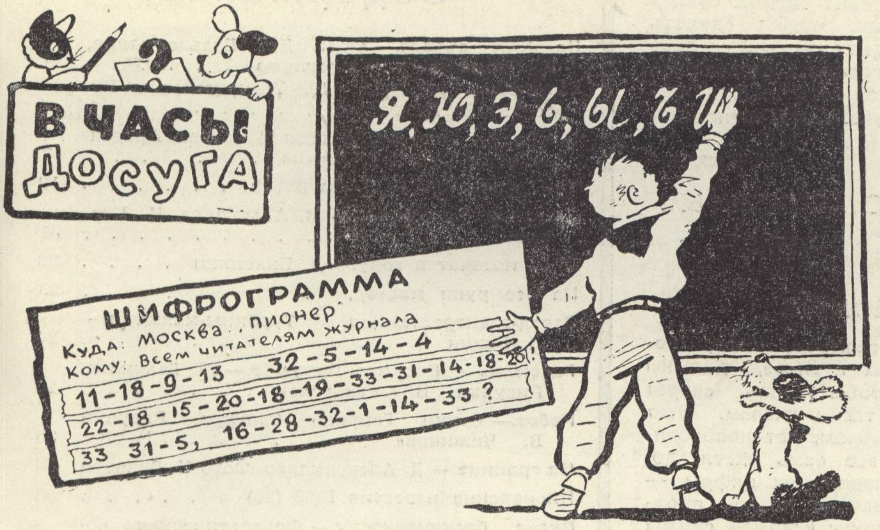
«Мы, пионеры Карцака, присоединяемся к призыву пионеров Бучи. Обещаем, что пошлем советским пионерам семена красивейших венгерских цветов».

Сейчас в редакции журнала «Пайташ» уже много посылок с семенами. Их пора высылать советским ребятам. Но по каким адресам?

По просьбе редакции «Пайташа» мы обращаемся к нашим читателям. Кто хочет вырастить венгерские цветы, пусть срочно напишет нам в редакцию. Мы перешлем ваши письма в журнал «Пайташ». В своих письмах обязательно расскажите, какой у вас климат, какие цветы вы уже выращивали.

Пусть каждое семечко, присланное венгерскими друзьями, попадет на добрую почву, пусть ярко расцветут цветы пионерской дружбы!

О ЧЕМ МЕЧТАЕТ ЭТОТ МАЛЬЧИК?

Свою заветную мечту мальчик, пишущий на доске, выразил в шифрограмме, адресованной всем читателям нашего журнала. И надо полагать, неспроста начал он выписывать на доске буквы алфавита: не иначе, как в них-то и заключен секрет его головоломки. Попытайтесь расшифровать ее. А кстати, выскажите и свое мнение: не мечтаете ли вы о том же?

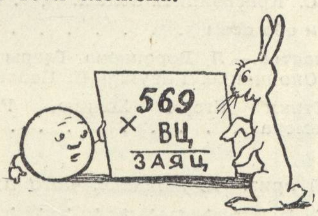
Тему задачи предложил Витя Строителев из города Барнаула

КОЛОБОК-ЗАТЕЙНИК

...Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, Куцый, а реши-ка лучше задачку. Про тебя сложена:

— И впрямь про меня,— удивился заяц.— А как же ее решать?

— Заменить буквы цифрами, только и всего.

Принялся заяц решать задачу, а колобок не стал дожидаться, дальше покатился. Навстречу ему волк:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Погоди, Серый, меня есть, реши-ка сначала задачку. Про тебя и про зайца сложена:

Видит волк, в самом деле про него задача. Поскреб лапой в затылке, принялся решать. А колобок не стал дожидаться, дальше покатился. Навстречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой ты пышненький да румяненький, любо на тебя смотреть. Куда путь держишь?

— А вот качусь себе по дороге — куда приведет, туда и ладно.

— Ай да молодец, лучше и не придумаешь! Так отдохни малость да потешь меня чем-нибудь.

— Изволь. Реши-ка задачку, про тебя да про волка сложена:

Где лисе с такой задачей справиться! Да только она и ухом не повела, глазом не моргнула:

— Вижу я, мастер ты, колобок, задачи составлять. Да умеешь ли сам-то их решать?

— А то нет? — обиделся колобок.

— Так сосчитай, пожалуйста, сколько это будет, если сложить меня и волка, да еще и зайца в придачу?

— А что ж тут такого! Вот смотри:

Стал колобок итог подводить, да только и успел под чертой число единиц написать. Лиса его — гам! — и съела.

Так и осталась та задача нерешенной.

Вся надежда теперь на наших читателей: не напишут ли они четырехзначным числом сумму этих трех слагаемых? Конечно, чтобы сделать это, сначала надо решить задачи, заданные зайцу, волку и лисе. И уж если говорить по совести, так из этих трех задач трудней всех та, что зайцу досталась. Кто ее одолеет, тот над остальными не задумается.

Н. Васильев

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 9

ЖИВОЙ АРИФМОМЕТР

Как уже отмечалось в «подсказках», числа, которые выписываются на гранях кубиков, должны быть тщательно подобраны. Чтобы понять секрет фокуса, нужно знать ключ к таким числам. Этот ключ — число 70. Владея ключом, нет необходимости полностью складывать все семь чисел, достаточно сложить только последние их цифры — единицы. Получившееся двузначное число представляет собою десятки и единицы искомой суммы (если число окажется однозначным, перед ним ставится ноль). Остается найти две первые цифры искомой суммы — для этого нужно вычесть из 70 найденное вами двузначное число; разность даст вам тысячи и сотни искомой суммы семи чисел. На все это потребуется несколько секунд.

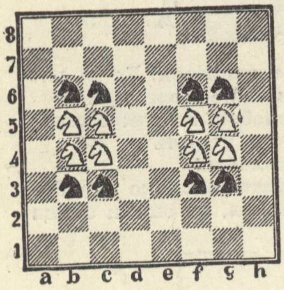
Вот и разгадка загадочной формулы «70—x».

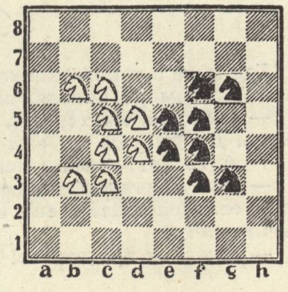
В примере, изображенном на рисунке к фокусу, складываются числа 138, 479, 512, 841, 685, 258 и 721. Сумма последних цифр составляет 34 (8+9+ +2+1+5+8+1=34). Это значит, что искомая сумма семи чисел будет оканчиваться на 34. Вычитаем из 70 число 34, получаем 36. Искомое число — 3 634.

При перечислении чисел на третьем кубике в тексте задачи пропущено число 487.

ТАБУН КОНЕЙ

Вот два варианта решения этой задачи:

Содержание

На XXII съезде.— Фото Дм. Бальтерманца, Я. Рюмкина, Д. Ухтомского 1
Замерзшая рябинка.— Ю. Алешковский. Рисунки Е Медведева 4
Вожатая.— Повесть Алексея Мусатова. Продолжение. Рисунки В. Юдина 9
Три триллиона.— М. Васильев 18
В долине Паужетки. — В. Аверьянов, К. Петров. 21
Вода потечет в гору.— Д. Биленкин 22
На все руки мастер. 23
Завод-электростанция. Турбины-малютки.— Л. Репин 24
Рассказы о Патрисе Лумумбе.— Ю. Гаврилов. Рисунки В. Федяевской 25
Робот.— Стихи Генриха Сапгира. Рисунки В. Чижикова 35
На границе.— Д. Александров. Фото И. Гричера 36
Пионерские известия № 8 (20) 38
Пульс бесконечности.— Фантастическая повесть В. Бабулы Перевела с чешского Л. Големба. Рисунки Н. Кольчицкого . . 40
Снежное утро. — Стихи Риммы Галинской . . 48
Смело и бодро вперед! — Л. Региня, С. Соловейчик. Рисунки Галины Скотиной и Валерия Калягина 49
У истоков пионерии.— О пионерах двадцатых годов. С. Красовицкая-Белых. 54
Отовсюду и обо всем 56
Личное счастье.— Л. Воронкова. Главы из повести. Окончание. Рисунки П. Павлинова . 58
Улица.— Стихи Игоря Холина. Рисунки В. Цельмера 57
Спорт
Шестой приз.—П. Михалев. Фото А. Бочинина 68
Жизнь — подвиг. Ю. Новикова 70
Что нам читать? 74
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович 76
Пожалуйста! — Стихи Г. Мамлина 77
Цветы пионерской дружбы 78
В часы досуга 79
На вклейках:
Братская ГЭС.— Фото Д. Ухтомского.
С высоты 250 километров.— Фото Г. Титова.
Завтра праздник.— Картина Э. Хорошего.
На обложке:
Праздничная демонстрация.— Рисунок Ф. Лемкуля.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Швова.**

А 00367. Подписано к печати 14/XI 1961 г. Форм. бум. 84 × 108 1/16. Тираж 556 000 экз. Бум. листов 2,62. Изд. № 2130. Печ. листов 8,61. Заказ № 2563.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».

Марки для коллекций

1. Пакет «Спорт» — Виды спорта, 5 гашеных марок СССР — цена 25 коп.

2. Пакет №№ 1—24 — В пакетах №№ 1—24 марки разные — цена 3 р. 60 к.

3. Пакет № 131 — Памяти погибших героев. Стратосфера. 5 гашеных марок СССР — цена 23 коп.

4. Пакет № 154 — 220-летие Академии наук СССР. 2 гашеные марки СССР — Цена 15 коп.

5. Пакет № 165 — Города-герои, 4 гашеные марки СССР — цена 10 коп.

6. Пакет № 461 — Авиапочта. 3 гашеные марки СССР — цена 15 коп.

7. Пакет № 463 — Международное географическое сотрудничество. А. Кольцов, М. Джалиль, Л. Брайль, Махтумкули. 8 гашеных марок СССР — цена 11 коп.

8. Пакет № 464 — ВСХВ. Зональные павильоны, 7 гашеных марок СССР — цена 21 коп.

9. Пакет № 465 — ВСХВ. Зональные павильоны. 6 гашеных марок СССР — цена 18 коп.

10. Пакет № 470 — Ландшафтная серия. 9 гашеных марок СССР — цена 12 коп.

11. Пакет № 477 — Рисунки советских детей. «Перекуем мечи на орала!» и другие. 12 гашеных марок СССР — цена 13 коп.

12. Пакет № 479 — Демократическая Республика Вьетнам. Неделя письма. ВФП. МДФМ. Университет дружбы народов. 2-ой космический корабль. 9 гашеных марок — цена 15 коп.

Набор марок № 19 в двухстворчатом кляссере. Ордена и медали СССР. 27 гашеных советских марок — цена 1 р. 99 к.

Зубцемер для измерения зубчиков у марок (перфораций) — цена 23 коп.

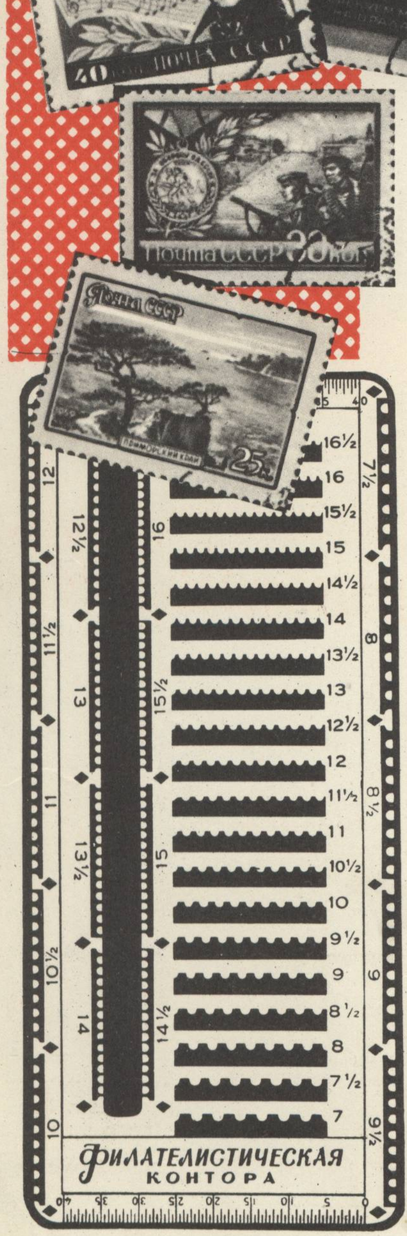
Каталог почтовых марок СССР за 1960 г. — цена 2 коп.

Альбом для марок — цена 1 р. 10 к.

Альбом для марок — цена 50 коп.

Марки высылаются наложенным платежом.
Оплата на месте получения.

Адрес магазина: Москва Ж-4, Б. Факельный пер., д. 2/22. Магазин № 111 Москниги.

Цена 25 коп.

